

ISSN 2412-6519
eISSN 2658-6231

2020

Volume 6

No 4 (24)

SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P.G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

2020

Том 6

№ 4 (24)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 31978. Формат 240×170. Объем 98 с. Тираж 60 экз. Свободная цена. Заказ № . Дата выхода в свет 31.12.2020. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91. Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

16+

EDITOR-IN-CHIEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHIEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – Saint Petersburg University (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Joseph A. Sternin – Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEPa (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

С. В. Алоэ – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)

Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)

Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)

И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)

В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)

И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)

И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)

И. А. Стернин – д-р филол. наук, профессор, ВГУ (Воронеж, РФ)

А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)

Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)

М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Akopova T. S., Tikhonova A. V.**

Citizens' activity in social networks: factors of influence..... 314

Ermakov D. N., Popov G. G., Kaninskaya G. N., Marasanova V. I.Institutional and political development of the Russian state
in the context of the theory of A. Greif 324**Popova I. V., Isaeva N. G., Hama Amin P. Kh.**Political uncertainty of the nation as an objective factor in shaping
the life plans of the Kurdish youth (empirical research experience)..... 334**Titova L. G., Uryadova A. V., Baburkin S. A.**Russian political discourse-problems of interaction between
government and society 346**SOCIOLOGY****Ermakova E. A.**

Problems of continuing education of senior people 358

Noskova O. P.Institute of volunteering as a modern form social solidarity
for example of the all-Russian project #WeAreTogether 368**PHILOLOGY****Koltysheva E. Y., Novik E. V.**Elements of nonsense in the modern English fairy-tale
(based on "The BFG, the Big Friendly Giant" by Roald Dahl)..... 380**Prokhorova S. N.**

Advertising insert as a special genre of advertising text..... 388

Talitskaya A. A., Ananeva I. I.Concepts of linguistic expertise in the ordinary language
consciousness..... 396

ПОЛИТОЛОГИЯ**Акопова Т. С., Тихонова А. В.**

Активность граждан в социальных сетях: факторы влияния..... 314

Ермаков Д. Н., Попов Г. Г., Канинская Г. Н., Марасанова В. И.Институционально-политическое развитие
русского государства в контексте теории А. Грайфа..... 324**Попова И. В., Исаева Н. Г., Хама Амин П. Х.**Политическая неопределенность нации
как объективный фактор формирования жизненных планов
курдской молодежи (опыт эмпирического исследования) 334**Титова Л. Г., Урядова А. В., Бабуркин С. А.**Российский политический дискурс – проблемы взаимодействия
власти и общества 346**СОЦИОЛОГИЯ****Ермакова Е. А.**

Проблемы непрерывного образования пожилых людей..... 358

Носкова О. П.Институт волонтерства как современная форма
общественной солидарности
на примере Всероссийской акции #МыВместе 368**ФИЛОЛОГИЯ****Колтышева Е. Ю., Новик Е. В.**Элементы нонсенса в современной английской
литературной сказке (на примере сказки Роальда Даля «БДВ,
или Большой и Добрый Великан»)..... 380**Прохорова С. Н.**

Рекламный вкладыш как особый жанр рекламного текста..... 388

Талицкая А. А., Ананьева И. И.Понятия лингвистической экспертизы
в обыденном языковом сознании 396

Citizens' activity in social networks: factors of influence

T. S. Akopova¹, A. V. Tikhonova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-314-323

Research Article
Full text in Russian

This article is devoted to the study of Internet activism, as well as the analysis of external factors that directly or indirectly affect the activity of citizens in social networks. The authors consider the concept of Internet activism, its "actions" in the network, as well as various points of view of researchers in the field of civic activism on the effectiveness of this method of political participation of citizens. The main part of the paper presents the materials of modern research that examines civil activity on the Internet, as well as the reasons for high or low civil Internet activity. Based on the materials reviewed, the authors identify the main factors of citizens' activity in social networks. In order to identify the dependence of the number of requests from citizens in social networks on other external factors, the authors conducted their own research. The paper uses the method of sociological analysis, namely the calculation of Spearman's rank correlation coefficient, to determine the dependence of the number of requests from citizens of the Yaroslavl region in social networks on the population of the region, as well as on the level of Internet penetration in municipalities of the region. The analysis showed that the number of complaints, complaints about problems, requests from the population to Executive authorities in social networks in the Yaroslavl region depends on the number of people living in various municipalities of the region, as well as on the level of penetration of residents of these municipalities into the Internet space. The results of the analysis also allow us to conclude that the above indicators can estimate the activity of citizens in social networks in a particular region.

Keywords: Internet; social networks; citizens' activity; activism; citizens' appeals; Yaroslavl region; Spearman's rank correlation

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akopova, Tatyana S. | E-mail: akopova_tatyana@mail.ru
Cand. Sc. (Sociology), Dean of the faculty of social and political Sciences

Tikhonova, Anna V. | E-mail: tixonowa.an@yandex.ru
Student

For citation: Akopova T. S., Tikhonova A. V. Citizens' activity in social networks: factors of influence // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 4. P. 314-323. (in Russ.)

Активность граждан в социальных сетях: факторы влияния

Т. С. Аكوпова¹, А. В. Тихонова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-314-323
УДК 321.01

Научная статья
Полный текст на русском языке

Данная статья посвящена исследованию интернет-активизма, а также анализу внешних факторов, которые прямо или косвенно влияют на активность граждан в социальных сетях. Авторы рассматривают понятие интернет-активизма, его «действия» в сети, а также различные точки зрения исследователей в области гражданской активности на эффективность такого способа политического участия граждан. В основной части работы представлены материалы современных исследований, в которых рассматриваются гражданская активность в интернете, а также причины высокой или низкой гражданской интернет-активности. На основе рассмотренных материалов авторы выделяют главные факторы активности граждан в социальных сетях. С целью выявления зависимости количества обращений граждан в социальных сетях от иных внешних факторов авторами было проведено собственное исследование. В работе используется метод социологического анализа, а именно расчёт коэффициента ранговой корреляции Спирмена, для определения зависимости количества обращений граждан Ярославской области в социальных сетях от численности населения региона, а также от уровня проникновения интернета в муниципальные образования области. Анализ показал, что количество жалоб, обращений по проблемам, запросов со стороны населения к органам исполнительной власти в социальных сетях в Ярославской области зависит от числа людей, живущих в различных муниципальных образованиях региона, а также от уровня проникновения жителей этих муниципальных образований в интернет-пространство. Результаты анализа также позволяют делать вывод, что активность граждан в социальных сетях в том или ином регионе можно оценить по вышеперечисленным показателям.

Ключевые слова: Интернет; социальные сети; активность граждан; активизм; обращения граждан; Ярославская область; ранговая корреляция Спирмена

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопова, Татьяна Сергеевна | E-mail: www.polittheory@mail.ru
Кандидат социологических наук, декан факультета
социально-политических наук

Тихонова, Анна В. | E-mail: tixonowa.an@yandex.ru
Магистрант

Для цитирования: Аكوпова Т. С., Тихонова А. В. Активность граждан в социальных сетях: факторы влияния // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 4. С. 314-323.

В современном мире интернет оказывает масштабное влияние на жизнь общества. Цифровое пространство охватывает различные отрасли деятельности человека и способствует появлению новых направлений деятельности, например, появление онлайн-торговли, электронного голосования, онлайн-образования и т. д. Одной из самых распространенных форм публичной коммуникации стало использование социальных сетей. С каждым днем в социальные сети внедряется все больше и больше людей, значительная часть человеческой активности переходит в онлайн-формат [1, с. 42]. И если интернет рассматривается как «коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими людьми в любой момент времени и в глобальном масштабе» [2, с. 15], то социальные сети представляют собой конкретный инструмент, позволяющий выстраивать взаимосвязи между людьми, активизировать социальную составляющую взаимодействия онлайн прежде всего с органами власти.

Социальные сети сегодня являются отличной площадкой, которая дает возможность населению проявить социальную активность в решении проблем местного характера, а именно возможность взять на себя ответственность за жизнь социума в том или ином городе, поселке. Эти возможности заключаются в оказании влияния на принятие управленческих решений по общественно-значимым вопросам, для огласки волнующих проблем и выражения своих взглядов, обсуждения возможных путей решения. Социальные платформы можно назвать мощным инструментом, с помощью которого граждане могут выражать и реализовывать свои демократические права.

В этом смысле стоит говорить о таком способе политического участия граждан, как интернет-активизм (активизм online, цифровой активизм). Под ним понимается деятельность заинтересованных пользователей, цель которых заключается в решении различных проблем с помощью действий в онлайн-пространстве [3, с. 30]. Главным актором цифрового активизма является лицо, которое имеет аккаунт в социальной сети, блоге, форуме и т. д. Выразить свою гражданскую позицию можно с помощью следующих действий в сети: с помощью «лайка», который означает солидарность с опубликованной информацией, с помощью «репоста», который дает возможность поделиться данной информацией, а также с помощью комментария, который дает возможность вступить в диалог в виртуальном пространстве и выразить свою точку зрения по той или иной проблеме.

Стоит отметить, что многие исследователи относятся к такому виду гражданской активности неоднозначно. Например, М. Гладуэлл убежден, что использование интернет-пространства для выражения своих идей является непродуктивной заменой «живого» участия, которое не способно оказать должного влияния, как, например, протест, акция в офлайне [4]. Известный исследователь Е. Морозов имеет аналогичную точку зрения: он считает, что активизм в онлайн-пространстве является иллюзией влияния на какие-либо значимые решения [5]. Именно он стал автором популярного на сегодняшний день термина «слактивизм». Другие исследователи, например, Стюарт Фокс [6], Лэйнс Беннет [7] и Рассел Далтон [8] уверены, что интернет-активизм является современной заменой офлайн-активизму. А. Н. Балашов и М. А. Бочанов отмечают, что в российском сегменте социальные сети сильно поспособствовали развитию оппозиционной политической активности [9]. Е. В. Морозова и И. В. Мирошниченко утверждают, что благодаря интернет-пространству и социальным платформам в России произошел значительный рост гражданской активности [10].

Сегодня пространство социальных сетей и причины высокой или низкой гражданской интернет-активности в них постоянно изучаются. Так, например, интересными представляются результаты исследований интернет-пространства в Ярославском регионе, представленные А. В. Соколовым и Д. Е. Палатниковым. Авторы утверждают, что в Ярославской области гражданская активность в интернете становится все более популярной. Причиной тому служит уход от практики двусторонней коммуникации по проблеме с представителем власти к намеренному ее опубликованию и поиску «союзников» [11, с. 93]. В связи с этим можно также предположить, что чем больше в интернет-пространстве того или иного региона, города площадок (сообществ, публичных страниц информационного, развлекательного характера, групп по интересам и т. д.) в социальных сетях, в которых можно поделиться проблемой, тем выше активность пользователей. Также в результате исследования авторами было выявлено, что почти 43 % населения региона независимо от личного участия в распространении информации в сети о событиях в регионе положительно оценивают роль интернета и социальных сетей в решении социальных проблем. Однако на причину активности в сети это никак не влияет. Авторами отмечено, что в настоящее время доверие сообществ в сети средствам массовой информации и даже друг другу практически отсутствует.

Другие авторы, например, А. В. Садилова, отмечают, что повышение политической активности граждан в социальных сетях происходит в ситуации, когда платформой для этой интернет-активности становятся региональные, городские, районные сообщества [12, с. 50]. Причиной этой активности является личная заинтересованность граждан в решении конкретных локальных вопросов в своем регионе, городе.

О взаимозависимости активности граждан в социальных сетях и развития политических событий говорит Ю. Б. Киняшева [13, с. 8]. В своем исследовании она показала, как инициирование законопроекта Государственной Думой ФС РФ о повышении пенсионного возраста летом 2018 года способствовало организации более 150 групп в социальной сети «ВКонтакте», которые охватили граждан различных субъектов РФ (например, группа «Народ против повышения пенсионного возраста» имела более 20 тыс. подписчиков, группа «Россия против повышения пенсионного возраста» насчитывала более 13 тыс. подписчиков).

В настоящее время интерес к использованию социальных сетей только растет, причем с высокой скоростью. По данным WEB-Index, социальные сети занимают большой процент от всего времени, проведенного пользователем в интернете для всех возрастных категорий [14]. Активность граждан в социальных сетях зависит от различных факторов. Во-первых, можно выделить такой фактор, как проникновение интернета в тот или иной регион, город, иное муниципальное образование. В регионах РФ население пользуется интернетом по-разному, соответственно, и социальными сетями тоже. Порой это зависит и от технической возможности подведения интернета. С каждым годом таких проблем становится все меньше, но тем не менее интернет в свободном доступе имеют не все жители регионов России.

Во-вторых, еще одним фактором является численность населения того или иного региона, города. Предположительно, чем больше людей в городе или регионе в целом, тем больше запросов или жалоб поступает на официальные страницы органов власти или описания проблем размещается в развлекательных и информационных сообществах в социальных сетях.

В-третьих, наличие обратной связи со стороны органов власти на те или иные обращения граждан в социальных сетях (неважно, в официальных ли аккаунтах ор-

ганов власти или же просто в комментариях любых развлекательных или информационных сообществ) также влияет на активность граждан в сети. Когда пользователь получает ответ или реакцию на свое обращение или жалобу, скорее всего, со следующим обращением он вернется на ту же страницу не один раз.

В-четвертых, активность граждан в социальных сетях зависит также и от наличия разнообразного досуга в их регионе, муниципальном образовании. В минувшем году самое большое число пользователей интернета на 100 человек было зафиксировано в Ямало-Ненецком автономном округе. Согласно данным Росстата, в этом регионе в онлайн-пространство вовлечено 94 % населения [15]. Многие аналитики отмечают, что порой в небольших городах и регионах страны вовлеченность людей в интернет-пространство высокая в силу того, что сеть является одним из немногих инструментов развлечения.

В-пятых, такой показатель, как протестная активность в регионе, также влияет на активность граждан в социальных сетях. Все те проблемные кейсы и темы, с которыми люди выходят на улицы, существуют и на просторах социальных сетей данных регионов. Предположительно, чем больше таких инфоповодов существует в офлайн-пространстве региона, тем быстрее пространство социальных сетей наполняется обращениями и жалобами граждан. Или же такая активность в социальных сетях может послужить привлечением внимания региональных или федеральных СМИ, а в результате и органов власти. Так, например, А. В. Соколов в своем исследовании конфликтов в городских сообществах на примере Ярославской области отмечал, что на начальном этапе формирования любых городских конфликтов традиционные СМИ зачастую игнорируют освещение позиций городских сообществ, но, когда активная информационная кампания в социальных сетях позволяет привлечь больше сторонников, ярко присутствует в повестке дня, традиционные СМИ обращают внимание на данный конфликт [16, с. 376]. Так может сформироваться потенциал для успешным коллективных действий, например, как это произошло в ситуации с отменой ввоза бытовых отходов из московского региона в Ярославской области в 2018 г.

С целью выявления зависимости количества обращений граждан в социальных сетях от внешних факторов для каждого муниципального образования/города на примере Ярославской области было проведено исследование зависимости активности граждан от двух внешних факторов, а именно от числа жителей в регионе, а также от уровня проникновения интернета в регионе. Исследование проводилось с помощью такого метода статистического анализа, как расчет коэффициента корреляции рангов Спирмена. Исследуемую выборку составляют 18 муниципальных городов и районов Ярославской области, которые имеют аккаунты в социальных сетях (Facebook, Instagram, Вконтакте, Одноклассники). Задачи исследования состоят в определении тесноты связи между такими количественными показателями, как проникновение интернета в ЯО и количество обращений/запросов с проблемами со стороны населения ЯО в каждом муниципальном образовании/городе в течение рассматриваемого периода (01.09.2019–30.04.2020), а также в определении тесноты связи между такими количественными показателями, как население каждого муниципального образования/города ЯО и количество обращений/запросов с проблемами со стороны населения ЯО в каждом муниципальном образовании/городе в течение рассматриваемого периода (01.09.2019–30.04.2020). Хронологические рамки исследования объясняются временным промежутком, в который авторами отслеживалось количество обращений/запросов с проблемами со стороны населения ЯО в каждом муниципальном образовании/городе.

С помощью данного метода исследования представляется интересным выявить внешние факторы, которые прямо или косвенно влияют на количество обращений в социальных сетях. Во внимание были приняты открытые данные для каждого муниципального образования ЯО: проникновение интернета в ЯО в процентах и население каждого муниципального образования.

Вначале проранжируем показатели «количество обращений граждан ЯО по проблемам в социальных сетях в шт.» и «проникновение интернета в ЯО в процентах» между собой (таблица 1). Под «количеством обращений граждан ЯО по проблемам в социальных сетях в шт. (01.09.2019–30.04.2020)» понимается количество обращений/запросов в социальных сетях со стороны населения для каждого из 18 муниципальных районов/городов Ярославской области. Суммарные данные были получены с помощью программы «Инцидент-Менеджмент». Под данным показателем и подразумевается высокая или низкая активность граждан в социальных сетях. Под «проникновением интернета в ЯО в процентах» понимается процент населения для каждого из 18 муниципальных районов/городов Ярославской области, который пользуется интернетом [17].

Таблица 1

Определение связи между показателями «кол-во обращений» и «количество людей, которые пользуются интернетом»

Исследуемая выборка	Количество обращений граждан ЯО по проблемам в социальных сетях (01.09.2019–30.04.2020)	Проникновение интернета в ЯО в % (на 2019 г.)	Ранги X	Ранги Y	d (X-Y)	d ²
Ярославль	13674	73,1	18	18	0	0
Переславль-Залесский	977	62,1	15	8	7	49
Рыбинский р-н	3513	69,7	17	16	1	1
Большесельский р-н	74	53,7	4	2	2	4
Борисоглебский р-н	145	59,3	7	5	2	4
Брейтовский р-н	85	52,9	5	1	4	16
Гаврилов-Ямский р-н	320	65,9	13	12	1	1
Даниловский р-н	159	62,7	10	9	1	1
Любимский р-н	17	63,7	1	11	-10	100
Мышкинский р-н	154	58	9	3	6	36
Некоузский р-н	46	69,1	2	15	-13	169
Некрасовский р-н	148	59,8	8	6	2	4
Первомайский р-н	65	58,8	3	4	-1	1
Пошехонский р-н	109	60,5	6	7	-1	1
Ростовский р-н	198	68,3	12	14	-2	4
Тутаевский р-н	1217	70,5	16	17	-1	1
Угличский р-н	454	62,8	14	10	4	16
Ярославский р-н	167	67,7	11	13	-2	4
$\sum d^2$						412

Для данных уровень «количество обращений граждан ЯО по проблемам в социальных сетях в шт.» 18-й ранг соответствует самому высокому значению, а 1-й – самому низкому, также для данных «проникновение интернета в ЯО в процентах» 18-й ранг соответствует самому высокому значению, а 1-й – самому низкому.

Коэффициент r_s вычисляется по формуле:

$$r_s = 1 - \frac{6 \times (\sum d^2)}{n^3 - n}$$

Подставим табличные данные:

$$r_s = 1 - \frac{6 \times 412}{18^3 - 18} = 1 - \frac{2472}{5814} = 0,5748$$

Обратимся к таблице «Достоверные (критические) значения Спирмена» (приложение 1, таблица 5 пособия И. В. Разумова «Бизнес в области политического маркетинга. Ч. 2: Обработка и оценка данных в политическом маркетинге») [18, с. 147].

Полученный коэффициент является положительным и достоверным, так как его величина даже выше табличного значения (при $\eta=18$ табличное значение соответствует числу 0,47 при уровне значимости в 5 %). Из этого следует вывод о том, что связь между признаками X (количество обращений граждан ЯО по проблемам в социальных сетях в шт.) и Y (проникновение интернета в ЯО в процентах) прямая и умеренная.

Далее обратимся к еще одному показателю: население Ярославской области [19, с. 8]. Как и говорилось ранее, в зависимости от численности населения может меняться активность в интернет-пространстве в конкретном муниципальном образовании. Это касается в том числе социальных сетей, а также общего количества обращений или запросов населения к органам власти в них. Именно поэтому интересно проследить, есть ли зависимость между этими показателями (таблица 2).

Для данных уровень «количество обращений граждан ЯО по проблемам в социальных сетях в шт.» 18-й ранг соответствует самому высокому значению, а 1-й – самому низкому, также для данных «население ЯО в тыс.» 18-й ранг соответствует самому высокому значению, а 1-й – самому низкому.

Коэффициент r_s вычисляется по формуле:

$$r_s = 1 - \frac{6 \times (\sum d^2)}{n^3 - n}$$

Подставим табличные данные:

$$r_s = 1 - \frac{6 \times 142}{18^3 - 18} = 1 - \frac{852}{5814} = 0,8534$$

Обратимся к таблице «Достоверные (критические) значения Спирмена» (приложение 1, таблица 5 пособия И. В. Разумова «Бизнес в области политического маркетинга. Ч.2: Обработка и оценка данных в политическом маркетинге» И.В.) [18, с. 147].

**Определение связи между показателями «кол-во обращений»
и «население ЯО»**

Исследуемая выборка	Количество обращений граждан ЯО по проблемам в социальных сетях (01.09.2019–30.04.2020)	Население ЯО в тыс. (на 2019 г.)	Ранги X	Ранги Y	d (X-Y)	d ²
Ярославль	13674	608,7	18	18	0	0
Переславль-Залесский	977	48,8	15	13	2	4
Рыбинский р-н	3513	215,1	17	17	0	0
Большесельский р-н	74	9,2	4	2	2	4
Борисоглебский р-н	145	11,9	7	6	1	1
Брейтовский р-н	85	6,1	5	1	4	16
Гаврилов-Ямский р-н	320	25,9	13	11	2	4
Даниловский р-н	159	24,7	10	10	0	0
Любимский р-н	17	10,6	1	5	-4	16
Мышкинский р-н	154	9,5	9	3	6	36
Некоузский р-н	46	14,1	2	8	-6	36
Некрасовский р-н	148	19,2	8	9	-1	1
Первомайский р-н	65	10,1	3	4	-1	1
Пошехонский р-н	109	12,2	6	7	-1	1
Ростовский р-н	198	94,7	12	15	-3	9
Тутаевский р-н	1217	96,2	16	16	0	0
Угличский р-н	454	45,3	14	12	2	4
Ярославский р-н	167	63,6	11	14	-3	9
$\sum d^2$						142

Полученный коэффициент является положительным и достоверным, так как его величина почти в 2 раза выше табличного значения (при $\eta=18$ табличное значение соответствует числу 0,47 при уровне значимости в 5 %). Из этого следует вывод о том, что связь между признаками X (количество обращений граждан ЯО по проблемам в социальных сетях в шт.) и Y (население ЯО в тыс.) прямая и сильная.

В результате расчета коэффициента корреляции рангов Спирмена между показателями «количество обращений граждан ЯО по проблемам в социальных сетях в шт.» и «проникновение интернета в ЯО в процентах» выяснилось, что связь между ними прямая и умеренная. Такой результат говорит о том, что количество запросов со стороны населения ЯО в социальных сетях к власти в определенной степени зависит от того, какое количество людей пользуется интернетом, в том числе и социальными сетями, в своем муниципальном образовании. Изначально данная связь не кажется такой очевидной, поскольку в некоторых, даже небольших районах ЯО имеется определенная «активная аудитория», запросов и жалоб от которой приходит большое количество. Но именно для таких случаев в данном методе исследования изначально оговаривается, что уровень значимости (погрешность) составляет 5 %.

В результате расчета коэффициента корреляции рангов Спирмена между показателями «количество обращений граждан ЯО по проблемам в социальных сетях в шт.» и «население ЯО в тыс.» выяснилось, что связь между данными показателями очень сильная и прямая. Такой исход подтверждает, что чем больше население в том или ином районе Ярославской области, тем больше обращений в социальных сетях поступает со стороны населения органам власти. Теснота связи между данными показателями более очевидная, она подтвердилась для количества обращений с сентября 2019 г. по апрель 2020 г. и для показателя населения по всей территории Ярославской области за 2019 г.

Таким образом, коэффициент корреляции рангов Спирмена показал, что количество жалоб, обращений по проблемам, запросов со стороны населения к органам исполнительной власти в социальных сетях в Ярославской области зависит от числа людей, живущих в различных муниципальных образованиях региона, а также от уровня проникновения жителей этих муниципальных образований в интернет-пространство. Анализ показал, что активность граждан в социальных сетях того или иного региона, города или иного муниципального образования может зависеть от различных факторов, соответственно, данный показатель можно оценить, ознакомившись с открытыми данными по региону, например, с числом проживающих там граждан или с уровнем проникновения интернета.

Ссылки / References

1. Салова И. А., Алексеенко А. И. Диагностика возможности использования потенциала социальных сетей для организации пространства публичных коммуникаций // Коммуникология. 2019. Том 7. № 4. С. 41–52.
2. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
3. Фролов А. А., Агурова А. А. Индексный анализ гражданской активности в социальных сетях // Известия Иркутского гос. университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2019. Т. 29. С. 28–43.
4. Gladwell M. Why the Revolution Will Not Be Tweeted // The New Yorker. 04.10.2010. URL: www.newyorker.com/magazine/2010/10/04/small-change-malcolm-gladwell (дата обращения: 30.10.2020).
5. Morozov E. The brave new world of slacktivism // Foreign Policy. 19.05.2009. URL: <http://foreignpolicy.com/2009/05/19/the-brave-new-world-of-slacktivism/> (дата обращения: 30.10.2020).
6. Fox S. Is It Time to Update the Definition of Political Participation? // Parliamentary Affairs. 2014. Vol. 67. Is. 2. P. 495–505.
7. Bennett L. W. The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2012. № 644. P. 20–39.
8. Dalton R. Citizenship Norms and the Expansion of Political Participation // Political Studies. 2008. № 56. P. 76–98.

9. Балашов А. Н., Бочанов М. А. Интернет-технологии как фактор развития политической активности граждан: тренды и противоречия // PolitBook. 2017. № 2. С. 22–34.
10. Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и власти // Полис. Политические исследования. 2011. № 1. С. 140–152.
11. Палатников Д. Е., Соколов А. В. Человек политический в Интернет-среде: типичные практики и модели поведения (на примере Ярославской области) // Возможности и угрозы цифрового общества: сборник научных статей / Под общ. ред. А. В. Соколова, А. А. Власовой. Ярославль, 2019. С. 91–95.
12. Садилова А. В. Практики российского интернет-активизма на субнациональном уровне // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Т. 16. № 4. С. 49–59.
13. Киняшева Ю. Б. Социальные сети как инструмент политической мобилизации граждан в современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 3–10.
14. Российский интернет-фестиваль // РИФ+КИБ 2019. URL: <https://goo.su/2OeP> (дата обращения: 22.10.2020).
15. Названы регионы России, где живут самые активные пользователи Интернета // LIFE. 06.07.2020. URL: <https://life.ru/p/1333015> (дата обращения: 22.10.2020).
16. Соколов А. В. Социальные сети в конфликтах городских сообществ // Траектории политического развития России: Институты, проекты, акторы: материалы Всероссийской научной конференции РАПН, г. Москва, МПГУ, 6–7 декабря 2019 г. М.: МПГУ, 2019. С. 375–376.
17. Росстат опубликовал данные по проникновению ШПД в регионах России // d-russia.ru. URL: <https://d-russia.ru/rosstat-opublikoval-dannye-po-proniknoveniju-shpd-v-regionah-rossii.html> (дата обращения: 20.12.2019).
18. Разумов И. В. Бизнес в области политического маркетинга. Ярославль, 2003. 154 с.
19. Ярославская область в цифрах. Краткий статистический сборник. Ярославль, 2019. 103 с.

Institutional and political development of the Russian state in the context of the theory of A. Greif

D. N. Ermakov¹, G. G. Popov², G. N. Kaninskaya¹, V. M. Marasanova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

²RANEPA, 82 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-324-333

Research Article
Full text in Russian

The purpose of this article is to test the concept of A. Greif for the operation of the principle of establishing a balance of interests in Russian society in the face of increasing external threats. The article reveals the significance of the Veche as an institution that reflected the desire to establish a balance of interests of elites in Russian society. The author traces changes in the significance of the traditions of self-government in Russian lands with the increase of military threats. The content of the balance of interests in medieval Russian society is determined. The problematic method of historical analysis is applied to the study of the political processes of medieval Russia, and the problem of *narodopravstvo* is brought to the fore. The conceptual idea of A. Greif is confirmed in Russian medieval history. Deviations from the rule deduced by A. Greif under certain external conditions lead society to crises. The authors point out that the easing of military pressure from the nomads on North-Eastern Russia (1408) allowed the Moscow princes to concentrate their efforts on fighting potential internal opposition and other branches of the Rurik dynasty that occupied the great tables, as well as against the Novgorod Republic, which embodied the ancient Slavic state order. In the course of this struggle, the balance of interests between strata of Russian society was disrupted, which eventually resulted in the establishment of a brutal serfdom and a reactionary form of centralized government – autocracy. In South-Western and North-Western Russia, such conditions did not develop, so the old Slavic order was preserved there for a long time, but, due to military and political reasons, the States in these regions did not manage to maintain independence.

Keywords: historical political science; political institutions of medieval Russia; old Russian society; Kievan Rus

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ermakov, Dmitry N.	E-mail: dermakow@mail.ru Doc. Sc. (Economics), Professor
Popov, Grigory G.	E-mail: popov-gg@ranepa.ru Cand. Sc. (Economics), Senior researcher
Kaninskaya, Galina N.	E-mail: kanin@uniyar.ac.ru Doctor Sc. (History), Professor
Marasanova, Victoria M.	E-mail: vmm@uniyar.ac.ru Doctor Sc. (History), Professor

For citation: Ermakov D. N., Popov G. G., Kaninskaya G. N., Marasanova V. M. Institutional and political development of the Russian state in the context of the theory of A. Greif // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2020. Vol. 6, No 4. P. 324-333. (in Russ.)

Институционально-политическое развитие русского государства в контексте теории А. Грайфа

Д. Н. Ермаков¹, Г. Г. Попов², Г. Н. Канинская¹, В. М. Марасанова¹

¹ЯрГУ, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

²РАНХиГС, пр. Вернадского, 82, корпус 2, Москва, 119571, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-324-333
УДК 321.1; 328.188; 94 (47) "1130–1650"

Научная статья
Полный текст на русском языке

Целью настоящей статьи является тестирование концепции А. Грайфа на предмет действия принципа установления баланса интересов в русском обществе в условиях нарастания внешних угроз. Выявляется значение веча как института, отражавшего стремление к установлению баланса интересов элит в русском обществе. Прослеживаются изменения значения традиций самоуправления в русских землях с нарастанием военных угроз. Определяется содержание баланса интересов в средневековом русском обществе. Проблемный метод исторического анализа применяется к изучению политических процессов средневековой России, на первый план выдвигается проблема народоправства. Концептуальная идея А. Грайфа подтверждается в русской средневековой истории. Отклонения от выведенного А. Грайфом правила при определенных внешних условиях ведут общество к кризисам. Авторы указывают, что ослабление военного давления на Северо-Восточную Русь со стороны кочевников (1408 г.) позволило московским князьям сконцентрировать усилия на борьбе с потенциальной внутренней оппозицией и с другими ветвями Рюриковичей, занимавших великие столы, а также против Новгородской республики, в которой воплотился древний славянский государственный порядок. В ходе этой борьбы был нарушен баланс интересов между стратами русского общества, что в итоге вылилось в установление жестокого крепостного права и реакционной формы централизованного управления государством – самодержавия. В Юго-Западной и Северо-Западной Руси такие условия не сложились, поэтому старый славянский порядок там долго сохранялся, но в силу военно-политических причин государствам в этих регионах не удалось сохранить независимость.

Ключевые слова: историческая политология; политические институты средневековой России; древнерусское общество; Киевская Русь

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ермаков, Дмитрий Николаевич | E-mail: dermakow@mail.ru
Доктор экономических наук, профессор

Попов, Григорий Германович | E-mail: popov-gg@ranepa.ru
Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Канинская, Галина Николаевна | E-mail: kanin@uniyar.ac.ru
Доктор исторических наук, профессор

Марасанова, Виктория Михайловна | E-mail: vmm@uniyar.ac.ru
Доктор исторических наук, профессор

Для цитирования: Ермаков Д. Н., Попов Г. Г., Канинская Г. Н., Марасанова В. М. Институционально-политическое развитие русского государства в контексте теории А. Грайфа // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 4. С. 324-333.

© Ермаков Д. Н., Попов Г. Г., Канинская Г. Н., Марасанова В. И., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Проблема становления русской государственности продолжает привлекать внимание исследователей самого широкого профиля, в том числе и политологов, и не только отечественных, но и зарубежных. В имперский и советский периоды в центр причин возникновения русского централизованного государства в XIV–XV вв. специалисты помещали борьбу с татаро-монгольскими завоевателями. Подобный взгляд на генезис Московской Руси сохранился в мейнстриме российской науки и в постсоветский период. Соответственно, основной причиной поражения русских княжеств в борьбе с ордынцами называлась и до сих отмечается политическая раздробленность, вызванная многочисленными конфликтами в «политической семье» Рюриковичей за обладание княжескими престолами.

Вместе с тем заслуживает внимания концепция А. Грайфа, который рассматривал сходную политическую ситуацию на примере Генуэзской республики XII в. [1]. По мнению А. Грайфа, внешние угрозы приводят не только к централизации власти в государстве, но и к установлению баланса интересов в обществе, что выражается в первую очередь в конституционном порядке (конституционном в широком смысле этого слова). Следуя логике рассуждений А. Грайфа, можно сделать вывод о том, что благодаря чётко установленному балансу сил Генуя сохранила и укрепила республиканский строй в XII в., несмотря на внешнее военное давление. Другой зарубежный политолог К. Литткенс показал, что аналогичный Генуэзской республике принцип действовал в древнегреческих полисах на стадии их ранней истории [2, р. 19]. К. Литткенс доказывает, что усилия по установлению единоличной власти в условиях серьёзных внешних угроз оказывались контрпродуктивными, поэтому политические элиты стремились в древнегреческих полисах поддерживать баланс интересов, следствием чего стало введение в политическую жизнь законодательных кодексов в этих государствах [2, Р. 19–20].

Разумеется, примеры Генуи по позднему Средневековью и Древней Греции, на первый взгляд, далеки от Московской Руси, но только на первый взгляд: политологами давно выявлена и доказана универсальность ряда социальных и политических законов. В этом контексте бросается в глаза тот факт, что Русь IX–XVI вв. представляла собой феномен, при котором централизация и децентрализация в ее государственных образованиях развивались безотносительно нарастания или спада внешних угроз, за исключением эпохи правления Ивана Грозного. Однако знаменитое отражение нашествия Сахиб Гирея в 1541 г. произошло в условиях слабой монархической власти на фоне усиления влияния боярских кланов в Москве. Тогда русское государство продемонстрировало высокий технический и организационный уровень своей обороны перед лицом реформированного по образцу Османской империи Крымского ханства (крымские татары могли вывести к границам Московского княжества войско численностью более 30 000 человек). Данный феномен можно объяснить, обратившись к теории А. Грайфа. В таком случае становится понятно и объяснимо, что в интересах региональных элит было сохранение автономии и даже ее развитие вплоть до обретения полной независимости или вхождения в состав другого государства (например, Великого княжества Литовского – ВКЛ).

Как показал отечественный специалист М. А. Несин, успешность русского средневекового войска зависела не столько от централизации государственного управления, сколько от логистики и, соответственно, экономических ресурсов для обеспечения военных [3; 4]. Средневековые русские люди это понимали, поэтому потребность в высокой централизации на уровне крупных территориальных комплексов (напри-

мер, уровня Московского царства XVII в.) у них отсутствовала, особенно ярко это проявилось в отношении населения к княжеской власти в Северо-Западной и Западной Руси в монгольский период.

Более двух столетий в российской историографии, как было сказано выше, генезис централизованного государства и, соответственно, самодержавия рассматривался через призму реакции русского общества на внешние угрозы. Из этого вытекал вывод, что русские отказались от гражданского общества и парламентаризма в пользу безопасности на фоне сильного военного давления как с Востока (государства номадов), так и Запада (в основном Речь Посполитая и ранее ВКЛ). Однако, несмотря на то, что уровень внешних угроз значительно вырос в первой половине XIII в., в русских землях продолжался процесс политической дезинтеграции, впоследствии еще увеличилось количество как удельных, так и великих княжеств. Правда, власть великого князя превратилась в номинальный институт, усиление Московского дома объяснялось и объясняется хорошими отношениями его представителей с Золотой Ордой (передачей ханами Москве права сбора выхода), но не получением ими статуса великих князей владимирских.

Для средневековой Руси показателем стремления общества к поддержанию баланса интересов выступает институт веча, по которому проследить политику элит по поддержанию конституционного порядка в противовес попыткам установления единоличного правления (самодержавия) представляется весьма легким. Самодержавное правление нередко рассматривалось в русских землях как произвол, то есть как политические действия, противоречащие установившемуся в обществе порядку, или согласию. В этой связи правомерно сопоставить проявление вечевых традиций в русских землях конца киевского и монгольского периодов с нарастанием / снижением внешних угроз, тестируя тем самым концепцию А. Грайфа на примере истории средневековой Руси. В этом суть метода проблемного исторического анализа и подхода к изучению политических процессов средневековой России.

В средневековой Руси существовало несколько ограничений власти русского князя, которые, судя по всему, вытекали из неписаной древнерусской конституции [5, с. 86]. Во-первых, князь не имел права убить или сильно покалечить другого князя. Во-вторых, один князь не имел права лишить абсолютно волостей другого князя, на это не имел прав даже съезд князей. Эти ограничения стали весомыми причинами политической раздробленности Руси [6, с. 86].

Вторая группа ограничений уже находилась в сфере отношений князя с дружинниками и боярами. Любой Рюрикович был обязан в ходе принятия стратегического решения советоваться со старшими дружинниками или боярами. Отсюда следовало другое ограничение – неуважение князем дружинников влекло за собой отъезд последних к другому князю [6, С. 89]. Впрочем, такой отъезд мог произойти и по другим причинам [6].

Третьим ограничением власти князя было вече, не всегда оно явно выступает в летописях как таковое, но подразумевается, что жители города именно организованно выносили свое решение. К тому же, в историографии до сих пор нет однозначного мнения насчет того, было ли вече действительно органом народоправства или же являлось выразителем интересов региональных олигархий [6, С. 90]. Мы считаем, что верно то и другое, региональная элита вынуждена была считаться с мнением большинства, но речь идет, естественно, о свободных горожанах и зажиточных крестьянах, под ними в средневековой Руси понимался народ, что характерно для всех индоевропейцев с древнейших времен. Однако нерегулярность вечевых собраний

даже в Новгороде и Пскове [7, с. 91] указывает на архаичность данного института и на существование более прочных властных структур боярской власти.

Разумеется, мнение веча выражало желания элитарных сегментов общества, в первую очередь бояр. Ближе к середине XII в. можно увидеть по летописям усиление значения веча, что означает политическое укрепление региональных элит, которые стремятся заставить княжескую власть прислушиваться к своему мнению. В 1136 г. окончательно оформляется через решение веча приоритет боярской власти в Новгороде, в 1138 г. черниговская знать потребовала на вечевом собрании от Всеволода Ольговича остаться в волости, чтобы принять бой со своим соперником киевском князем Ярополком Владимировичем, в середине XII в. киевляне неоднократно через вече выражали свои политические симпатии или антипатии к тем или иным князьям в ходе активизации борьбы между последними за киевский стол [6, с. 96]. В 1155 г. Изяслав Давыдович ответил Юрию Долгорукому на требование последнего оставить Киев, что править его в городе поставили киевляне [6, С. 97].

Очевидно, богатые горожане и бояре стремились установить свой порядок в русских землях, намереваясь положить конец княжеским междоусобицам, которые, как известно, велись из-за отсутствия упорядоченного законодательно престолонаследия. Однако видна и другая проблема, вызвавшая политическую активность региональных элит: слишком сильная власть князя наносила ущерб их экономическим интересам, поэтому те же киевляне или новгородцы желали видеть у себя слабого в правах князя. Но все это происходило на фоне возрастания военной угрозы для русских земель, но не со стороны внешних врагов, а со стороны своих же князей, которые часто привлекали в свои войска иностранные контингенты, например, традиционных для русских врагов – половцев. Русь к середине XII в. превратилась в конфедерацию, это делало тех же самых владимирцев в глазах киевлян чужаками. Например, жители Рязанщины называли Русью только южнорусские княжества [6, С. 102], очевидно, слабо ассоциируя себя с последними.

Что касается четвертого типа ограничений – церкви, то мы не видим в киевский период большого значения этого фактора в русской политике, роль Православной церкви возросла в Северо-Восточной Руси уже в монгольский период. Исключение здесь составил Великий Новгород, где сложилась уникальная в русской истории ситуация, когда значительная часть исполнительной власти и верховная судебная власть были переданы еще в киевский период епископу (с 1165 г. новгородские епископы получили сан архиепископов), который избирался не только богатыми горожанами, но и свободными новгородцами среднего и малого достатка [5, с. 129]. Епископ также являлся председателем Совета господ [5] (орган, смешивавший в себе функции исполнительной и законодательной властей, но больше имевший функции постоянного малого законодательного собрания).

Совет господ существовал и в Пскове, и, судя по всему, данный институт был распространен в киевский период в других городах, но за пределами Северо-Западной Руси он не имел столь большого значения как ограничитель княжеской власти. Перед падением Новгородской республики в конце XV в. Совет господ состоял приблизительно из 50 человек [5, С. 132].

То, что политическая раздробленность вытекала, помимо конфликта внутри династии Рюриковичей, из воли региональных элит, подтверждается материалами по истории Галича и Волыни. Практически с последней четверти XII в. галичане уже сами определяли себе князя, как это начали ранее делать новгородцы. Правда, едва ли этот принцип был заимствован галичанами с Севера. Произошло возрождение

древних славянских принципов управления государством, что было вызвано как ослаблением княжеской власти, так и нарастанием для некоторых русских регионов внешнеполитических угроз, в случае с Галичем это были претензии Венгрии на земли Юго-Западной Руси. В случае с Галичем очень четко видна роль бояр как региональной силы, ограничивавшей власть князя, одним из инструментов этого было вече.

Почему вече и боярство теряют власть незадолго после нашествия монголов на Русь? Южнорусские города пришли в упадок. В Северо-Восточной Руси города тоже сильно пострадали, особенно Владимир, который пришлось восстанавливать практически с нуля. Верхнее Поволжье при этом не имело многочисленного городского населения вплоть до конца монгольского периода. Поэтому вечевые традиции за пределами Северо-Западной Руси имели в монгольский период небольшую социальную базу. Кроме того, мы имеем мало летописных сведений о первой трети монгольского периода, чтобы делать однозначные выводы о развитии русских институтов после Батыева погрома.

По К. Литткенсу, кодификация права следует за установлением баланса интересов между политическими группировками, к такому выводу он пришел на базе анализа раннего развития древнегреческих полисов. Из-за дефицита письменных материалов по внутривосточной истории русских земель монгольского периода нам сложно, за редким исключением, определить, какие и как долго клановые группировки действовали в тех же Новгороде и Пскове. Однако датировка принятых законодательных кодексов позволяет нам лучше понять политические и социальные условия, складывавшиеся в процессе эволюции русской государственности в монгольский период.

Псковская судная грамота (ПСГ) в неполном виде была принята вечем республики в 1397 г. [8, с. 321–343]. Аналогичный новгородский законодательный кодекс был принят в 1440 г. (самая ранняя предположительная датировка). В 1488 г. появляется Белозерская уставная грамота, повлиявшая на московское законодательство. Белозерское удельное княжество окончательно юридически утратило независимость в 1486 г., но при этом уставная грамота все-таки признается Иоанном III. Белозеро (точнее, его князя и бояре) имело особый статус в военной организации Московской Руси еще со времен Дмитрия Донского, чем объяснима высокая роль его уставной грамоты в формировании единого русского законодательства в конце XV в. В то же время Белозерская уставная грамота является признаком поиска баланса интересов между элитарными группировками русских регионов и центральной властью, а также между купцами и земельной аристократией.

Заметим, что между принятием ПСГ (она тоже сильно повлияла на законодательство в Московском царстве в конце XV в.) и Белозерской уставной грамоты лаг примерно в 90 лет. Соответственно, Северо-Западная Русь столкнулась с достаточно серьезной военной угрозой в середине, если не в начале XIV в., когда Северо-Восточная Русь переживала период «затишья» на фоне ослабления Золотой Орды из-за внутренних конфликтов в этом государстве (насильственная религиозная реформа хана Узбека и последовавшая за ней «великая замятня в Орде»). Разгром Твери в 1328 г. здесь стал исключением, к тому же, Тверское княжество занимало обособленное положение в Северо-Восточной Руси. Конфликт между Московским и Тверским домами Рюриковичей следует рассматривать как борьбу между региональными кланами за господство в Низовских землях, что означает отвлечение элит от борьбы с внешними врагами (в данном случае ордынцами) на соперничество за верховную власть внутри своего государственного образования (конфедерация Владимиро-Суздальской Руси).

ПСГ оказала влияние на разработку Иоанном III и его чиновниками Судебника 1497 г. [8, с. 24–27], несмотря на то, что ПСГ была построена частично на немецком праве либо ее нормы были очень похожи на немецкие [9, с. 24–27]. Это указывает на то, что Москва в конце XV в. искала компромисс с протобуржуазным псковским обществом перед лицом общей опасности в лице ВКЛ, которое еще и пошло на союз с Ливонским орденом, что означало формирование вдоль почти всего западного фронта Руси мощной военной коалиции.

В 1299 г. ливонские рыцари начинают очередное, но особо сильное наступление на псковские земли. До этого русские войска воевали преимущественно на территории Ливонского ордена, правда, им приходилось часто вести и оборонительные бои, но все-таки крупные военные события происходили преимущественно на территории противника (даже легендарное Ледовое побоище 1242 г. состоялось в пограничной полосе). Однако весной 1299 г. рыцари потерпели тяжелое поражение, после чего наступило относительное затишье, которое было нарушено в мае 1323 г. попыткой немецких рыцарей взять Псков посредством использования технического превосходства (тогда русские испытали на себе всю мощь западной феодальной революции в военном деле). Город чуть не пал, псковичей спасли союзные им литовцы (вероятнее всего, речь идет о предках белорусов либо латышей, либо о тех и других, проживавших на северо-западе ВКЛ).

В 1341 г. поход немецких рыцарей повторился. На этот раз ливонцы и союзные им контингенты действовали осторожно, построив недалеко от Пскова крепость (это была старая немецкая стратегия, выработанная в ходе движения тевтонских завоевателей на Восток еще во времена Каролингов). Новгород отказал в помощи Пскову (скорее всего, из коммерческих соображений, на новгородскую знать тогда сильно влияла Ганза). Тогда псковская военная знать прибегла к привлечению на свою сторону сельских жителей своего пограничья с Ливонским орденом (вероятнее всего, это были местные финские племена, которых связывали с Псковом только даннические отношения). ВКЛ предоставило помощь Пскову, но не столь значительную, поэтому немцам удалось осадить Изборск, но эту крепость они взять не смогли, правда, Изборск был уже на грани капитуляции из-за дефицита воды. После тех событий псковичи пригласили на княжение сына Ольгерда Андрея, правда, изначально они хотели видеть своим князем Ольгерда, но последний отказался.

Таким образом, между 1299 и 1341 гг. военное давление на Псковскую республику заметно нарастает, это государство вынуждено перейти от наступления к обороне, при этом силы между псковичами и ливонцами оказались явно неравны уже к 1323 г. Возникла в этой связи необходимость консолидации между городским и сельским населением, как, очевидно, и консолидации внутри городского населения республики. Вслед за чем возникает кодификация законодательства Псковской республики.

В ситуации с призванием сына Ольгерда Андрея на княжеский стол в Пскове мы видим возможность для Гедиминовичей усилить свою позицию в этом государстве, однако этого не происходит, сам Ольгерд скептически отнесся к перспективам ВКЛ на Псковщине. Причиной тому была необходимость концентрации усилий монархии в самом ВКЛ на борьбе с немецкими крестоносцами, то же самое касается затем и князя Андрея в Пскове, ресурсов для узурпации власти в этом государстве у Гедиминовичей не было. Появление к началу XV в. у псковичей закованных в броню всадников (летописная «железная рать») снизило потребность их республики в по-

мощи со стороны ВКЛ, однако, очевидно, импорт достижений «феодальной революции» в военном деле вел к образованию в псковских землях достаточно политически сплоченного военного сословия (некий отдаленный аналог европейского рыцарства).

В 1400 г. архиепископ Новгородский Иоанн приказал возобновить строительство укреплений стен Детинца «от Бориса и Глеба», это было знаковое событие, связанное с ростом военной угрозы со стороны Москвы в связи со спором между ней и Новгородской республикой по поводу Подвинья и других территорий.

Основные доходы Новгород получал от поступлений пушнины с целью их продажи Ганзе от финно-угорских народностей. Бассейн Северной Двины в этом смысле был экономически важным регионом для новгородцев. Московское государство тогда было еще слабым и раздираемым внутренними распрями, но в 1435 г. новгородцы все-таки признали окончательно за Василием II Бежецк, Волок Ламский и Вологду (они были взяты Василием I в 1393 г., но новгородцы продолжали считать эти волости своими, из-за чего затем несколько раз воевали с москвитями [10, с. 164]). Через пять лет появился новгородский законодательный кодекс, что, по К. Литткенсу, следует рассматривать как следствие консолидации сил новгородского общества перед внешней угрозой.

В XIV в. в Московском государстве появляется много жалованных грамот, которые составлены на основе византийского законодательства. Это означает, что Московская ветвь Рюриковичей порвала с Русской правдой и древними славянскими традициями, что, несомненно, является сознательным шагом к провокации дисбаланса интересов в Северо-Восточной Руси на фоне ослабления внешнего военного давления. В этой связи стоит сказать, что в том же веке московские князья отдают приоритет в землевладении и привилегиях в государстве церкви, что также является признаком концентрации их усилий на внутренней борьбе за власть.

В 1397 г. появляется Двинская уставная грамота, определяющая нормы самоуправления в соответствующем регионе. Однако Подвинье является особым регионом в системе русских земель монгольского периода, и этот регион больше тяготел к Северо-Западной Руси. Между Двинской уставной грамотой и Судебником Иоанна III ровно сто лет. Соответственно, потребность в установлении баланса интересов в Московском государстве возникает где-то в разгар правления Иоанна III, когда обострилась борьба русского государства с Большой Ордой и ВКЛ, а также Казанским ханством.

При Иоанне IV появляются губные и земские грамоты, однако это уже отголоски политики Иоанна III в законодательной и управленческой сферах, опричнина и репрессии Ивана Грозного перечеркнули все усилия его деда. Россия превратилась в классическую восточную деспотию к концу XVI в., потерпев при этом в конце правления Ивана Грозного крупное военное поражение от польского короля Стефана Батория, что потребовало уже после смерти Иоанна IV поиска путей для новой консолидации общества, этот поиск оказался неудачным, что привело к Смуте, в ходе которой была предпринята попытка выработки конституционного порядка. Примечательно, что после битвы при Молодях, когда русские войска понесли большие потери и чуть не допустили полного разгрома Московского государства крымскими татарами, происходит отмена опричнины (1572 г.). То есть в 1572 г. начался переход от дисбаланса интересов в обществе к поиску баланса.

Подводя итоги, подчеркнем, что если посмотреть на всю русскую историю до реформ Петра Великого через призму концептуальных идей А. Грайфа и К. Литт-

кенса, то можно сделать вывод о том, что внутренняя интеграция общества через попытки правивших элит достичь баланса интересов совпадает с периодами нарастания внешнеполитической напряженности. Между тем репрессивная политика, направленная на подавление политических конкурентов внутри государства, усиливается в момент снижения внешней опасности. В этой связи отчетливо усматривается последовательность смены фаз, или циклов, двойственного состояния государственной системы: от периода, когда достигается компромисс между элитами, к репрессивному государству с гипертрофированным доминированием одной правящей группировки.

Бросив ретроспективный взгляд на поздний киевский период, мы увидим, что баланс интересов достигается в Новгородской республике между 1136 и 1165 гг. В 1136 г. бояре окончательно берут власть в этой республике, в 1165 г. новгородский епископ становится архиепископом, что, надо понимать, увеличивает политический вес этой фигуры в данном государственном образовании, архиепископ становится консолидирующим новгородское общество центром, но он не имеет диктаторской власти. Достижение баланса интересов в новгородском обществе происходит на фоне роста количества и силы междоусобных войн на Руси, для Новгорода эти конфликты были фактически внешней угрозой. Очевидно, такие же шаги по ограничению княжеской власти и консолидации региональных элит в отстаивании своих интересов имеют место во второй половине XII в. и в других русских землях, что, повторимся, было ответом на княжеские междоусобицы, сопровождавшиеся нередко «наведением половцев» на Русь.

Между 1393 и 1440 гг. мы видим тот же процесс консолидации новгородцев, что стало ответом на военную экспансию Москвы на север и северо-запад.

В Московской Руси баланс интересов устанавливается ближе к 1497 г. (дата издания Судебника Иоанна III), что объяснимо нарастанием угрозы со стороны ВКЛ и ужесточением конфликтов с Казанским ханством. В монгольский период Московский дом Рюриковичей в основном наступал против своих конкурентов в рамках в первую очередь Владимиро-Суздальского княжества (фактически конфедерации удельных княжеств), редко достигая с ними политического компромисса. Процесс консолидации русского общества продолжается практически до падения Казани, после чего группировка элитарных сегментов общества вокруг фигуры Ивана Грозного наносит удары по своим потенциальным политическим конкурентам, что создает напряженность в обществе, снижает его обороноспособность и ведет к кризису начала 1570-х гг., когда крымские татары чуть не взяли Москву.

Избрание на царство в 1613 году Михаила Романова можно считать вехой, обозначающей новую консолидацию элит в русском обществе и выработку ими баланса интересов вокруг в целом нейтральной политической фигуры. За этим следует новая кодификация русского законодательства в 1648 г. Все это происходит на фоне высокого военного напряжения на западном фронтире Московской Руси, откуда постоянно исходила угроза от Речи Посполитой. Вероятность нового польско-литовского вторжения значительно ослабевает к 1680 г., в то же время менее агрессивной по отношению к России становится Османская империя, против ее вассала – Крымского ханства – Москва стала уже в состоянии самостоятельно выступать. В этих условиях развивается деконсолидация российских элит и общества в целом, что вылилось в итоге в репрессивные реформы Петра Великого.

Таким образом, русская история демонстрирует нам, что внешняя угроза влечет за собой установление баланса интересов в обществе или, во всяком случае,

стремление элит к таковому. Применим ли данный принцип к анализу истории обществ индустриальной цивилизации? Мы положительно отвечаем на этот вопрос. Правда, мы признаем, что возможны отклонения от данного принципа (аномальные случаи), в результате чего общества переживали тяжелые кризисы.

Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступая перед участниками дискуссионного клуба «Валдай», подчеркнул: «Для россиян, для России вопросы «кто мы?», «кем мы хотим быть?» звучат в нашем обществе всё громче и громче. Мы ушли от советской идеологии, вернуть её невозможно. Приверженцы фундаментального консерватизма, идеализирующие Россию до 1917 года, похоже, так же далеки от реальности, как и сторонники западного ультралиберализма. Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения, иначе мы не сможем противостоять внешним и внутренним вызовам» [11]. Эти слова как нельзя более ясно выражают необходимость использовать весь методологический потенциал современной науки, чтобы создавать объективную оценку российского политического процесса в его современном и историческом преломлении.

Ссылки / References

1. Greif A. On the Political Foundations of the Late Medieval Commercial Revolution: Genoa During the Twelfth and Thirteenth Centuries // *Journal of Economic History*. 1994. № 54. P. 271–287.
2. Lyttkens C. H. Reflections on the Origins of the Polis: An economic Perspective on Institutional Change in Ancient Greece // *Constitutional Political Economy*. 2006. № 17 (1). P. 31–48.
3. Несин М. А. Из истории логистики русских войск в XV–начале XVI в. (отзыв на работу Пенского В. В. «...И запас пасли на всю зиму до весны»: логистика в войнах Русского государства эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени) // *История военного дела: исследования и источники*. 2016. Т. VIII. С. 134–166.
4. Несин М. А. К вопросу о логистике Куликова поля // *Вестник Удмуртского университета*. Серия: философия и филология. 2018. Т. 28. Вып. 1. С. 70–80.
5. Питюлько Г. Н. Из истории вечевого строя Новгорода и Пскова // *Управленческое консультирование*. 2013. № 11. С. 128–134.
6. Короленков А. В. «Всех нас старше и отец твой, но с нами не умеете жити»: князь, норма и реакция на ее нарушение в домонгольской Руси // *История и историческая память*. 2013. № 7–8. С. 80–103.
7. Пашковский П. И. Истоки российского парламентаризма и внешняя политика государства: опыт вече, Боярской думы и Земского собора // *International Journal Of Professional Science*. 2016. С. 89–96.
8. Российское законодательство X–XX веков в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984. 432 с.
9. Переверзев А. С. Византийское право как источник Псковской судной грамоты // *Юридические науки*. 2015. № 3. С. 24–27.
10. Колесников П. А. Вологда в политических планах Московского княжества (к постановке вопроса) // *Россия на путях централизации. Сборник статей*. М.: Наука, 1982. С. 160–166.
11. В. Путин: Вопрос обретения и укрепления национальной идентичности носит для России фундаментальный характер // *Путин сегодня*. 05.01.2014. URL: <https://www.putin-today.ru/archives/50> (дата обращения: 01.11.2020).

Political uncertainty of the nation as an objective factor in shaping the life plans of the Kurdish youth (empirical research experience)

I. V. Popova¹, N. G. Isaeva¹, P. Kh. Hama Amin¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-334-345

Research Article
Full text in Russian

The article presents both legal and sociological views on the problems of Nations living in the conditions of another state. The article examines the impact of the contradiction between the right of a nation to self-determination and the principle of territorial integrity as an urgent problem for the Kurdish youth. Attention is drawn to the need to humanize international law in relation to Nations in conditions of political uncertainty. It is proposed to use the following means to reduce violence: international law, international supranational organizations, and General humanization of social processes. To ensure that this contradiction does not remain practically insoluble and to reduce the level of violence in existing conflicts, it is necessary to develop certain international rules that would allow Nations fighting for sovereignty to exercise their right to self-determination. Based on the results of a sociological study of the life plans of Kurdish youth living in the Republic of Iraq, it is shown how such an objective factor as political uncertainty affects the formation of life plans of young people and what consequences this leads to. It is proved that the situation of the Kurdish people is not only a political, but also a social problem. A low horizon for planning a life strategy deprives the young generation of the opportunity to be confident in the future, hinders the creation of a family, and forms migration moods. For a person, the inability to plan their life turns into a state of frustration, depressive States, and the need to find a way out of this situation. The need to humanize the processes of self-determination of Nations is caused by the fact that life in a state of uncertainty has a negative impact on the ethnic group as a whole, and on young generations in particular.

Keywords: National self-determination; territorial integrity; international law; life plans; conditions of political uncertainty; humanization

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Popova, Irina V. | E-mail: pivik@list.ru
| Doc. Sc. (Sociology), associate Professor

Isaeva, Nataliya G. | E-mail: natis@uniyar.ac.ru
| Officer of the International Department

Hama Amin, Peshawa Khalid Hama Amin | E-mail: xamaamin@mail.ru
| Postgraduate

Funding: Yaroslavl State University, project VIP-003 A16-116052510007-0

For citation: Popova I. V., Isaeva N. G., Hama Amin P. Kh. Political uncertainty of the nation as an objective factor in shaping the life plans of the Kurdish youth (empirical research experience) // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2020. Vol. 6, No 4. P. 334-345. (in Russ.)

Политическая неопределенность нации как объективный фактор формирования жизненных планов курдской молодежи (опыт эмпирического исследования)

И. В. Попова¹, Н. Г. Исаева¹, П. Х. Хама Амин¹

¹ЯрГУ, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-334-345
УДК 323

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье представлен как правовой, так и социологический взгляд на проблемы наций, живущих в условиях другого государства. Рассматривается влияние на жизненные планы молодежи противоречия между правом нации на самоопределение и принципом территориальной целостности как актуальной для курдской молодежи проблемы. Обращается внимание на необходимость гуманизации международного права в отношении наций, находящихся в условиях политической неопределенности. Предлагается в качестве средств снижения насилия использовать международное право, международные надгосударственные организации и общую гуманизацию социальных процессов. Для того, чтобы это противоречие не оставалось практически неразрешимым, и для снижения уровня насилия в существующих конфликтах необходима выработка определенных международных правил, которые давали бы возможность нациям, борющимся за суверенитет, реализовывать свое право на самоопределение. На результатах социологического исследования жизненных планов курдской молодежи, проживающей на территории Республики Ирак показано, как такой объективный фактор, как политическая неопределенность, влияет на формирование жизненных планов молодежи и к каким последствиям это ведет. Доказано, что положение курдского народа является не только политической, но и социальной проблемой. Низкий горизонт планирования жизненной стратегии лишает молодое поколение возможности быть уверенными в завтрашнем дне, мешает созданию семьи, формирует миграционные настроения. Для человека невозможность планировать свою жизнь оборачивается состоянием фрустрации, депрессивными состояниями, необходимостью искать выход из сложившейся ситуации. Необходимость гуманизации процессов самоопределения наций вызвана тем, что жизнь в состоянии неопределенности оказывает отрицательное влияние на этнос в целом и на молодые поколения в частности.

Ключевые слова: национальное самоопределение; территориальная целостность; международное право; жизненные планы; условия политической неопределенности; гуманизация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попова, Ирина Викторовна	E-mail: pivik@list.ru Доктор социологических наук, доцент
Исаева, Наталья Геннадьевна	E-mail: natis@uniyar.ac.ru Сотрудник отдела международных отношений
Хама Амин, Пешава Халид Хама Амин	E-mail: xamaamin@mail.ru Аспирант

Финансирование: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, проект ВИП-003 А16-116052510007-0

Для цитирования: Попова И. В., Исаева Н. Г., Хама Амин П. Х. Политическая неопределенность нации как объективный фактор формирования жизненных планов курдской молодежи (опыт эмпирического исследования) // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 4. С. 334-345.

Введение

Межнациональные конфликты, являясь по своей сути сложными и противоречивыми, требуют постоянного внимания. В качестве значимого фактора выступает феномен национального самоопределения, функционирующий и как регулятор международных отношений, и как один из наиболее вероятных источников возникновения межнациональных противоречий. Понадобился развал всех европейских империй в ходе невиданных войн и ряда революций, прежде чем принцип национального самоопределения был провозглашен Советской Россией и позже – президентом США Вудро Вильсоном, который декларировал это право на Версальской мирной конференции. Однако должна была разразиться еще одна мировая война и пройти еще несколько десятилетий, прежде чем право наций на самоопределение стало общепризнанным принципом международного права. Однако эффективность применения в международной практике данного принципа вызывает сомнения. Отсутствует четкое определение его сущности и содержания, происходит трансформация представлений о субъектах отношений, им регулируемых и пр. В первую очередь это связано с возникновением новых межнациональных и межгосударственных конфликтов, которые дают основание говорить об ином характере противоречий и напряженности, а также о появлении новых аспектов в процессе самоопределения наций.

Право нации на самоопределение – один из важнейших общепризнанных принципов международного права. Сутью данного принципа является право народов (наций) определять форму своего государственного существования в составе другого государства или в виде отдельного государства. Появление данного принципа, а также определение права на создание своего государства при любых обстоятельствах можно датировать XVI–XIX вв., и связано это прежде всего с национально-освободительными движениями в Европе и американских колониях. Основные документы, в которых этот принцип нашел отражение, – Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой XV Генеральной Ассамблеей ООН от 14 декабря 1960 г., последующие международные пакты и декларации ООН. Считалось, что основным принципом самоопределения является право на создание своего государства при любых обстоятельствах: «Одна нация – одно государство» (П. Манчини, Н. Я. Данилевский, А. Д. Градовский). Причем этот принцип распространялся только на «цивилизованные народы», предполагая тем самым существование колониальных владений и колониальных форм угнетения народов. Активное же обсуждение основ этого принципа началось в конце позапрошлого столетия, накануне Первой мировой войны, когда ведущие страны мира вели колониальную политику. К примеру, в решениях Лондонского международного конгресса II Интернационала 1896 года были сформулированы основы данного принципа как регулятора межнациональных отношений.

Вестфальский мирный договор служит водоразделом в системе международного права и является символом создания системы международного права, характеризующейся преобладанием суверенных государств. Главной его особенностью является то, что произошло разделение между европейским порядком, характери-

зующимся религиозным и политическим единством христианского мира, и современной светской системой суверенных и равноправных государств, просуществовавшей до конца Второй мировой войны. В научной литературе этот порядок описывается как Вестфальская система международного права и международных отношений, отличительной чертой которой является территориальное разграничение политической власти и социальных связей.

Территориальная целостность – это один из основополагающих принципов международного публичного права. Согласно данному принципу территория определенного государства должна быть неприкосновенной, в том числе от посягательств со стороны других государств путем применения силы или угрозы силой. То есть этот принцип закреплен в уставе ООН. Таким образом, все страны-члены ООН, которые подписались под этим уставом, обязуются силой или ее угрозой друг у друга куски территорий не отбирать¹.

Территориальные войны всегда были наиболее частым историческим событием, с развитием технического прогресса и систем вооружения они стали затратными с точки зрения разрушений и жертв. В этом заключается необходимость создания и соблюдения принципа территориальной целостности, который задекларирован в международном праве и находится в международных актах, принятых ООН. Причем в документах прописан еще важный момент, касающийся того, что если, например, какая-то этническая группа захочет быть независимой, то она не должна подавляться силой. Следует отметить, что захват территорий с целью экономического процветания не является сегодня распространенным способом, за счет которого государства становятся богатыми и процветающими. У принципа территориальной целостности по мере развития человечества появился другой, наиболее актуальный для сегодняшнего миропорядка аспект. С точки зрения принципов международного права возникло противоречие между принципом территориальной целостности и правом народов на самоопределение.

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном пакте о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. (статья 1) сказано: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие... Все участвующие в настоящем Пакте государства... должны в соответствии с положениями Устава ООН поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право»².

В Декларации о принципах международного права (от 24 октября 1970 г.) значится: «В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закреплённого в Уставе ООН, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава».

¹Устав ООН: (сайт). URL.: <http://www.un.org/ru/documents/charter/> (дата обращения: 27.09.2020).

²Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 (статья 1): (сайт). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 02.09.2020).

Следует отметить, что принцип территориальной целостности направлен исключительно на защиту государства от внешней агрессии. Именно с этим связана его формулировка в п. 4 ст. 2 Устава ООН: «Все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или её применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединённых Наций». Причем применение принципа территориальной целостности фактически подчинено осуществлению права на самоопределение. Так, согласно Декларации о принципах международного права, в действиях государств «ничто не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов». Другими словами, принцип территориальной целостности неприменим к государствам, не обеспечивающим равноправие проживающих в нём народов и не допускающим их свободного самоопределения.

В этой же Декларации указывается, что способами осуществления права на самоопределение могут быть «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним или установление любого другого политического статуса»¹.

Недемократический характер национальной политики в ряде современных государств представляет собой не что иное, как насильственную ассимиляцию культурно, этнически отличающихся групп населения, проявляющуюся в отказе от официального признания этнических меньшинств, а также их социальной, политической дискриминации, в запретах использовать родной язык, другие культурные практики и др. [1].

Однако сложно говорить об эффективности применения данного принципа в международной практике. С возникновением новых межнациональных либо межгосударственных конфликтов появляются абсолютно иные по своей сути противоречия, которые требуют уточнения как сущности, так и содержания принципа равноправия и самоопределения народов; иного подхода к субъектам регулируемых отношений; внимания к новым аспектам процесса самоопределения наций. В качестве примеров можно привести период распада ряда бывших социалистических государств, таких как Югославия, Чехословакия, Советский Союз, когда мир стал свидетелем новых межнациональных конфликтов в условиях, казалось бы, незыблемых послевоенных границ, историю борьбы за суверенитет Каталонии или Шотландии. Сложность и противоречивость этих конфликтов потребовали вновь обратиться к феномену национального самоопределения как важнейшему регулятору международных отношений, с одной стороны, и как к одному из вероятных источников возникновения межнациональных противоречий – с другой.

Стремительное усиление процессов глобализации, развитие идеи о правах человека ставят под сомнение решение такой политической задачи, как сохранение

¹Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций, принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года: (сайт). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 05.10.2020).

данного принципа. Все более явным становится еще одно противоречие в политическом устройстве мира, в регулировании миропорядка с помощью международного права: принцип вмешательства в дела суверенного государства борется с принципом невмешательства. Принцип вмешательства необходим по причине разногласий, возникающих внутри суверенного государства, например, по вопросам геноцида, религиозного конфликта и так далее, с которыми само государство не может справиться, в результате чего нарушаются права определенных групп людей. Современная практика такова, что в таких случаях на помощь этим людям приходят международные организации, являющиеся надгосударственными структурами. Особым случаем, требующим вмешательства таких организаций и привлечения международного права, является борьба нации за самоопределение. С правовой точки зрения этот процесс опирается на право нации на самоопределение. У этого процесса есть два определения: сецессия и сепаратизм. Сецессия – это удачный вариант сепаратизма, когда происходит отделение какой-то части территории от государства [2, с. 187]. Право на сецессию может признаваться правом государства или не признаваться. Во втором случае при попытках сецессии возникает правовой вопрос о применимости принципа территориальной целостности государства и права нации на самоопределение. Международное право дает приоритет самоопределению в случае колоний при условии проведения референдума, на котором население большинством голосов поддержит сецессию. Но нет такого государства, даже если оно правовое и демократическое, которое согласилось бы на отделение части территории и не воспользовалось бы принципом территориальной целостности. На сегодняшний день мир полон серыми территориями, самопровозглашенными республиками, непризнанными государствами, промежуточными территориями.

Другой стороной данной проблемы является наличие народов без государственности. К таковым относятся курды. Это народ, стремящийся к государственности. С точки зрения международного права противоречие между правом нации на самоопределение и принципом территориальной целостности остается неразрешимым. Отказаться от права на самоопределение не захочет ни одна нация, позволить нарушить территориальную целостность не захочет ни одно государство. Вопрос в уровне насилия, который при этом происходит. Человечество заинтересовано в том, чтобы реализация данного права не происходила методами этнических чисток и массовой резни, гражданских войн и аннексий территорий. Средствами к снижению насилия являются международное право, наличие международных организаций и общая гуманизация социальных процессов, повышение цены человеческой жизни.

Выработка определенных международных правил, дающих возможность нациям, борющимся за суверенитет, реализовывать свое право на самоопределение может способствовать решению данного противоречия, а также снижению уровня насилия в уже существующих конфликтах. Эти правила позволяли бы не допускать злоупотреблений со стороны государства, в котором проживает такая национальная группа, и не создавали бы почву для разрушения международного консенсуса, чтобы недовольная сторона не имела оснований обвинять другую сторону в пристрастности к ней со стороны мирового сообщества. Очевидно, что в настоящее время не хватает такой международной инстанции, которая могла бы выработать

единые критерии, позволяющие определить реальное право нации на самоопределение и механизм его реализации в рамках конкретного государства.

Для снижения уровня подобных противоречий необходимо гуманизировать процесс национального самоопределения. Гуманизация определяется прежде всего изменением условий жизни населения, относящегося к национальной группе, проживающей на территории какого-либо государства, не признающего права этой нации на самоопределение. Те государства, которые столкнулись с проблемой отделения одной из наций в собственное государство, обладают вескими причинами, не позволяющими этого допустить. Чаще всего такие причины связаны с экономической и политической сферами жизнедеятельности. Проблема состоит в том, что часто при рассмотрении права наций на самоопределение применяется односторонний подход: право трактуется лишь в политико-этническом аспекте, в отрыве от его социально-экономической основы. В действительности же в основе национально-освободительных движений и процессов образования национального государства лежит прежде всего материальная, экономическая жизнь людей, требующая единых экономических и юридических правил, единого государства, формирующегося в первую очередь в процессе идентификации народонаселения по языку и культуре.

Основной задачей международных правозащитных организаций становится необходимость перевода обозначенной проблемы в социальную плоскость, в части гуманизации отношения к любым нациям, страдающим от отсутствия национального суверенитета, что сказывается на их положении.

Правами и обязанностями в отношении друг друга обладают обе стороны подобного конфликта. С одной стороны, у нации есть неотъемлемое право на самоопределение, с другой – она должна доказать, что является политическим сообществом, способным функционировать в форме самостоятельного государства. Государство же, со своей стороны, имеет право на сохранение территориальной целостности, однако обязано руководствоваться интересами субъекта самоопределения, нежели корыстными экономическими выгодами.

Методы

Для понимания важности разрешения таких конфликтов, которых на сегодняшний день не становится меньше и которые имеют затяжной характер и касаются жизни не одного поколения нации, необходимо эмпирически показать, как эти люди живут в этих условиях и как они видят будущее своего народа. Для этого нами было проведено социологическое исследование на тему: «Жизненные планы молодежи как социальная проблема этноса, живущего в условиях политической неопределенности». Эмпирическая база представлена результатами исследования жизненных планов курдской молодежи, проживающей на территории Республики Ирак. Объектом исследования являются студенты университета Иракского Курдистана в возрасте от 18 до 30 лет. $n = 300$ чел.

Результаты

Для получения оценки молодыми людьми положения их народа на территории Ирака нами задавался вопрос: «Хотели бы Вы, чтобы Ваши дети жили на той же территории в таких же условиях как живете Вы?». Полученный результат:

да, совершенно точно хотел(а) бы – 16,9 %

нет, совершенно точно не хотел(а) бы – 83,1 %

показывает определенно отрицательную оценку подавляющим большинством молодых курдов, проживающих на территории Республики Ирак, качества и условий жизни данной этнической группы в современных условиях. Изменение положения зависит прежде всего от понимания нацией своего будущего положения в отношениях с государством, на территории которого они проживают. Лидеры национально-освободительного движения должны выражать мнение большинства, а не только свое собственное. Поэтому в исследовании молодым людям было предложено выразить свое согласие\несогласие с суждениями: «Курдский народ должен иметь свое отдельное государство» (74,1 %), «Курдский народ должен иметь автономию в государстве» (75,2 %), «Курдский народ не должен отделяться от государства, в котором он живет. Жить наравне со всеми» (53,9 %). Результат приводится по сумме индексов «Согласен» и «Скорее согласен».

Полученный результат позволяет сделать важный вывод: среди молодой и наиболее образованной части курдского народа не сложилось однозначного мнения по вопросу права нации на самоопределение. Нельзя не согласиться с Т. Я. Хабриевой: самоопределение в национально-территориальных формах требует определенного уровня правового, государственного сознания этноса и высокого уровня его самоорганизации. При отсутствии должного уровня одной из альтернатив обеспечения жизнеспособности и самостоятельности этноса выступает национально-культурная автономия, предоставляющая возможности для тесной взаимосвязи индивидуальных прав человека и прав этноса, по каким-либо причинам не имеющего условий для создания территориальных форм национальной автономии [3, с. 243]. Национально-культурная автономия этнических общностей в контексте основ законодательства о культуре направлена на сохранение и развитие культурно-национальной самобытности, защиту, восстановление и сохранение культурно-исторической среды обитания [4, с. 115].

Среди молодежи Курдистана число сторонников отделения и автономии примерно одинаковое. Кроме того, половина опрошенных не поддерживает идею отделения от государства. При таком состоянии общественного мнения молодых поколений можно говорить о том, что нет единого солидарного национально-освободительного движения курдского народа за право на самоопределение. Этот вывод подтверждает и такой результат, как ответы на вопрос: «От кого в большей степени зависит положение курдского народа?» – от самих курдов (19,5 %); от лидеров курдского народа (25,7 %); от лидеров государств, в которых живут курды (9,4 %); от лидеров мирового сообщества (21,7 %); затрудняюсь ответить (23,7 %). Количество выбравших вариант «от самих курдов» говорит об отсутствии чувства гражданской общности у данной нации. Количество затруднившихся ответить свидетельствует о несформированности в массовом сознании молодежи вари-

антов решения их жизненных и национальных интересов. Каждый четвертый связывает решение проблемы с лидерами курдского народа, что является недостаточным для организованной борьбы за изменение своего положения. Ожидания каждого пятого респондента помощи от лидеров мирового сообщества имеют под собой основания, связанные с пониманием молодежью того, что эту проблему невозможно решить без участия третьей стороны. Поэтому был задан уточняющий вопрос: «Кому бы Вы лично доверили решать вопрос о положении курдов?» Наибольший процент набрал вариант, дающий возможность оценить уровень неопределенности положения нации в современных условиях: 68,4 % ответивших выбрали вариант «никто не решит этот вопрос». Из предложенных в ответах государств на первое место по уровню доверия вышли США (22,4 %), в возможности собственного государства верят 3,7 % опрошенных и далее в порядке убывания – Евросоюза (2,8 %), России (1,8 %), Турции (0,9 %).

Необходимость гуманизации процессов самоопределения наций вызвана тем, что жизнь в состоянии неопределенности оказывает отрицательное влияние на этнос в целом и на молодые поколения в частности. По нашим данным, каждый третий опрошенный не удовлетворен своей жизнью в целом. Основной причиной такой неудовлетворенности является нестабильная социально-политическая и экономическая ситуация в государстве. Состояние социальной среды как фактор влияет на горизонт жизненного планирования молодежи. С самого начала разработки понятия «жизненные планы» в советской социологии авторы публикаций, посвященных жизненным планам, отмечали, что данный феномен «...связан с конкретными формами жизнеустройства и рассматривается как осознанный, идеально выраженный способ достижения индивидом определенного социального положения» [5, с. 80]. «Жизненный план – это совокупность целевых установок личности, которые она намерена осуществить в ближайшем или отдаленном будущем, а также определение способов и сроков реализации намеченных целей» [6, с. 62]. Российская социология продолжает придерживаться и той точки зрения, что «жизненные планы выполняют организующую и мобилизующую функцию, т. е. побуждают человека к действию» [7, с. 307].

Оценивая степень разработанности проблемы, следует отметить, что существуют необходимые и достаточные предпосылки для углубленного понимания выбора и формирования жизненных стратегий, их механизмов. Большинство авторов различных социально-психологических теорий отмечает среди основных характеристик жизненных стратегий молодежи такие, как активность личностной позиции, целеполагание, система ценностных ориентаций, степень самореализации, а также выделяет главное – способность личности как субъекта разрешать жизненные противоречия, задачи, проблемы, т. е. не только зависеть от жизни, но и определять ее [8, с. 112]. Поэтому в нашем исследовании задавались вопросы, направленные на выявление состояния жизненных планов курдской молодежи. На вопрос: «Что Вы можете сказать о своих планах на будущее?» 41,2 % ответили, что они не строят никаких планов на будущее, они живут одним днем, и 22,6 % планируют свою жизнь только на ближайший год. О пыт планирования молодежи показывает, что за последние пять лет планы сбылись наполовину у 65 % опрошенных и у 17,5 % они совсем не сбылись. Основной причиной неисполнения планов стали: нестабильность в государстве (32,3 %); личные причины (20,3 %); семейные

причины (8,3 %). Такой горизонт планирования имеет социальные последствия как для самого человека, так и для нации в целом. Для человека невозможность планировать свою жизнь оборачивается состоянием фрустрации, депрессивными состояниями, невозможностью создания семьи, необходимостью искать выход из сложившейся ситуации. Таким выходом становится отъезд из страны. В случае курдской молодежи в Ираке 60 % опрошенных готовы уехать (по индексу «очень хотел бы») в государства Европы (29,2 %), в Америку (26,3 %), Россию (21,4 %), соседние государства Ближнего Востока (17,7 %), Турцию (11,7 %) и 22,3 % выбрали вариант «в любое другое государство». И это уже последствия для государства: отъезд молодого, образованного населения и сокращение трудового потенциала.

Реализация жизненных планов является важным компонентом удовлетворенности человеком своей жизнью и предпосылкой его самореализации. Из всех элементов социальной среды наиболее сильным фактором формирования и реализации жизненных стратегий является исторический фактор, который включает в себя социально-экономическое и политическое положение нации, живущей на территории чужого государства. В исследовании задавались открытые вопросы, связанные с видением своего будущего, будущего своего народа и желаемым будущим своего народа:

1. Каким Вы видите свое личное будущее в 2025 году?

2. Каким Вы видите будущее своего народа в 2025 году?

3. Каким Вы хотели бы видеть будущее своего народа?

В качестве наиболее типичных ответов можно привести следующие:

– я думаю, что следующие пять лет пройдут так же, как и прошлые пять лет.

Маловероятно, чтобы произошли изменения;

– на нашей земле жизнь остановилась и не двигается вперед. Ирак – это регион, который уже давно страдает от политической напряженности, а внутренние и внешние войны не позволяют ему продвигаться вперед. Люди всегда будут жертвами, и будущее не будет хорошим;

– будущее моего народа в том, чтобы каждый из нас был счастлив и свободен. Будущее моего народа, то есть место моего рождения, оно сложно и непонятно, поскольку географическое положение Курдистана является ареной конфликта между тремя диктаторскими государствами. С другой стороны, наши политики – кучка бизнесменов, убийц и воров;

– я надеюсь, что здравоохранение, занятость, образование и безопасность будут гарантированы. Я надеюсь, что наша молодежь будет далека от религиозных войн. Я надеюсь, что долгосрочный план здравоохранения будет разработан для всех. Надеюсь, что наша молодежь не уедет из страны. Я мечтаю о свободном и независимом Курдистане;

– я совсем не уверен в своем будущем. Будущее моего народа находится в смертельной опасности. Потому что наша молодежь день за днем привязывается к религии. Кроме того, наши политики – они настоящие воры. Для них самое главное – это нефть и деньги;

– я хочу, чтобы наша молодежь пришла в себя и сделала что-нибудь для своей страны.

– я думаю, что мое будущее зависит от меня самого. Потому что я верю в себя. Я могу изменить свою судьбу;

– будущее моего народа изменится только к худшему, потому что курдский народ любит своих королей, какими бы они ни были;

– я хочу, чтобы люди пришли в себя. Я хочу, чтобы наша молодежь, как и другие, опиралась только на результаты научных исследований. Я надеюсь, что однажды мой народ сам изменит свою судьбу. Демократическая и свободная страна – это моя мечта;

– я думаю, что в ближайшее время уеду из страны, чтобы встать на ноги. В Курдистане фактически наблюдается процесс передачи властных полномочий или их части по наследству. Поэтому курдский народ не имеет возможности менять политическую власть. Исходя из этого, следует отметить, что наше будущее не изменится к лучшему.

Выводы

Право нации на самоопределение, безусловно, одно из наиболее значимых достояний человечества. Однако его реализация отличается отсутствием последовательности в различных регионах мира. В условиях глобализации противоречие между правом нации на самоопределение и территориальной целостностью государства будет нарастать. Совершенствование юридических механизмов регулирования отношений в этой сфере имеет огромное значение в контексте уже существующих конфликтов. Существующая практика показывает, что как для реализации правотворческого процесса, так и процесса правоприменения необходимо создание надгосударственной структуры, которая в каждом отдельном случае имела бы полномочия разрешения конфликта, связанного с правом нации на самоопределение. Право нации на самоопределение не всегда означает необходимость образования независимого государства, возможны разные формы его реализации (федерализм, культурная обособленность, национально-культурная автономия, территориальная автономия). Всегда есть возможность частичного делегирования властных полномочий подгосударственным, надгосударственным и международным структурам. Следует согласиться с Е. В. Чалбаевой, что если самоопределение народа представляет явную опасность жизненным интересам иных народов, то должна существовать возможность отложить или в экстремальных случаях – отменить – это самоопределение [9, с. 98].

Кроме того, важно обращать внимание на тот контекст, в котором существует проблема самоопределения нации. Реализация данного права напрямую зависит от качественных характеристик и условий существования нации в рамках территории государства проживания. Основной характеристикой субъекта самоопределения следует считать «самостоятельность в политическом и правовом отношениях, наличие особых интересов, потребностей и целей и их осознание, способность к целеполаганию и целенаправленной деятельности на базе общей воли, определяемая в основном уровнем и структурой самосознания» [10, с. 9].

Ссылки / References

1. Народы и религии мира. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 928 с. URL: <http://iea-ras.ru/index.php?go=Files&in=view&id=178> (дата обращения: 02.10.2020).

2. Бьюкенен А. Сецессия. Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М.: Рудомино, 2001. 239 с.
3. Хабриева Т. Я. Самоопределение народов в современном мире: конституционно- и международно-правовые аспекты. М., 2011. 260 с.
4. Гоголев П. В. Национально-культурная автономия как форма этнокультурного самоопределения коренных малочисленных народов севера // Вестник СВФУ. 2015. Т. 12. № 1. С. 112–116.
5. Рубина Л. Я. Советское студенчество. М.: Мысль, 1981. 207 с.
6. Растова Л. М. Жизненные планы: общий анализ проблемы // Выбор судьбы. Социальные проблемы жизненного самоопределения молодежи Алтая. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. С. 62.
7. Рыжикова Л. В. Роль учителя в формировании жизненных планов выпускников школ // Модернизация профессионально-педагогического образования: тенденции, стратегия, зарубежный опыт: материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 2014. С. 307.
8. Шилова Н. А. Жизненные стратегии молодежи как предмет социально-гуманитарного знания // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2014. № 7. С. 108–114.
9. Чалбаева Е. В. Право этноса и нации на самоопределение: теоретико-методологические проблемы // Человеческий капитал. 2013. № 1 (49). С. 95–100.
10. Сампиев И. М. Самоопределение народов: теория и онтология. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. 151 с.

Russian political discourse-problems of interaction between government and society

L. G. Titova¹, A. V. Uryadova¹, S. A. Baburkin²

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

²Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-346-357

Research Article
Full text in Russian

The article deals with the issues of modern Russian political discourse – the interaction of power and society, political communication, the influence of power through the spoken and written word on the mass consciousness. The significance of the problem in modern society is associated with the expansion of the political space through multi-sided political communication, the introduction of new subjects in the political polylogue, the dissemination of information flows that are exchanged by participants in the political process and which are not always adequately perceived and processed by them, which creates opportunities for purposeful management of people's behavior. In Russian political practice, this has been noted in various forms of controlled protest. Media texts, the interpretation of written texts in their variety of genres, the ability to persuade in oral speeches, the use of political terms, informal words and expressions, slang, depending on the audience and the goals set by the speakers, are becoming more and more common forms of influence. Modern political discourse is shown as existing outside of the moral requirements and restrictions imposed by the authorities, who pursue the main goal of self – preservation and self-restraint, and use all methods of manipulation for this purpose, creating a pseudo-reality. This is especially significant in times of political crises, when power structures and leaders begin to reveal their failure, inability to make adequate political decisions, compensating them with various technologies of zombie population. Channels of influence are the media, which in the conditions of the information society turn into another power institution. Manipulative influence of the word can be neutralized in the dialogue between the government and society, which implies a high level of political culture of the elite and citizens.

Keywords: text; dialog; speech. political discourse; interpretation; manipulation; genre; pseudo-reality

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Titova, Lyudmila G.	E-mail: titovafspn@mail.ru Doc. Sc. (Politics), Professor
Uryadova, Anna V.	E-mail: uryadovaanna@gmail.com Doc. Sc. (History), Professor
Baburkin, Sergey A.	E-mail: baburkin@mail.ru Doc. Sc. (Politics), Professor

For citation: Titova L. G., Uryadova A. V., Baburkin S. A. Russian political discourse-problems of interaction between government and society // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2020. Vol. 6, No 4. P. 346-357. (in Russ.)

Российский политический дискурс – проблемы взаимодействия власти и общества

Л. Г. Титова¹, А. В. Урядова¹, С. А. Бабуркин²

¹ЯрГУ, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

²ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, ул. Республиканская, 108/1, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-346-357
УДК 323

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются вопросы современного российского политического дискурса – взаимодействия власти и общества, политической коммуникации, влияния власти посредством устного и письменного слова на массовое сознание. Значимость проблемы в условиях современного общества связана с расширением политического пространства за счет многосторонней политической коммуникации, введения новых субъектов в политический диалог, распространения потоков информации, которыми обмениваются участники политического процесса и которые не всегда адекватно воспринимаются и перерабатываются ими, что создает возможности целенаправленного управления поведением людей. В российской политической практике это отмечено в различных формах управляемого протеста. Все более распространенными способами влияния становятся медиатексты, интерпретации письменных текстов в их жанровом многообразии, умение убеждать в устных выступлениях, использование политических терминов, неформальных слов и выражений, сленга в зависимости от аудитории и целей, которые ставят перед собой выступающие. Современный политический дискурс показан как существующий вне нравственных требований и ограничений со стороны властных субъектов, преследующих главную цель – самосохранения и самоудержания – и использующих для этого все методы манипулирования с созданием псевдо-реальности. Это особенно значимо в периоды политических кризисов, когда властные структуры и лидеры начинают обнаруживать свою несостоятельность, неспособность к принятию адекватных политических решений, компенсируя их различными технологиями зомбирования населения. Каналами воздействия являются СМИ, которые в условиях информационного общества превращаются в еще один властный институт. Манипулятивное воздействие словом может быть нейтрализовано в диалоге между властью и обществом, что предполагает высокий уровень политической культуры элиты и граждан.

Ключевые слова: текст; диалог; речь; политический дискурс; интерпретация; манипулирование; жанр; псевдо-реальность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Титова, Людмила Григорьевна	E-mail: titovafspn@mail.ru Доктор политических наук, профессор
Урядова, Анна Владимировна	E-mail: uryadovaanna@gmail.com Доктор исторических наук, профессор
Бабуркин, Сергей Александрович	E-mail: baburkin@mail.ru Доктор политических наук, профессор

Для цитирования: Титова Л. Г., Урядова А. В., Бабуркин С. А. Российский политический дискурс – проблемы взаимодействия власти и общества // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 4. С. 346-357.

Современный политический процесс является дискуссионным явлением в силу неоднозначности для населения принимаемых политических решений, противоположных восприятий мира политики разными социальными группами, специфики индивидуального восприятия, слабости обратных связей между властью и обществом, различных толкований используемых понятий и политических символов. Общество углубляющейся дифференциации постепенно превращается в гигантский дискуссионный клуб, частично инициированный властью, частично – лицами с корпоративными или частными интересами.

Предоставляемые возможности, как технические, так и правовые, расширяют участие граждан в обсуждении возникающих проблем.

Реалии современной политики таковы, что имеющиеся подходы к происходящему требуют не только пересмотра многих методов анализа, но и корректировки понятийного аппарата политической науки, уточнения содержания понятий, которые традиционно составляют основу политических наук, что и происходит в многочисленных дискуссиях, которые ведутся не только в научной литературе, на научных форумах, но и в средствах массовой информации. Дискурсивными являются концепты политических систем и политического режима, современных демократий, протестных движений, частные проблемы выборов, войн в различных регионах планеты и т. д.

Имеющаяся возможность свободного обсуждения наиболее острых вопросов внутренней и внешней политики, несомненно, важнейшее достижение демократии. Практически, все вопросы современной политики находятся в дискуссионном поле, вовлекая в него не только экспертов и специалистов, но и рядовых граждан, что создает определенные проблемы для выявления подлинного значения многих понятий и, в свою очередь, для более точных оценок событий: за пределами научных споров – игра словами, подмена понятий, что неизбежно при произвольном обращении неспециалистов с терминологией. Создается прецедент, нуждающийся в усилении научного подхода к выявлению сущности обсуждаемых явлений.

В настоящее время не существует единой точки зрения на содержание понятия «политический дискурс». Тем не менее существующие концепции группируются в ряд общих позиций. Во-первых, к политическому дискурсу относится дискуссионная часть политического процесса – обсуждаемые на различных дискуссионных площадках спорные вопросы современной политики. Во-вторых, политический дискурс – выявляемые в научных дискуссиях различные точки зрения на содержание политологических понятий, выстраивание понятийного аппарата политологии, адекватно раскрывающего проблемные стороны современной политики. Третьей трактовкой политического дискурса является коммуникационная деятельность политических акторов, представителей властных структур, стремящихся определенным образом формировать общественное сознание с целью подчинения либо убеждения в правильности принимаемых решений. Наконец, дискурс рассматривается как речевая деятельность, передача в символической форме идей и ценностей, характеризующая политический процесс в данной стране и данный период времени. Названные подходы находят отражение в определениях, формулируемых рядом авторов, которые обращают

внимание на многозначность данного явления, связи со средой, в которой производится речевое действие, мышлением лидеров и массы.

Политический дискурс представлен в виде общения на уровне политических институтов, внеличного общения, обладающего собственным терминологическим языком в рамках представлений о политике как речевом действии [1]. Современный постмодернизм трактует дискурс как форму социальных взаимодействий, которые отличаются полифоничностью, многоаспектностью, спонтанностью и зависят от социальной среды [2]. Дискурс связывают с особенностями мышления политиков, о которых судят по их языку, а также с особенностями массового сознания, проявляющимися в текстах средств массовой информации [3, с. 56]

Понимание политического дискурса требует, как показывает качественный анализ проблемы, привлечения широкого круга специалистов для применения комплексного подхода, включающего выводы теорий информационного общества, теории коммуникаций и теории конфликтов, а также новейших достижений современной лингвистики. Существенный вклад в понимание сущности политического дискурса вносит философия, эволюция речевой и коммуникативной практики взаимодействия общества и власти прослеживается исторической наукой, правовые аспекты этого взаимодействия на институциональном уровне – теорией государств и права.

Для научного сообщества методологически важно уяснить значение политических терминов в постоянно расширяющемся понятийном аппарате политической науки. Непрерывающиеся дискуссии по поводу современных понятий политического процесса отражают возникающий комплекс проблем на каждом политическом этапе [4].

Мир политики – мир политических коммуникаций в виде речевого общения политических акторов, форм и технологий этого общения, в котором либо достигается некоторое понимание происходящего, либо властвующие субъекты пытаются убедить население в правильности проводимой политики.

Проблемой является владение речевой практикой, умением убеждать и внушать веру в эффективность существующей власти массам. Однако широкие возможности информационного общества позволяют включать новые технологии политического влияния через интернет и телевидение. Теория информационного общества рассматривает его как систему проникновения информационных технологий во все сферы его существования, в том числе и в сферу политики, где многократно возрастают возможности получения нового знания, использования объяснительного принципа в трактовке политических явлений, но вместе с тем создаются практически безграничные возможности воздействия на массовое сознание, что активно и эксплуатируется властью.

Относительно новой отраслью науки является политическая лингвистика, в предметное поле которой входят многочисленные дискуссии по вопросам изучения политического языка как знаковой системы, политических символов, устной и письменной политической речи. Например, эти дискуссии ведутся в постоянной рубрике «Дискуссии» журнала «Политическая лингвистика»,

где обсуждаются часто прямо противоположные взгляды на проблему политического языка. Изучение собственно лингвистической основы языка, механизма его действия расширяется за счет анализа внеязыковых факторов.

Значимая составляющая политического дискурса – правовое обеспечение политической коммуникации в условиях информационного общества. Связи и отношения, формируемые в информационном пространстве, могут создаваться как правовые, так и вне права, что ограничивает получение достоверной информации, противоречит принципам национальной безопасности страны и свободного, устойчивого, безопасного взаимодействия граждан [5]. Обеспечение прав граждан на доступ к информации, свободного выбора средств получения знаний при работе с информацией – принципы, выдвинутые в Стратегии развития информационного общества Российской Федерации на 2017–2030 годы», принятой Указом Президента РФ в 2017 году¹. В российском нормотворчестве сделано многое для обеспечения передачи новых знаний, использования новых технологий получения и распространения информации, в том числе и политической. Однако требуется еще длительный переходный адаптационный период для привыкания населения к действию в информационном пространстве [6, с. 74], к соблюдению законов всеми, в том числе и самой властью. Это период активного обсуждения в научном сообществе, специалистами в области юриспруденции вопросов обновления законодательной системы применительно к новым условиям информационного общества.

Акцентирование значений, интерпретация понятий в медиатекстах становятся новой политической реальностью, формируемой в сознании граждан, этот социальный и нравственный аспект политической коммуникации – результат взаимной ответственности ученых и политиков: первых – за точность определения, вторых – за адекватное использование-объяснение политических событий. Объективная трудность заключается в многозначности слова, в способности и готовности слушателя (читателя, зрителя) воспринимать сказанное. Вместе с тем интересы субъекта речи, его целевые установки, политические предпочтения, политический статус, ситуативная востребованность открывают широкие возможности для манипулирования словом, влияния на сознание и поведение граждан. Поскольку речевая деятельность занимает немалое место в действиях политика, важно, чтобы она не превращалась в бесконечный монолог власти, а уступала место ее диалогу с обществом в различных ситуациях современной политической жизни. Задачи, технологии, виды диалога все чаще становятся предметом изучения в рамках исследования политических коммуникаций. Значительное внимание уделяется проблемам политического дискурса в различных формах: от медиатекстов до общественно-политических дебатов и дискуссий (в работах Е. И. Шейгала, М. А. Козюлиной, Ю. Ю. Суханова, В. З. Демьянкова и других [7]).

Многочисленные примеры свидетельствуют о распространенности политических дискуссий на различные темы и в различных форматах: ток-шоу (Вечер

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201705100002>. Официальный интернет-портал правовой информации (дата обращения: 15.11.2020)

с Владимиром Соловьевым, 60 минут, Время покажет, Место встречи, Право голоса, Право знать), экспертные дискуссии, клубы, циклические дискуссии. Технологические возможности СМИ, интернета позволяют непосредственно откликаться на актуальнейшие проблемы дня. В дискуссионных медиаматериалах обсуждаются политические решения, вызовы и риски развития мира в условиях глобализации, будущее человечества.

На различных образовательных площадках, в средствах массовой информации, на научных конференциях, политических форумах обсуждается характер проведения политических диспутов, профессионализм ведущих, искусство спора и культура политического общения в целом. Последнее тем важнее, что плодотворный по сути и незаменимый по содержанию способ общения с аудиторией, будь то депутатский корпус, слушатели на массовом митинге или многочисленные телевизионные зрители, нередко превращается в закамуфлированное или откровенное давление на собеседника, вольное обращение с фактами, субъективную интерпретацию событий. Грубость, применение неформальной лексики, употребление слов, которые раньше назывались непечатными, становятся правилом в российских политических телевизионных выступлениях и передачах. Типичный пример – истеричные и неадекватные выкрики в телестудии телеведущего Владимира Соловьева, который почти не утруждает себя аргументацией в споре, обращается к одним и тем же экспертам, некорректным поведением намеренно взвинчивает атмосферу в студии.

Способ конфликтного ведения диалога и полилога нередко выбирается для обнажения противоречий, обострения проблемы, доведения до крайности позиций участников, однако «за кадром» остаются все возможные позитивные решения, сохраняется впечатление несправедливости и безнравственности мира, в котором вынужден жить человек. Это, кстати, в последние годы становится общим тоном всех российских политических шоу. В общественном сознании формируется представление о порочности мира в целом, что прямо или косвенно оправдывает все просчеты политического управления. Другой заданностью становится обратное стремление сгладить противоречия, вопреки здравому смыслу утверждать исключительно позитивный характер российской политики, ее приоритет в мире. И, наконец, демонстрируется стремление создать «объективную» картину происходящего, для чего приглашаются «независимые» эксперты, озвучивается медиативная точка зрения, якобы примиряющая конфликтующие стороны и в то же время претендующая на истину в последней инстанции, утверждение заранее определенной позиции.

В этом плане российские политические дебаты существенно трансформировались по сравнению с периодом конца 80-х – начала 90-х годов. Они стали реальностью, когда в условиях перестройки началось активное обсуждение всех насущных вопросов российского прошлого, настоящего и будущего.

Поспешно осваивался зарубежный опыт (Попперовские дебаты в образовании, например), велись многочисленные, транслируемые по радио и телевидению, дискуссии в Верховном совете СССР, на стадионах решали, быть или не быть марксизму, в заводских цехах – смертной казни, на телемостах – нашим новым отношениям с Западом, в «толстых» журналах – частной собственности, в армии

– службе по контракту. В печати шли разоблачения коррумпированной партийной и советской верхушек, гремело «узбекское дело», разоблачения Гдляна и Иванова – страна на десятилетие превратилась в огромную дискуссионную площадку, на которой в лихорадочном увлечении объявленной гласностью восполнялся дефицит свободного устного и печатного слова. С очевидностью явили силу политический диспут, диалог, спор, дискуссия. И с такой же очевидностью становилось ясно, что новой политической элите придется учиться умению политического общения, политической науке – осваивать политическую лексику, а политическим ораторам – пользоваться политическим словом. Несмотря на то, что все эти искусства были известны человечеству издавна, российские политики «новой волны» вынуждены были считаться с необходимостью овладения демократическим языком политической коммуникации, разыгрывая близость к народу в поведении, выступлениях, позже – во всемирной сети.

В истории политики речевое действие имело не менее важное значение, чем само политическое действие. Политика в античности выражалась прежде всего в слове, ораторское искусство было средством и убеждения оппонента, и поражения противника, и привлечения единомышленников. Споря с софистами, Платон, Сократ, Аристотель подчеркивали, что главным для оратора является не форма речи, а поиск истины [8]. Марк Туллий Цицерон уверял, что красноречие – главное орудие в руках государства.

Традиции рассматривать дискурс как обеспечение власти сохраняются и в настоящее время [9, с. 14]. Вместе с тем дискурс предполагает взаимодействие участников коммуникативного процесса, в котором второй стороной выступает общество; для него дискурс – форма политического участия, где транслируются не только определенные потребности, но и то или иное отношение к власти. Власть «обеспечивает себя», то есть словесно легитимизируется, внушая веру в свою эффективность, особенно в случаях нерезультативных политических решений.

Воздействие слова на аудиторию привлекало внимание исследователей различных эпох, начиная с античности, когда обучение искусству речи приобретало значимость наравне с философскими трактатами и являлось важной составляющей деятельности политика. Было замечено, что политическое слово в зависимости от культуры и целей говорящего может обладать силой воздействия, равной, а нередко большей, чем принуждение и насилие, всегда сопровождающие власть. Используя его для убеждения слушателя (читателя, зрителя), античные авторы проводили различие между допустимыми и недопустимыми методами, между манипулированием и аргументированным убеждением. Корректируя учение софистов, Аристотель утверждал, что убеждать необходимо только допустимыми средствами, опираясь на логику, этику и эмоцию (логос, этос и пафос), учитывая особенности аудитории, самой речи, используя характер говорящего, обращаясь к тому или иному настроению слушателей [9]. Словесное воздействие – искусство оратора, который должен убедить людей в своих нравственных качествах, вызвать у них определенное настроение, заставить поверить в верность сказанного. Истина и нравственность, таким образом, считались производным от искусства говорящего, его способности доказывать то, что он считает верным и чему начинают верить слушатели. Политическая речь –

совещательная, касается таких предметов, которые требуют реакции слушателя, но в которой нет задачи установить истину или справедливость, а лишь «склонить или отклонить» слушателя в процессе речи. Эта особенность политической речи, отмеченная античным автором, свидетельствует о том, что нравственность оратора воспринималась в его стремлении донести до слушателя свою мысль, свою идею, о правильности которой слушатель будет судить и делать выводы сам. Важен культурный контекст, в котором встречаются оратор и слушатели: если он совпадает, оратор выполняет свою задачу, а слушатель свободен в выборе решения.

Отточенное в Древнем Риме греческое искусство устного политического выступления постепенно уступало место письменной речи, распространившейся с появлением книгопечатанья.

Письменные политические тексты длительное время сохраняли сакральный характер, оставаясь привилегией избранных, писались языком, доступным немногим, часто содержали смысл туманный, неясный для большинства населения, неграмотного и далекого от политики. С самого начала появления письменных материалов на их содержание влияли не только языковые, но и внеязыковые факторы: развитость информационных технологий, социальное положение автора и реципиента, политическая культура обеих сторон, условия восприятия текстов, развитость каналов их распространения, целевые установки политических субъектов, их мыслительный мир, характер власти и политического режима. Внеязыковые факторы выполняли функцию выбора языка, жанра политического текста, его содержания [10, с. 32], отбор которых позволяет устанавливать связь между политиком и реципиентом – адресатом политического обращения.

Современный политический текст российских политиков в разных жанрах и модификациях представляет знаковую систему двойных стандартов, скрывающих, нередко шифрующих их подлинные мысли и замыслы. Отражаясь в строе речи, трактовка политических событий создает некую псевдо-реальность, многократно искажаемую, как изображение в кривом зеркале. Используется многозначность слова, оттенки интонации, сопровождающие жесты – вербальные и невербальные способы передачи информации с тем, чтобы вызвать у адресата определенное состояние, необходимое в данной ситуации.

Жанровое многообразие политических текстов – свидетельство множества способов достижения, сохранения и удержания власти в ходе политической коммуникации. В отличие от речевого общения они представляют собой письменный источник, содержание которого определено необходимостью выстраивания длительного взаимодействия с аудиторией в той или иной политической ситуации и зависит от особенностей письменной речи. Наиболее распространенными жанрами политической письменной речи являются официальные документы (конституции, указы, программы политических партий), письменные обращения, агитационные материалы, записанные и опубликованные интервью, научные статьи. Жанры, связанные с борьбой за власть, избирательными кампаниями, созданием политического имиджа, протестными движениями, обладают более широким арсеналом языковых средств, нежели официальные документы, имеющие строго фиксированные языковые нормы.

Качество политического текста определяется степенью его институционализации и структурированности, использованием тропов, пословиц, поговорок, идиоматических выражений. Задача семантических средств – вызвать определенное эмоциональное состояние воспринимающего, отрицательные или положительные эмоции. Отрицательные – чувство негодования, агрессии, страха – при акцентировании внимания на несправедливости происходящего, нарушении прав, угрозах извне или идущих от внешних и внутренних врагов. Положительное эмоциональное состояние должно вызвать определенное лицо (кандидат на какую-то должность, политический лидер, занимающий ведущие позиции, лидер партии, представитель администрации), события (политические праздники, борьба с негативными явлениями, подписание договоров, которые преподносятся общественному мнению как значимые явления для жизни страны). Для создания иллюзии сопричастности и взаимодействия используются такие обороты, как: «вы согласитесь, что...», «как вы уже поняли», «мы с вами должны считаться с тем, что...», и другие, им подобные.

Политический дискурс дает возможность рассмотреть влияние вербальных средств на массовое сознание. Современный диалог российской власти с обществом представляет вялотекущую критику со стороны оппозиции, заученно-повторяющуюся лексику официальных представителей власти и сленги протестных движений. Строй речи российских политиков, смысл, который они вкладывают в отдельные слова и выражения, заслуживает отдельного исследования, однако достаточно ознакомиться с реакцией представителей власти на происходящие события, чтобы понять: разрыв между населением и властью углубляется. Создаваемая с начала 2000-х вертикаль власти укрепилась в общественном сознании как неэффективная. Более одной трети опрошенных Левада-Центром считают ее средоточием коррупции, более половины убеждены, что руководство озабочено сохранением и укреплением власти, заботится о собственных интересах, а не о благе страны [11]. Социологические опросы показывают, что из-за невыполняемых обещаний недоверие граждан к власти растет, их недовольство усиливается. Последствиями становятся акции протеста, на которые власть реагирует более болезненно, чем во время выступлений 2011–2012 гг., о чем свидетельствуют действия полиции во время июльских-августовских событий 2019 года. Наряду с разгоном демонстрантов дубинками, многочисленными арестами и обысками в офисах и домах лидеров и организаторов акций, официальные лица обращаются к проверенной технологии риторического воздействия при освещении событий на телевизионных каналах, пуская в ход богатый арсенал информационных приемов: переключение внимания на международные события, катастрофы внутри страны и за рубежом, обрыв текста высказываний. Политические телевизионные шоу демонстрируют наступательный метод ведения диалога, эпатаж, подавление собеседника. При отсутствии общенациональной идеи все более обнаруживает себя стремление сделать слово, язык, речь интегрирующими факторами нации.

Речь не только явление лингвистическое, она встроена в общий культурный код нации, меняясь вместе со временем, с изменением в системе ценностей, «обслуживая» потребности участников политических событий.

Если охватить в целом лингвистический строй российского политического языка, ему присуще свойство, отмеченное братьями Вайнерами: душу в нем заменяют символы: символы чувств – радости, страха, отчаяния, сочувствия – которые в разнообразном виде демонстрируются на экранах телевидения, в интервью, в печати, в интернете. Свойство языка создавать иную реальность в мышлении воспринимающего в зависимости от его знаний, опыта, чувств, настроения используется для формирования мировоззрения, политических установок и соответствующего поведения. Все вместе взятое не просто направлено на формирование «усредненного» сознания, ориентированного на заданные ценности, оно исподволь подрывает основы культуры и нравственности, уничтожает нормы, веками апробированные в человеческих отношениях. Усилиями политтехнологов и СМИ играется спектакль, главным постановщиком которого является власть. В ее кулуарах пишется сценарий, обозначающий ключевые моменты, кнопки, на которые следует нажимать, чтобы снизить накал социального напряжения и решить сверхзадачу – добиться легитимизации действий власти путем создания видимости социального и политического партнерства. Как следствие – создание виртуальной реальности, лже-реальности, в которой человеку предлагается такое видение события, которое мыслит постановщик.

Исследователи протестных движений подчеркивают стремление официальных лиц закамуфлировать реальные события в массовом сознании, ретушировать происходящее [12] с тем, чтобы скрыть собственные просчеты, сгладить проблемы и создать видимость контроля над протестующими. Анализируя российские протестные выступления, мы можем констатировать аналогичную реакцию российского руководства, которое к тому же продолжает использовать образ внешнего врага и ищет след западных влияний на российский протест.

Речь российских политиков эволюционировала от официально-нейтральной, научно выверенной, риторически грамотной к обиденной лексике, просторечным словам и выражениям. Если речь М. С. Горбачева при вручении ему Нобелевской премии мира представляет собой образец риторики – в структурной организации текста, в построении фразы, ритмике и смысловом выражении – то следующая когорта политиков уже более свободна в словах и выражениях, их речи лишены академизма, что согласуется с образом «своего парня» и свидетельствует об эволюции языка политики от официально-нейтрального, научно выверенного, терминологического к эмоционально-агитационному. При всей присутствующей ей некоторой стилевой индивидуальности официальная речь политиков обезличена, повторяема, в ней явно прослеживается стремление увести сознание слушателей от реальности, заменить ее псевдо-реальностью путем подмены содержания, искажения смысла, стереотипичности, умиротворяющих фраз. Это еще оказывает воздействие на значительную часть населения, однако массовые протесты лета 2019 года показали, что, несмотря на стремление официальной власти «заговорить» население, молодежь выходит из-под ее влияния. Не случайно большей популярностью у нее пользуется В. В. Жириновский с его сленгом и имиджем эпатажного политика.

Молодежные акции протеста при всей неоднозначности способов действий – сигнал серьезного неблагополучия в государстве. Ее недовольство и воз-

мущение, выражающиеся, в том числе, в речи, в нарушении норм политкорректности, – свидетельство прихода в политику иного поколения с его ценностями, представлениями, культурой.

Политический дискурс в России – явление относительно новое, отличается разнообразием, далеко от академизма, активно используется как средство легитимизации власти путем манипулирования сознанием и поведением людей различных социальных групп. В результате проведенного анализа авторы **предлагают**:

- использовать данные мониторинга отношения населения к принимаемым политическим решениям для налаживания диалога с гражданами на региональном и местном уровне;
- активно использовать академическую форму обсуждения понятийного аппарата политической науки, включая вопросы методологии политического анализа в программы научных конференций, круглых столов и других научных форумов;
- шире вовлекать молодых специалистов в научные дискуссии;
- расширять правовую основу диалога между представителями власти и гражданского общества;
- использовать платформу гражданских дискуссий для обсуждения приоритетных проблем политического процесса при участии политических партий и общественных организаций;
- вводить курсы риторики для подготовки политологов, обращаясь к историческому опыту риторов от античности до настоящего времени.

Ссылки / References

1. Синеокая Н. А. Характеристика политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=7695> (дата обращения: 10.11.2020).
2. Кузнецова Н. В. Политический дискурс, обеспечивающий власть политической элиты // Политический дискурс в парадигме научных исследований. Сборник статей II международной научной конференции. Тюмень: Вектор Бук, 2015. С. 14-22.
3. Пилюгина Е. В. Дискурс в политике и политика как дискурс: Актуальные резонансы социального бытия постмодерна // Евразийский журнал региональных и политических исследований. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2013. № 23 (14). С. 42–48.
4. Романова Т. В. Современный политический дискурс: специфика и методика анализа // *Respectus Philologicus*. 2007. № 11. С. 56–67.
5. Медушевский А. Н. Глобализация и либеральная демократия. К промежуточным итогам дискуссии. 11.02.2019 // Фонд «Либеральная миссия». URL: <http://liberal.ru/trends/globalizaciya-i-liberalnaya-demokratiya-k-promezhutochnym-itogam-diskussii> (дата обращения: 15.11.2020)
6. Рыбаков О. Ю. Приоритеты развития информационного общества в России: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. 2017. № 3 (24). С. 71– 76.

7. Суханов Ю. Ю. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 1. С. 200-212.
8. Шевякова Е. А. Ораторское искусство античности // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2017. Т. 7. № 6. С. 851.
9. Аристотель. Поэтика. Риторика. СПб: Азбука, 2000. URL: http://master-slova.narod.ru/book/aristotel_poetika_ritorika.pdf (дата обращения: 15.11.2020).
10. Хун Лю. Особенности реализации политического дискурса в художественном тексте: постановка проблемы // Политическая лингвистика. 2017. № 3 (63). С. 31-41.
11. Сергеева Л. Населению надоела вертикаль власти // Ведомости. 09.02.2012. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/02/09/vertikal_razlyubili (дата обращения: 15.11.2020).
12. Кучеренко К. В. Манипулятивное воздействие в испанском политическом дискурсе: слова-стереотипы, слова-смыслы, слова-слоганы // Вестник МГИМО. 2012. № 5. С. 255-259.

Problems of continuing education of senior people

E. A. Ermakova¹

¹Bryansk State Technical University, 7 50 let Oktyabrya Boulevard, Bryansk 241035, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-358-367

Research Article
Full text in Russian

The increase in life expectancy and the share of the elderly population are the main demographic trends in the world and Russia. They actualize the need to find ways to prevent and overcome the negative consequences for society of demographic aging of the population. One of them is the inclusion of representatives of the "third age" in the system of continuing education. Thanks to it, older people can easily adapt to the changes that are taking place in all areas of modern society. At the same time, inclusion in continuing education contributes not only to the continuation of the work of older people, but also creates conditions for maintaining the intellectual, aesthetic, moral and civic level provided by self-education or through institutionalized mechanisms of formal education.

This article summarizes the realized and the experience of foreign and Russian practices of teaching the elderly, studied the degree of their readiness to continue learning, analyzes issues and trends of continuing education representatives of the «third age», revealed the motives that drive them to continue to learn and barriers to formal and informal education.

Keywords: continuing education; older people; educational potential; third age; third age universities; ageism

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ermakova, Ekaterina A.

E-mail: ermakova.20@mail.ru

Assistant of the Department of Humanities and social disciplines, post-graduate student of The Federal research sociological center of the Russian Academy of Sciences

For citation: Ermakova E. A. Problems of continuing education of senior people // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 4. P. 358-367. (in Russ.)

Проблемы непрерывного образования пожилых людей

Е. А. Ермакова¹

¹Брянский государственный технический университет, бульвар 50 лет Октября, 7, Брянск, 241035, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-358-367
УДК 316

Научная статья
Полный текст на русском языке

Увеличение продолжительности жизни и доли пожилого населения – главные демографические тенденции в мире и России. Они актуализируют необходимость поиска путей предупреждения и преодоления негативных последствий демографического старения населения для общества. Одним из таких путей является включение представителей «третьего возраста» в систему непрерывного образования. В постоянно меняющемся мире трудно переоценить значение и востребованность непрерывного образования. Благодаря ему пожилые люди могут беспрепятственно адаптироваться к изменениям, которые происходят во всех сферах современного общества. В то же время включение в непрерывное образование не только способствует продолжению трудовой деятельности и улучшению качества жизни пожилых людей, но и создает условия для поддержания интеллектуального, эстетического, морального и гражданского уровня, обеспечиваемого за счет самообразования или посредством институционализированных механизмов формального образования.

В статье обобщен и осмыслен опыт зарубежных и российской практик обучения пожилых людей, изучена степень их готовности к продолжению обучения, проанализированы проблемы и тенденции непрерывного образования представителей «третьего возраста», выявлены мотивы, побуждающие их продолжать учиться, а также барьеры, препятствующие получению формального и неформального образования.

Ключевые слова: непрерывное образование; пожилые люди; образовательный потенциал; третий возраст; университеты третьего возраста; эйджизм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ермакова, Екатерина Александровна

Email: ermakova.20@mail.ru

Аспирант Института социологии ФГБУН Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Для цитирования: Ермакова Е. А. Проблемы непрерывного образования пожилых людей // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 4. С. 358-367.

Введение

Увеличение продолжительности жизни и старение возрастной структуры населения – главная мировая демографическая тенденция, которая наблюдается и в России. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, к 2036 году доля пожилых людей увеличится с 25,4 % от общей численности населения страны до 31,1 % по высокому варианту прогноза или до 30,8 % – по низкому варианту прогноза [1]. Данная тенденция рассматривается современными учеными как достижение человеческой цивилизации, связанное с улучшением социально-экономических условий жизнедеятельности людей.

По расчетам Минтруда РФ, на начало 2018 года насчитывалось 12,3 млн. работающих пенсионеров, т. е. каждый четвертый представитель старшей возрастной страты. В 2020 году предполагается рост доли работающих пенсионеров с 7,6 до 8,2 % от числа всех работающих. По данным Сбербанка, в котором аккумулируются доходы большинства пенсионеров, к этому времени средний доход работающих пенсионеров составил 32 тысячи рублей, а с учетом пенсии – 46 тысяч рублей. Но к 75 годам, т. е. моменту перехода в категорию стариков, работающих остается 2 %. Средний доход категории стариков – 14100 рублей.

Возрастающий интерес научного сообщества к изучению различных аспектов образования пожилых людей объясняется его потенциалом в качестве эффективного государственного инструмента для решения актуальных социальных проблем, вызванных демографическим старением. Представители пожилого возраста рассматриваются как носители человеческого капитала, готовые к постоянному обновлению своих знаний и навыков.

В России и во многих других странах существует понимание необходимости поддержания образовательного потенциала представителей «третьего возраста», который не только обеспечит им возможность продолжить трудовую деятельность, но и создаст условия поддержания интеллектуального, эстетического, морального и гражданского уровня жизни, обеспечиваемого за счет самообразования или посредством институализированных механизмов формального образования [2, с. 120].

Составляя социальный портрет пожилого населения в России, М. А. Варламова и О. В. Синявская пришли к выводу, что в «третий возраст» вступили намного более образованные поколения, пережившие опыт адаптации к новым социально-экономическим реалиям, они и идущие за ними поколения несут уже другой образ восприятия старости, иные представления о качестве и стиле жизни пожилых людей [3]. Современные пожилые люди образуют качественно иной социальный слой, для которого характерны повышенные требования к своему социальному статусу, условиям реализации прав и свобод, возможности непрерывно продолжать свое образование.

Г. Е. Зборовский и П. А. Амбарова отмечают, что образовательная деятельность представителей этой общности способна превратить ее из проблемной в ресурсную. Важная характеристика такой деятельности и ее назначение – стать нематериальным активом самых разных форм и видов профессионально-трудовой, интеллектуальной, культурно-досуговой, гражданской активности [4, с. 21].

Д. М. Рогозин, анализируя результаты проходившего в Ивановской области исследования отношения людей старшего возраста к обучению и труду, сделал вывод

о том, что востребованность образования пожилым человеком, склонность к получению новых знаний существенным образом меняет его социальную позицию. Этот человек уже может рассматриваться не как доживающий свой век, получающий гарантированную пенсию и коротающий досуг, а в качестве проектировщика собственной судьбы, независимо от бытующих в социуме стигматов старшего возраста [5, с. 28].

Интеграция представителей «третьего возраста» в систему непрерывного образования является, по Н. В. мнению Бондаренко, ответом на актуальные вызовы современности. Такое образование предполагает повышение профессиональной квалификации, профессиональную переориентацию, обучение и переобучение трудовым навыкам. С его помощью пожилые люди могут беспрепятственно адаптироваться к трансформациям, которые происходят во всех сферах современного общества [6].

Для понимания перспектив поддержания образовательного потенциала пожилых людей в России необходимо проанализировать отечественный и зарубежный опыт обучения представителей «третьего возраста», выявить проблемы и тенденции развития непрерывного образования старшего поколения, а также оценить потенциал использования образования пожилых для решения насущных социальных проблем.

Сравнительный анализ систем образования пожилых людей за рубежом и в России

В Европе в конце XX века включение пожилых людей в систему непрерывного образования было продиктовано не мировыми демографическими тенденциями, а необходимостью приведения их профессиональной квалификации в соответствие с ускоренными темпами роста производств и производственных технологий.

Первый университет для пожилых людей появился в 1973 году в Тулузе (Франция). Учебный процесс в университете организовывался на классических академических стандартах образования и шел параллельно с научными исследованиями, целью которых было выяснение способности представителей «третьего возраста» воспринимать и воспроизводить новую информацию.

В 1980-х гг. в Великобритании появилась добровольная ассоциация «Общество третьего возраста», где пожилые люди самостоятельно объединялись в образовательные группы и делились друг с другом своими профессиональными знаниями и практическими навыками [7]. Британская организация образовательного процесса отражала идеи И. Иллича, который выступал против институализации образования для пожилых. По его мнению, в процессе передачи знаний учителя уподобляются оракулам, а учащиеся теряют способность к самостоятельному критическому мышлению, поэтому образовательная система должна стать более гибкой и подвижной с тем, чтобы обеспечить доступ к образовательным ресурсам всем желающим, способствовать свободному обмену знаниями и создавать предпосылки для передачи профессиональных навыков [8]. Именно эти идеи стали основными для британских университетов третьего возраста.

В настоящее время во всем мире увеличивается число учебных заведений и образовательных программ, которые специализируются на обучении пожилых людей. Сейчас в Америке и Европе по программам университетов третьего возраста обучается более 2,2 млн. человек. Р. Манхаймер в своих исследованиях отмечает, что с каж-

дым десятилетием все больше пожилых американцев участвуют в тех или иных видах формального и неформального обучения [9]. В азиатских странах насчитывается более 4,3 млн. учащихся старше 60 лет. В 2013 году наиболее успешными странами с точки зрения подготовки пожилых людей были скандинавские страны, Великобритания и Франция, Испания, Италия и Германия были ниже средних показателей по ЕС-28. Образовательный процесс в этих странах строится на сочетании организационных принципов классического французского и неклассического британского непрерывного образования. Так, например, в Финляндии университеты третьего возраста ориентируются на академические образовательные программы и вместе с тем используют опыт и знания самих пожилых учащихся. В Канаде представители третьего возраста учатся наравне с учащимися других возрастных групп и при наличии у них профильного образования в прошлом могут получить степень бакалавра. В США обучение в университетах третьего возраста проходит в формате «Elder hostel» (позже «Road Scholar»). Суть такого обучения заключается в сочетании путешествия и обучения. Пожилой человек, путешествуя по различным интересным местам, во время остановок слушает лекции, подготовленные сотрудниками вузов. В Южной Америке университеты третьего возраста существуют как центры социальной поддержки населения и ориентированы на представителей социальных низов. В КНР в образовании пожилых преобладает традиционный тип образования. У безработных пожилых людей шансов быть вовлеченными в учебную деятельность меньше, чем у работающих.

Б. Финдсен и М. Формоза отмечают, что особенность зарубежных образовательных программ состоит в их направленности на поддержание представителей третьего возраста как социальной группы, которая готова и способна воспроизводить знания и навыки, полученные в ходе непрерывного образования для решения не только профессиональных, но и жизненных задач [9].

В исследованиях зарубежных ученых, таких как Д. Дьюи [10], М. Ноулз [11], Э. Линдерман [12] и др., особое внимание уделяется изучению условий социальной активности и инклюзии представителей пожилого возраста посредством практик их вовлечения в различные виды образования. Т. М. Кононыгина отмечает, что задача обучения пожилых людей: «представлена зарубежными исследователями не только как процесс адаптации и компенсации потерь в связи с возрастными изменениями, а как особая образовательная культура, формирующая новый облик старости – продуктивной, компетентной, деятельной, наполненной жизненной энергией, опытом, мудростью пожилых» [13].

В России так же, как и в зарубежных странах, существует образовательная система для пожилых людей. Однако потребность в ней невысока: в образовательный процесс включено всего лишь 8 % населения в возрасте 55–64 лет [14]. Д. М. Рогозин связывает низкий процент включенности пожилых людей с двумя основными факторами. Во-первых, с неготовностью существующих институтов образования к обучению представителей данной возрастной группы: недостаточной разработанностью специализированных образовательных программ, отсутствием специалистов в области геронтологического образования, ориентированных на специфику работы с немолодыми учениками. Во-вторых, с нежеланием самих пожилых людей к дальнейшему обучению [5]. Тем не менее в больших городах и в регионах постепенно увеличивается число учреждений, где пожилые люди могут продолжить свое образование.

В России существует три направления образования пожилых людей: формальное, неформальное и информальное. Формальное образование подразумевает под собой получение новой профессии, повышение квалификации или переквалификацию. С выходом на пенсию представителей пожилого возраста обычно исключают из формального образования. Однако пожилой человек может стать студентом вуза и получить диплом бакалавра или магистра наравне с представителями молодого поколения. Работающие пенсионеры могут на общих основаниях пройти курсы повышения квалификации или курсы профессиональной переподготовки. На 2016 г. численность слушателей, завершивших обучение по дополнительным профессиональным программам в возрасте 60 лет и старше, составила 6,7 % [14, с. 190].

Самой распространенной среди пожилых людей формой дополнительного образования является неформальное обучение. В отличие от формального образования, неформальное не имеет строгой нормативности, и представители пожилого возраста могут свободно обмениваться своими навыками, тем самым самостоятельно организуя образовательный процесс. Его реализуют через различные центры социального обслуживания населения, «народные школы», «народные университеты» или «университеты третьего возраста». В таких образовательных учреждениях пожилые люди изучают огромное количество программ, разнообразие которых увеличивается с каждым годом. Например, первоначально наиболее востребованными среди пожилых людей были компьютерные курсы, а теперь популярность набирают курсы английского языка, экономики, права, живописи, танцев, ландшафтного дизайна и др.

Информальное образование подразумевает под собой самообразование пожилых людей. Концепция информального образования дает возможность использовать в процессе обучения сочетание жизненного и профессионального опыта пожилых людей. Получение такого образования стало возможно благодаря развитию различных информационных площадок, целью которых является адаптация представителей третьего возраста к реалиям современного мира. Примером самообразования является занятие копирайтерством, в ходе которого пенсионеры на практике осваивают приемы маркетинга, журналистики, психологического консультирования [15, с. 148].

Таким образом, непрерывное образование является необходимым инструментом для интеграции представителей старшего поколения в экономическую сферу общества. Для включения представителей предпенсионного и пенсионного возраста в профессиональное образование Правительством РФ и различными общественными организациями разрабатываются различные проекты, например, национальный проект «Демография», социальные проекты «Активная жизнь старшего поколения», «Школа активного долголетия», «Московское долголетие» и др. Однако не все регионы в равной степени способны обеспечить условия для реализации данных образовательных проектов, что способствует исключению значительной доли представителей пожилого возраста, сохранивших высокую остаточную трудоспособность, из экономической сферы общества.

Методы

В данной работе произведен вторичный анализ данных, полученных, во-первых, в ходе комплексного социологического исследования «Жизненные стратегии и социальные практики активного долголетия людей пожилого (третьего) возраста»

(кабинетное исследование, массовый формализованный опрос 1500 респондентов, 4 фокус-группы, 20 экспертных интервью на территории Московской и Ивановской областей), проведенного под руководством И. П. Потехиной и Д. В. Чижова в регионах ЦФО в 2015 г. с целью изучения и анализа положительного опыта по созданию условий, способствующих повышению продолжительности и качества жизни, поддержанию социальной активности и работоспособности, формированию здорового образа жизни и активного долголетия пожилых людей [16], и, во-вторых, в результате Мониторинга экономики образования, который проводится НИУ ВШЭ ежегодно, начиная с 2002 года [17].

Результаты

Что заставляет пенсионеров продолжать свое образование? Можно выделить две группы мотивов: профессиональные и личные. По данным исследования PIAAC (Международное исследование компетенций взрослого населения), основным мотивом участия в непрерывном образовании взрослых в странах ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) является потребность, связанная с работой [18]. Эти данные коррелируют с результатами мониторинга экономики образования, проведенного НИУ ВШЭ. Было установлено, что для 65 % участвовавших в непрерывном образовании основными мотивами являются профессиональные интересы [17].

К профессиональным мотивам участия в непрерывном образовании можно отнести желание сохранить свое нынешнее рабочее место и достичь на нем успеха, совершенствовать знания и навыки (почти для 40 % участвовавших в непрерывном образовании в 2016 г.), повысить профессиональную квалификацию в своей текущей профессиональной деятельности (для 14 %) и, соответственно, заработать больше (для 13 %) [17, с. 141]. Низкий уровень пенсии, по мнению экспертов, является основной причиной, по которой люди пожилого возраста продолжают свою трудовую деятельность, и лишь немногие работают в первую очередь для ощущения нужности обществу.

Личные мотивы участия в непрерывном образовании чаще всего связаны с личными интересами вне работы в качестве хобби, для организации своего досуга. Образование вносит существенный вклад в улучшение здоровья и повышает социальную, а также гражданскую активность пожилых людей.

В качестве основных причин неучастия в формальном и неформальном дополнительном образовании представителей третьего возраста выделяют несформированные потребности и отсутствие осознанной необходимости в дальнейшем обучении, а также эйджизм в отношении пожилых людей, существующий в российском обществе. Несмотря на то, что в российском законодательстве с 2019 г. предусмотрена уголовная ответственность за необоснованное увольнение или отказ в трудоустройстве пожилых людей из-за возраста, традиционно большинство работодателей отдает предпочтение более молодым соискателям на вакантные места. Увеличению риска быть уволенным и сокращению возможности найти новую работу способствуют такие факторы, как устаревшие знания и навыки пожилых людей, проблемы с адаптацией к новым технологиям, отсутствие стимулов к переобучению, ухудшение здоровья и дискриминация по возрасту [17, с. 167–172].

В ходе научного исследования реального экономического потенциала представителей третьего возраста, проводившегося под руководством И. П. Потехиной и Д. В. Чижова, были выявлены сильные и слабые стороны представителей третьего возраста на рынке

труда. К сильным сторонам они отнесли такие качества, как высокий уровень компетентности в своей профессиональной области, дисциплинированность и ответственность. К слабым сторонам были отнесены ухудшение здоровья, морально-психологические сложности, которые возникают у руководителей, в подчинении которых находятся рабочие более старшего возраста [16, с. 14].

Кроме этого, социологи обнаружили три альтернативные модели поведения пожилых после выхода на пенсию, показывающие их разные жизненные установки и ожидания:

1) дожитие, характеризующееся спадом активности во всех сферах, повышенным вниманием лишь к здоровью и текущим бытовым и семейным проблемам (39 %);

2) переориентация на другие сферы, характеризующаяся переключением на общественно полезную деятельность, реализацию себя в социальной, общественно-политической или семейной сфере (37 %);

3) продолжение активного образа жизни, характеризующееся сохранением установок на трудовую деятельность (24 %). Сохранить или найти работу, которая бы соответствовала социальному статусу и знаниям, пожилым людям удавалось лишь в том случае, если работа была связана с уникальными компетенциями или узкой специализацией, востребованной и на сегодняшний день. Но чаще пожилые люди занимали вакансии, наименее привлекательные для других категорий населения, работая на низкоквалифицированных рабочих специальностях, не требующих дополнительного образования [19].

Доминирование отрицательного отношения пожилых к продолжению трудовой деятельности после выхода на пенсию обусловлено комплексом объективных и субъективных факторов:

- ухудшением состояния здоровья, не позволяющим полноценно трудиться на большинстве рабочих мест;

- низкой востребованностью на рынке труда из-за профессиональной некомпетентности в сфере современных автоматизированных производств;

- отсутствием адекватных предложений на рынке труда, которые могли бы сочетать в себе возможности самореализации и достойного заработка;

- дискриминацией по возрасту со стороны работодателей;

- падением профессионального статуса после выхода на пенсию.

Однако по отношению к дополнительному обучению было выявлено противоречие между высокой степенью способности это делать и низким уровнем готовности и желания учиться. 69 % респондентов отмечают свою способность приобретать новые знания и умения. Противоположной позиции придерживаются 22 %. В то же время 68 % пожилых не готовы этим заниматься. Лишь 23 % респондентов утвердительно ответили на этот вопрос, а 7 % уже занимаются на курсах обучения и самообразования [16, с. 16].

Основная проблема обучения представителей пожилого возраста заключается в том, что образовательные курсы, которые связаны с хобби или направлены на расширение коммуникационных возможностей, являются более предпочтительными, чем курсы, имеющие профессиональную направленность. Исследователи предположили, что ключевым фактором отказа от дополнительного образования стало непонимание респондентами сферы его применения.

Образование пожилых людей способно решить проблему социальной адаптации пенсионеров. Специальные программы формального и неформального дополнительного образования направлены на обучение различным навыкам, которые необходимы в повседневной жизни, благоприятно влияют на здоровье, а также

оказывают воздействие на адаптивные способности представителей третьего возраста, создают благоприятные условия принятия пожилыми людьми социальных изменений, процесса старения и состояния старости.

Заключение

В современных условиях положение пожилых людей усложняется во всех сферах общественной жизни. Образование является базой для дальнейшего благополучия, улучшения качества жизни, поэтому особую важность приобретает готовность пожилых людей к обучению на протяжении всей жизни.

Несмотря на то, что количество образовательных учреждений увеличивается с каждым годом, качество предоставляемых ими услуг ставится под сомнение. Деятельность таких учреждений не имеет должной организованности, необходимой методической и кадровой оснащенности. Поэтому главным вектором в развитии непрерывного образования пожилых людей является развитие образовательной среды, специализированных образовательных учреждений – «университетов третьего возраста», которые будут соответствовать современным общественным тенденциям и будут ориентированы на дальнейшую адаптацию людей старшего возраста.

В массовом сознании и молодого, и старшего поколения старость ассоциируется с периодом исключения стариков из образовательного пространства как не поддающихся обучению, имеющих дефицит времени для ответных компенсаторных действий, но не имеющих никакой социальной цели, кроме работы по дому и воспитания внуков. Это свидетельствует о доминировании в обществе эйджизма. Под влиянием общественных негативных стереотипов у представителей пожилого возраста формируется представление о себе как «неперспективной» и «бесполезной» для общества категории людей, которой учиться ни к чему.

Работодатели обычно считают, что пожилые работники имеют меньший учебный потенциал, хотя разрыв в успеваемости с молодыми работниками может быть уменьшен с помощью различных образовательных мероприятий, которые соответствуют потребностям обучения пожилых работников. Кроме того, хотя работники старшего возраста реже покидают свои рабочие места, чем работники молодого возраста, работодатели считают, что они имеют меньший срок службы, и поэтому рассматривают обучение пожилых работников как инвестицию с более низкой прибылью. Нежелание руководителей вкладывать средства в обучение пожилых работников – это более серьезное препятствие на пути развития непрерывного образования пожилых, нежели их личное нежелание получать выгоду от обучения. Отсутствие профориентационных мероприятий приводит к тому, что дальнейшее получение образования не наделяется социально полезным смыслом. Это приводит к обесцениванию образования и дальнейшего развития представителей третьего возраста.

Ссылки / References

1. Уточненный демографический прогноз до 2036 года // Росстат. 28.12.2019. URL: <https://www.gks.ru/folder/313/document/72529> (дата обращения: 01.04.2020).
2. Касьянова Т. И., Воронина Л. И., Резер Т. М. Образовательный потенциал российских граждан пожилого возраста // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 2. С. 120–141. DOI:10.17853/1994-5639-2020-2120-141.

3. Варламова М. А., Синявская О. В. Портрет пожилого населения России // Демоскоп Weekly. 2015. № 627–628. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0627/tema08.php> (дата обращения: 03.03.2020).
4. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Роль образования в сохранении и развитии социальной общности людей «третьего возраста» // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2019. № 2. С. 21–34. DOI: 10.15593/2224-9354/2019.2.2
5. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Старикам тут место: социальное осмысление старения: [сборник научных статей] / Институт социологии РАН; отв. ред. Д. М. Рогозин, А. А. Ипатов. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 8–41.
6. Бондаренко Н. В. Становление в России непрерывного образования: анализ на основе результатов общероссийских опросов взрослого населения страны // Мониторинг экономики образования. Информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ, 2017. № 5 (104). 28 с.
7. Formosa M. Four decades of Universities of the third age: Past, present and future // Ageing a society. Cambridge, 2014. Vol. 34. P. 42–66.
8. Иллич И. Освобождение от школ. Пропорциональность и современный мир. (Фрагменты из работ разных лет): [пер. с нем., англ.]. М.: Просвещение, 2006. 149 с.
9. International perspectives on older adult education / Ed. by B. Findsen, M. Formosa. Cham: Springer, 2016. Vol. XIX. 519 p.
10. Dewey J. The School and Society. Chicago: University of Chicago Press, 1900. URL: https://ia801408.us.archive.org/33/items/schoolsociety00dewerich/schoolsociety00dewerich_bw.pdf. (дата обращения: 03.03.2020).
11. Knowles M. S., Holton III E. E., Swanson R. A. The Adult Learner: The Definitive Classic in Adult Education and Human Resource Development. 6th ed. London, N.Y.: ELSEVIER Butterworth Heinemann, 2005. 416 p.
12. Lindeman E. C. The Meaning of Adult Education. N.Y.: New Republic, 1926. 224 p.
13. Кононыгина Т. М. Герагогика. Пособие для тех, кто занимается образованием пожилых людей. Орел: Красная строка, 2006. 148 с.
14. Индикаторы образования: 2018: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, Н. В. Ковалева и др. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 400 с.
15. Королева Е. Г., Мухлаева Т. В. Образование для пожилых в контексте концепции «благополучного старения» // Человек и образование. 2018. № 4. С. 147–151.
16. Потехина И. П., Чижов Д. В. Потенциал старшего поколения как составляющая национального человеческого капитала (по материалам исследования в регионах ЦФО) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 3–23.
17. Век живи – век учись: непрерывное образование в России / И. А. Коршунов, О. С. Гапонова, В. М. Пешкова; под ред. И. Д. Фрумина, И. А. Коршунова // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 310 с.
18. Desjardins R. Participation in adult education opportunities: Evidence from PIAAC and policy trends in selected countries. Background paper prepared for the Education for All Global Monitoring Report 2015 // Education for All 2000–2015: achievements and challenges. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002323/232396e.pdf> (дата обращения: 03.03.2020).
19. Ключарев Г. А. Век учись – век живи // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 167–172. DOI: 10.31857/S013216250006182-33.

Institute of volunteering as a modern form social solidarity for example of the all-Russian project #WeAreTogether

O. P. Noskova¹

¹Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya embankment, Saint Petersburg 199034, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-368-379

Research Article
Full text in Russian

The article is devoted to the problem of public solidarity through volunteer activities during the fight against the pandemic. At the beginning of the article, the phenomenon of volunteerism is considered as a new social institution that is ready to consolidate society, contribute to solving global problems and meet the challenges of our time. Further, the concept of solidarity in the works of outstanding scientists is considered, which leads to the conclusion that solidarity is the most important component of civil society. The empirical study uses inductive content analysis using marker words from nine of the most popular Russian press publications from March to August 2020, which describes the types of volunteer activities during the pandemic, provides statistics across the country, reviews the results of work, and identifies the problems faced by both volunteers and citizens in need of support. A detailed analysis of solidarity in the framework of the activities of pandemic volunteers was conducted using the example of the all-Russian volunteer action #WeAreTogether. In conclusion, the results of the study allow us to state the fact that the fight against the pandemic has become the most important factor in uniting the citizens of Russia, where public solidarity is one of the main components of the development of civil society.

Keywords: volunteerism; institute; solidarity; content analysis; help; society; pandemic; self-isolation; volunteer project

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Noskova, Olga P. | E-mail: boxgirl@yandex.ru
Postgraduate

For citation: Noskova O. P. Institute of volunteering as a modern form social solidarity for example of the all-Russian project #WeAreTogether // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 4. P. 368-379. (in Russ.)

Институт волонтерства как современная форма общественной солидарности на примере Всероссийской акции #МыВместе

О. П. Носкова¹

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-368-379
УДК 316.353

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена проблеме проявления общественной солидарности посредством волонтерской деятельности в период борьбы с пандемией. В начале статьи феномен волонтерства рассматривается как новый социальный институт, готовый консолидировать общество, способствовать решению глобальных проблем и отвечать вызовам современности. Далее рассмотрено понятие солидарности в трудах выдающихся ученых, из чего следует вывод, что солидарность есть важнейшая составляющая гражданского общества. В качестве метода эмпирического исследования взят индуктивный контент-анализ с применением слов-маркеров девяти наиболее популярных изданий российской прессы с марта по август 2020 года, где описаны виды деятельности волонтеров в период пандемии, приведены статистические данные по всей стране, рассмотрены результаты работы, а также указаны проблемы, с которыми сталкиваются как волонтеры, так и нуждающиеся в поддержке граждане. Проведена подробная аналитика проявления солидарности в рамках деятельности волонтеров пандемии на примере Всероссийской волонтерской акции #МыВместе. В заключение подводятся итоги исследования, позволяющие констатировать факт, что борьба с пандемией стала важнейшим фактором объединения граждан России, где общественная солидарность выступает одним из главных составляющих развития гражданского общества.

Ключевые слова: волонтерство; институт; солидарность; контент-анализ; помощь; общество; пандемия; самоизоляция; волонтерский проект

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Носкова, Ольга Павловна | E-mail: boxgirl@yandex.ru
Аспирант

Для цитирования: Носкова О. П. Институт волонтерства как современная форма общественной солидарности на примере Всероссийской акции #МыВместе // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 4. С. 368-379.

Введение

В данной статье проявление общественной солидарности в борьбе с пандемией рассматривается как современная форма волонтерской деятельности на основе анализа ключевых задач и итогов реализации Всероссийской волонтерской акции помощи пожилым и маломобильным людям в доставке продуктов, товаров первой необходимости и лекарств, оплате ЖКХ в период самоизоляции #МыВместе. Предпринимаются попытки доказать, что солидарность – одна из важнейших составляющих гражданского общества, без которой оно не может развиваться и эффективно функционировать.

Развитие гражданского общества в современной России неразрывно связано со становлением нового социального института, способного объединить вокруг себя абсолютно разных людей, независимо от пола, возраста, этнической принадлежности, вероисповедания, социального статуса, посредством главных идей – нести добро, помогать безвозмездно, быть неравнодушным к чужим проблемам, реагировать на природные аномалии и мировые катаклизмы, объединяться для решения глобальных задач.

Таким институтом можно смело назвать волонтерство как одну из эффективных форм проявления общественной солидарности.

Под волонтерством мы понимаем добровольную бескорыстную общественно полезную деятельность, объединенную общими целями, мотивами и интересами, не подразумевающую принуждения и материальной выгоды, направленную на оказание помощи, создающую условия для социального и экономического развития страны, помогающую решать социальные проблемы на разных уровнях, формировать гражданское общество и способствовать социальной консолидации.

Волонтерство помогает сплотить общество, упорядочить систему взаимодействия между людьми, увеличить объем и частоту контактов, мобилизовать ресурсы, скоординировать социальную деятельность в целях получения общего блага.

Называя волонтерство институтом, мы опираемся на основные признаки социального института, а именно:

- 1) нормативные правила, утвержденные регламентирующими документами (декларации, уставы, концепции и проч.);
- 2) установки и образцы поведения, объединяющие сообщество (помощь, поддержка, соучастие, неравнодушие и проч.);
- 3) идентификационные знаки и символы (логотипы, гербы, шрифты, цвета и проч.);
- 4) утилитарные черты культуры (помещения, инвентарь, атрибуты, одежда и проч.);
- 5) наличие идеологии (пропаганда идей альтруизма, солидарности, консолидации и проч.) [1].

Рассматривая институт волонтерства, можно назвать его уникальным инструментом консолидации, с помощью которого возможно решить проблемы кризисного состояния общества, разработать пути предотвращения разобщенности и возникающих социальных конфликтов, объединить общество единым смыслом добровольной помощи нуждающимся во всем мире. Необходимо изучать волонтерство как современную форму проявления общественной солидарности, а в ситуации всеобщей пандемии – как точку опоры глобального гуманизма.

Феномен общественной солидарности

Под общественной солидарностью мы понимаем единство убеждений и действий, взаимную помощь и поддержку, основанные на общности интересов и необходимости осуществления общих целей.

Изучению солидарности уделяли большое внимание ведущие социологи мира.

О. Конт рассматривал организацию человеческого общества, в котором существует консенсус, обеспечивающий равновесие, стабильность, согласованность между социальными системами. Консенсус в обществе обеспечивается благодаря «доминированию в нем социальных чувств и социальных идей определенного типа, а именно тех, что способствуют укреплению общественной солидарности». То есть общественную солидарность Конт рассматривал как определяющий фактор стабильности в обществе: в основе социального порядка, по его мнению, лежат социальные чувства (философские или моральные), объединяющие людей в обществе. Такими объединяющими чувствами являются альтруистические чувства. Э. Дюркгейм также обращает внимание на этот вопрос, отмечая, что везде, где есть общество, есть альтруизм, поскольку есть солидарность. Это высказывание подчеркивает различные акценты в осмыслении связи между этими двумя концептами в учениях двух социологов: по мнению Дюркгейма, альтруизм существует, поскольку есть солидарность, тогда как Конт утверждал, что солидарность возникает на основании чувств альтруизма [2].

Э. Дюркгейм выделял «механическую» и «органическую солидарность» в рамках своей теории развития обществ при разделении труда в обществе. Общества с механической солидарностью, как правило, малочисленны с высокой степенью религиозной приверженности, и люди в механическом обществе часто имеют одинаковые рабочие места и обязанности, что свидетельствует о низком разделении труда. Другими словами, это не очень сложное общество, а скорее общество, основанное на общих чувствах и ответственности. С другой стороны, общества, характеризующиеся органической солидарностью, являются более светскими и индивидуалистическими в силу специализации задач. Проще говоря, органическая солидарность более сложна с более высоким разделением труда. Дюркгейм утверждал, что общества, характеризующиеся органической солидарностью, порождают социальную солидарность не через одинаковость, а через взаимозависимость [3].

Изучению солидарности уделяется внимание также в работах Т. Парсонса. Он рассматривал социальную солидарность двояко. С одной стороны, по Парсонсу, солидарность является динамическим явлением, т. е. солидарность становится важнейшим условием стабильности и самовоспроизводства в обществе, с другой стороны – солидарность как феномен объективного характера, который действительно есть в реальности. Солидарность в динамике представляет собой развитие и воспроизводство в обществе, при этом наличие солидарности является необходимым условием существования общества [4].

У А. Шюца солидарность получает две формы выражения: статическую и динамическую. В рамках статики солидарность выступает в качестве готовых форм социального существования, или сформированных групп и институтов. В рамках динамики – как стремление индивида быть в одной из существующих групп. Солидарность в такой трактовке оказывается изначально существующей в обществе на основании потребности быть включенным в группу [5].

Ведущий социолог современности Д. Александер в книге «Гражданская сфера» отмечает, что «справедливость зависит от солидарности, от чувства сопричастности между людьми, осознания себя частью чего-то большего, чем сам человек. Это накладывает на людей определенные обязанности и позволяет им разделять убеждения и чувства, которые дают людям возможность значимого участия и уважения к индивидуальности каждого» [6].

Репрезентация волонтерской акции #МыВместе в российской прессе

В качестве социологического метода изучения проявления солидарности в рамках работы волонтерской акции #МыВместе мы используем индуктивный контент-анализ, предполагающий открытое кодирование информационных источников в популярной российской прессе.

Контент-анализ – это метод анализа письменных, вербальных или визуальных сообщений. Впервые он был использован в качестве метода анализа гимнов, газетных и журнальных статей, рекламных объявлений и политических выступлений в XIX веке. Сегодня контент-анализ имеет долгую историю использования в коммуникациях, журналистике, социологии, психологии и бизнесе, и в течение последних нескольких десятилетий его использование демонстрирует устойчивый рост. Контент-анализ позволяет исследователю проверить теоретические вопросы для улучшения понимания полученных данных. С помощью контент-анализа можно разделить слова на меньшее количество категорий, связанных с содержанием. Контент-анализ – это метод исследования, позволяющий сделать точные и обоснованные выводы из данных в их контексте с целью представления знаний, новых идей, представления фактов и практического руководства к действию. [7]

С помощью контент-анализа мы постараемся сравнить содержание нескольких текстов и проанализировать их с помощью количественной методики (часто встречающихся понятий, разбитых на категории). Также мы выявим те аспекты содержания текста, которые трудно обнаружить на поверхности. Индуктивный контент-анализ поможет документально, с помощью объективных, количественных индикаторов показать, являются ли наши гипотезы, основанные на неструктурированном социальном контенте и несистематическом наблюдении, верными.

Информационной базой для контент-анализа стали статьи в следующих изданиях:

– портал «TopNews», страница с заголовком «Соцсети: в Москве мошенники в масках под видом волонтеров грабят квартиры доверчивых стариков» от 30 марта 2020 года;

– портал «Яндекс. Дзен», страница с заголовком «О том, как мошенники под видом волонтеров пытались обмануть мою бабушку» от 20 апреля 2020 года;

– газета «Комсомольская правда», статья с заголовком «Колл-центр «Мы вместе» принял за один месяц 1,5 миллиона звонков» от 21 апреля 2020 года;

– новостной портал «ТАСС», страница с заголовком «Время быть лучше: как волонтеры помогают нам пережить пандемию» от 27 апреля 2020 года;

– деловая газета «Взгляд», статья с заголовком «Молодежка ОНФ» подвела промежуточные итоги участия в проекте «Мы вместе» от 21 мая 2020 года;

– официальный сайт Санкт-Петербургского государственного университета, страница с заголовком «Студенты Университета стали сказочниками во время самоизоляции» от 21 мая 2020 года;

– сайт «Волонтеры – медики», страница с заголовком «СМИ о нас: журналисты RT узнали, как волонтеры помогают врачам в борьбе с коронавирусом» от 27 мая 2020 года;

– сайт 1 канала, сюжет с заголовком «Почти три с половиной миллиона человек получили помощь во время пандемии от волонтеров Всероссийской акции «Мы вместе» от 27 августа 2020 года;

– сайт «РИА НОВОСТИ» с заголовком «В Москве наградили участников и организаторов акции #МыВместе» от 28 августа 2020 года.

Эта выборка объясняется открытостью источников и ориентированностью их на тематику поддержки граждан РФ в период самоизоляции.

Проблема неструктурированности информационного контента решалась применением слов-маркеров, фиксирующих социальные факты и отношение общественности к исследуемой проблеме [8].

В фокусе индуктивного контент-анализа оказались описания газетного дискурса по самым популярным запросам в глобальной сети: самоизоляция, волонтерство, пандемия, коронавирус, #МыВместе, всероссийская акция. Перечисленные слова-маркеры встречались в каждом издании, акцент делался либо на перечислении тематических проектов в рамках акции, либо на цифрах, демонстрирующих результаты работы волонтеров по всей стране, либо на особенностях работы волонтеров в период пандемии. Наиболее часто встречающиеся понятия мы объединили в следующие категории: «заявка», «волонтеры», «помощь», «итоги». Согласно выделенным категориям, информация в каждой статье проходит следующий цикл: от необходимости помощи до анализа результатов. Стоит отметить, что российская пресса с марта по август 2020 года очень активно информировала граждан о волонтерской деятельности, но большинство источников дублировали друг друга, проходя ранее прописанный цикл. Выбранные СМИ наиболее подробно сфокусированы на исследуемой проблеме, кроме того, анализируемые сайты пользуются доверием среди населения РФ.

Таким образом, проведенный контент-анализ с применением слов-маркеров и кодировки понятий свидетельствует о высокой степени внимания к проблеме пандемии, указывает на различные радиусы ее освещения и делает акцент на всесторонней помощи волонтеров в борьбе с распространением коронавирусной инфекции в стране и как следствие – развитию общественной солидарности.

Всероссийская волонтерская акция #МыВместе как пример общественной солидарности

Рассмотрим форму проявления общественной солидарности института волонтерства на примере Всероссийской акции #МыВместе посредством анализа данных, полученных из открытых информационных источников, а также применения метода автоэтнографии.

Акция #МыВместе создана в марте 2020 года для помощи пожилым и маломобильным людям в доставке продуктов, товаров первой необходимости и лекарств, оплате ЖКУ в период самоизоляции при распространении коронавирусной инфекции.

Среди направлений помощи осуществляется психологическая, юридическая, медицинская помощь, помощь бизнесу. Волонтерам предлагается, кроме основных задач проекта, пожертвовать деньги, подарить маску, купить продуктовый набор,

стать донором, накормить животных, организовать помощь и содействие по переоборудованию клиник под прием коронавирусных больных в Москве и регионах.

В рамках акции существует несколько проектов, в которых участвуют разные регионы России:

– «Тележка добра». Его участниками являются более 80 регионов. Специальные тележки установлены в 1,5 тыс. магазинов. Там жители оставляют продукты, которые потом волонтеры штабов «Мы вместе» доставляют людям. Всего с начала акции (9 апреля) было собрано более 47 тонн продуктов для 9 тыс. семей. В продуктовые наборы входят продукты длительного хранения.

– «Довези врача». Проект стартовал 30 марта, когда в ряде регионов страны ограничили работу общественного транспорта. На сегодня акция работает в 32 регионах страны, а парк составляет 1089 автомобилей. Ежедневно волонтеры и добровольцы возят медицинских работников из дома на работу и обратно. Уже выполнено более 4,8 тыс. рейсов. В общей сложности более 1,5 тыс. медицинских работников воспользовались такой помощью [9].

– Колл-центр «Мы вместе» за первый месяц обработал более 1,5 млн. звонков, зарегистрировано свыше 185 тыс. заявок, более 120 тыс. человек получили помощь по всей России. По состоянию на 19 мая 2020 года количество принятых звонков превысило 2,6 миллиона, зарегистрировано свыше 710 тысяч обращений [10].

– «Волонтеры-медики», ежедневно приходят в российские больницы, чтобы помогать врачам бороться с эпидемией. Активисты осматривают пациентов, ставят капельницы и уколы, проводят необходимые анализы в лаборатории, помогают медикам в уходе за пациентами, разгружают медикаменты, убирают помещения. По состоянию на 27 мая 2020 года, в России более 6 тыс. волонтеров-медиков помогают врачам в 199 медучреждениях [11].

Примечательно, что все больше в ряды волонтеров записываются люди 26-40 лет, среди координаторов проекта это называется «феномен времен коронавируса». Раньше у работающих граждан не было свободного времени для волонтерства, но с переходом на удаленную работу такое время появилось. Также одной из причин повышения активности взрослого населения называют страх оказаться в будущем в подобной ситуации. «Хочется, чтобы нашлись люди, которым будет небезразлично, есть ли у меня лекарства и еда», – комментируют волонтеры [12].

Волонтерский центр Санкт-Петербургского государственного университета также включен в акцию #МыВместе. Специфика работы волонтеров СПбГУ заключается в том, что они работают только с пожилыми сотрудниками и преподавателями университета. Реализуется модель «универсанты – универсантам». За 2 месяца работы о деятельности Центра проинформировано около 4000 человек, контакты которых давали директора институтов и деканы факультетов, более 80 волонтеров включены в работу, около 100 заявок успешно отработано. Примечательно, что пожилые преподаватели регулярно приглашают в гости волонтеров после спада пандемии с целью познакомиться, пообщаться, поделиться опытом и даже помочь с научно-исследовательскими работами. Таким образом, можно говорить о выполнении еще одной задачи – сохранении исторической памяти, преемственности поколений, поддержке пожилых научно-педагогических работников, окончивших свою профессиональную деятельность.

Также с 27 марта волонтеры СПбГУ активно включены в работу по консультированию сотрудников и обучающихся Университета по использованию интернет-технологий в образовательной сфере и в быту. По телефону горячей линии ребята

помогают освоить онлайн-платформы для дистанционного обучения, а также решить различные бытовые вопросы, не выходя из дома: оплата услуг, заказ продуктов и лекарств, получение / отправка посылки или письма. В работе колл-центра задействовано 8 волонтеров, за 2 месяца отработано более 100 заявок.

Помимо этой деятельности, универсанты СПбГУ стали сказочниками во время самоизоляции. Волонтерами всероссийской акции «В сказку – из дома» стали более тридцати обучающихся СПбГУ. Целый месяц они принимали звонки от ребят в возрасте от двух лет и читали им сказки народов России и мира.

Федеральный проект «В сказку – из дома», созданный при поддержке Министерства культуры РФ, «МТС» и Российского движения школьников, стартовал в апреле. В акции участвовали более 350 волонтеров – студентов СПбГУ, МГУ, РУДН и других крупных вузов России.

Волонтеры получили список произведений из коллекций Национальной электронной детской библиотеки и «Детского радио». Они должны были изучить весь каталог и выбрать понравившиеся сказки для разных возрастов.

Когда поступал звонок на специальную горячую линию для детей и подростков, сказочники предлагали собеседнику несколько произведений на выбор. Среди них были, например, «Поросенок в колючей шубке», «Мойдодыр», «Муми-тролли», «Мэри Поппинс», «Гуси-лебеди», «Дочь болотного царя», «Волшебная лампа Аладина», «Звездный мальчик», «Три апельсина», «Кошка, которая гуляла сама по себе».

Зачастую дети просили прочесть их любимые сказки, в числе которых оказались волшебные истории про животных и путешествия. Чтецы избегали грустных или страшных произведений, всегда подбирая сюжеты со счастливым концом. «Мы обращали внимание на концовки сказок, потому что читать историю с грустным финалом было очень неприятно. В детстве как-то не обращаешь внимания на смерть Колобка, но, когда перечитываешь это в зрелом возрасте, воспринимаешь сказку совсем по-другому», – привела пример студентка журфака СПбГУ Алина Бородкина. А с 7 по 11 мая детям старше восьми лет по желанию самих слушателей могли прочесть истории о войне.

По признанию участниц проекта, за месяц каждая из них приняла по несколько десятков звонков. Случалось, что за сутки могло поступить и более 15 заявок [13].

Ассоциация выпускников СПбГУ запустила сбор в поддержку медиков Петербурга #вместослов. Известно, что в больницах города трудятся тысячи врачей и волонтеров, которые ограждают нас от опасности и лечат тех, кто уже столкнулся с вирусом. Во многих медицинских учреждениях работают выпускники Университета, к ним присоединились студенты старших курсов, которые на добровольной основе помогают врачам совершать ежедневные подвиги. Более 70 универсантов сейчас трудятся в Больнице Святого Георгия, именно с нее будет начата адресная помощь медучреждениям Санкт-Петербурга.

В условиях масштабной нагрузки на медицину сотрудникам зачастую не хватает базовых вещей, которые можно купить в строительном, хозяйственном или продуктовом магазине. Ассоциация стала связующим звеном между компаниями, частными лицами и больницами. Собран конкретный список потребностей больниц, есть связь с представителями учреждений, распределены ресурсы, организована доставка и готовятся отчеты по всем направлениям работы.

Ассоциация выпускников СПбГУ реализует следующие варианты помощи:
– сделать пожертвование на странице проекта «Нужна помощь»,

- репостнуть, рассказать друзьям, отправить в дружественные сообщества информацию о сборе,
- связаться с сотрудниками Ассоциации, если представляете бизнес-сообщество и готовы стать партнером проекта [14].

Эти примеры ярко демонстрируют проявление общественной солидарности в борьбе с пандемией, находящей свое выражение в добровольном объединении лиц, связанных общим интересом организации и координации деятельности по предоставлению помощи своим согражданам, ведь в текущей ситуации никто не застрахован от заражения новой коронавирусной инфекцией, и вполне допустимо, что завтра помощь может потребоваться самому волонтеру.

Но не стоит забывать и о проблемных сторонах волонтерской деятельности в период пандемии.

В рамках работы по покупке и доставке продуктов пожилым людям активизировались недобросовестные граждане, выдающие себя за волонтеров, осуществляющие ограбление стариков.

К пенсионерам приходят «работники собеса» с продуктовыми наборами в масках и перчатках, благодаря которым их лица невозможно распознать по камерам наблюдения и «откатать пальчики» также не получится. Один из «работников» просит стариков заполнить анкету под диктовку, делая это специально медленно. В это время напарники ищут в квартире деньги [15]. Кроме того, мошенники под видом волонтеров приходят к пенсионерам для покупки продуктов, ссылаясь на родственников, которые их вызвали в помощь своим бабушкам и дедушкам. И выманивают деньги у доверчивых стариков, якобы на продукты, после чего пропадают [16]. Такие прецеденты в период изоляции происходят неоднократно.

Во избежание подобных историй руководители акции #МыВместе разработали алгоритм вступления в ряды волонтеров, который каждый желающий должен соблюдать:

1. Прохождение онлайн-обучения на сайте <https://добро.рф/> (по итогам успешного прохождения обучения выдается сертификат в электронном виде).
2. Регистрация в качестве волонтера на интернет-платформе <https://мывместе2020.рф/> (по результатам выдается согласование или отказ в осуществлении волонтерской деятельности во время пандемии коронавируса).
3. Личное посещение региональных волонтерских штабов проекта по оказанию помощи пожилым гражданам, находящимся на самоизоляции, с паспортом и другими документами, подтверждающими возможность осуществления волонтерской деятельности (пункты 1 и 2).

По завершении процедуры вхождения в ряды волонтеров каждому волонтеру выдаются индивидуальные средства защиты от инфекционных заболеваний, бейдж установленного образца.

Такая процедура необходима для ликвидации спорных ситуаций и выявления действительного желания человека стать волонтером и помогать людям, нуждающимся в дополнительной помощи.

Именно получение бейджа установленного образца свидетельствует, что Вы являетесь квалифицированным волонтером и не занимаетесь самодеятельностью. Информация об обязательном наличии указанного бейджа у каждого волонтера транслируется по всем каналам СМИ, а также проинформированы правоохранительные органы на территории региона.

Но даже при наличии отрицательных сторон акция #МыВместе ярко демонстрирует общественную солидарность и социальную ответственность граждан. Сотни тысяч людей по всей стране объединились в это сложное время, чтобы помочь нуждающимся, не получая при этом никакой материальной выгоды, рискуя собственным здоровьем и затрачивая свое свободное время. Безусловно, у проекта есть продолжение, эпидемиологическая ситуация изменится, а позитивный опыт у общества останется. Именно подобные поступки и формируют гражданскую позицию, проявляют истинный патриотизм и укрепляют национальные связи.

Во всех регионах страны волонтеры оказывают помощь своим соседям. Волонтер выполняет заявки от жителей своего подъезда, дома или ближайших домов, а также по собственной инициативе может сообщить соседям о готовности оказывать помощь без осуществления звонков на «горячую линию» в оперативном режиме. Развитие соседского волонтерства еще раз подтверждает гипотезу о консолидации общества через волонтерскую деятельность.

По состоянию на конец августа 2020 года, почти 3,5 миллиона граждан получили помощь во время пандемии от волонтеров Всероссийской акции #МыВместе, всего в акции приняли участие более 20 тысяч волонтеров и организаций-партнеров акции [17].

27 августа состоялось торжественное вручение памятных медалей «За бескорыстный вклад в организацию общероссийской акции взаимопомощи #МыВместе» и благодарственных писем Президента России. Награды получили более 200 руководителей региональных штабов акции, региональных комитетов по делам молодежи, организаторов проекта и партнеров из числа социально активного бизнеса, представителей некоммерческих организаций и СМИ. Самому юному волонтеру проекта – десятилетней Василине Воробьевой из Тульской области, которая во время пандемии рассказывала детям сказки по телефону, также вручили памятную награду [18].

Подводя итоги, хочется отметить основные функции волонтерской деятельности как формы проявления общественной солидарности в период пандемии:

- интегративная – способствует сплочению индивидов, социальных групп, этносов с целью преодоления общей проблемы;
- социально-политическая – способствует стабилизации общества в кризисный период;
- регулятивная – помогает формированию общественных отношений, проявлению эмпатии и соучастия;
- культурно-духовная – позволяет сохранять и развивать культурно-духовные традиции общества;
- информационная – благоприятствует информационному развитию общества в условиях пандемии.

Таким образом, общественная солидарность является не только социологической характеристикой, но и моральным показателем. Это состояние общества, которое демонстрирует чувства близости, братства между входящими в общество индивидами, сопричастности общему делу и единой истории. В солидарном обществе люди находят реальную поддержку, понимание, сочувствие и справедливость. Как сказал в интервью первый заместитель руководителя администрации президента РФ Сергей Кириенко: «Работа в рамках акции #МыВместе для огромного количества людей, помимо материальной помощи, дала гораздо больше – она укрепила веру в человечность и добро. Это крайне важно для всех нас, ведь именно благодаря

акции, работе волонтеров и вкладу всех неравнодушных людей Россия одержала морально-нравственную победу. Мы показали, что в сложной ситуации мы объединяемся, помогаем друг другу и тому, кто в этом нуждается» [18].

Выводы

Волонтерская акция #МыВместе ярко демонстрирует проявление общественной солидарности в борьбе с пандемией, вместе с тем подтверждая наше убеждение о волонтерстве как современной форме ее проявления, способной объединить людей вокруг общих задач, – максимально обезопасить особо уязвимые категории граждан, поддержать нуждающихся, помочь тем, чья работа не позволяет находиться в самоизоляции. Таким образом, проявление солидарности в волонтерской деятельности носит общечеловеческий характер, существующий на уровне инстинктов, – помогать тем, кто нуждается, действуя как «закон всеобщей помощи». Общественная солидарность в решении глобальных задач – необходимое условие для существования человечества, обеспечивающее всеобщее благополучие посредством взаимоподдержки и распределения социальной ответственности. Солидарность – базовая социальная сила, создающая внутренние и внешние социальные структуры и одновременно предлагающая средства для становления и развития гражданского общества, ведь только внутри мира гражданских ценностей и институтов общество может выработать способность к социальной стабильности и демократической интеграции.

Ссылки / References

1. Зборовский Г. Е. *Общая социология*. Екатеринбург, 2003. 720 с.
2. Урсуленко К. Социальная солидарность: развитие понятия в истории социологии и современные интерпретации // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2009. № 1. С. 138–157.
3. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*: [Пер. с фр.]. М.: Наука, 1991. 572 с.
4. Парсонс Т. *Система современных обществ* / Под ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
5. Шюц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии* / Сост. А. Я. Алхасов; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлужановой; научн. ред. перевода Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
6. Alexander J. C. *The Civil Sphere*. Oxford University Press, 2006. 815 p.
7. Elo S. & Kynga S. H. *The qualitative content analysis process* // *Journal of Advanced Nursing*. 2008. № 62 (1). P. 107–115.
8. Способы структурирования информации контента сайтов социальных сетей в социологическом анализе / А. В. Мальцева, О. В. Махныткина, И. И. Темный, Н. Е. Шилкина, М. В. Титова // *Современные социальные технологии работы с молодежью в интернет-коммуникациях. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. В 2-х частях* / Ответственный редактор Р. Б. Шайхисламов. Уфа, 2018. С. 275–281.

9. «Молодежка ОНФ» подвела промежуточные итоги участия в проекте «Мы вместе» // Деловая газета «Взгляд». 21.05.2020.
URL: <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/news/2020/5/21/1040661.html> (дата обращения: 21.05.2020).
10. Колл-центр «Мы вместе» принял за один месяц 1,5 миллиона звонков // Комсомольская правда. 21.04.2020. URL: <https://www.spb.kp.ru/daily/27120/4202703/> (дата обращения: 21.05.2020).
11. СМИ о нас: журналисты RT узнали, как волонтеры помогают врачам в борьбе с коронавирусом // Волонтеры-медики. 27.05.2020 сайт. URL: <https://xn---ctbhcbtapdmikb4a2a0m.xn--p1ai/news/smi-o-nas-zhurnalistyi-rt-uznali-kak-volonteryi-pomogayut-vracham-v-borbe-s-koronavirusom/> (дата обращения: 27.05.2020).
12. Время быть лучше: как волонтеры помогают нам пережить пандемию // ТАСС. 27.04.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8341337> (дата обращения: 21.05.2020).
13. Студенты Университета стали сказочниками во время самоизоляции // СПбГУ. 21.05.2020. URL: <https://spbu.ru/news-events/novosti/studenty-universiteta-stali-skazochnikami-vo-vremya-samoizolyacii> (дата обращения: 23.05.2020).
14. Ассоциация выпускников СПбГУ: Помощь медикам Санкт-Петербурга #вместослов // Пользуясь случаем. 20.05.2020. URL: <https://sluchaem.ru/event/5116> (дата обращения: 23.05.2020).
15. Соцсети: в Москве мошенники в масках под видом волонтеров грабят квартиры доверчивых стариков // TOPNEWS. 30.03.2020. URL: http://www.topnews.ru/news_id_142084.html (дата обращения: 24.05.2020).
16. О том, как мошенники под видом волонтеров пытались обмануть мою бабушку // Яндекс.Дзен. 20.04.2020. URL: <https://zen.yandex.ru/media/dengatilov/o-tom-kak-moshenniki-pod-vidom-volonterov-pytalis-obmanut-moiu-babushku-5e9cf488924f044a8de4a8b5> (дата обращения: 24.05.2020).
17. Почти три с половиной миллиона человек получили помощь во время пандемии от волонтеров Всероссийской акции «Мы вместе» // Первый канал. 27.08.2020. URL: <https://www.1tv.ru/news/2020-08-27/392237>
[pochti_tri_s_polovinoj_milliona_chelovek_poluchili_pomosch_vo_vremya_pandemii_ot_volonterov_vserossiyskoy_aktcii_my_vmeste](https://www.1tv.ru/news/2020-08-27/392237) (дата обращения: 01.09.2020).
18. В Москве наградили участников и организаторов акции #МыВместе // РИА Новости. 28.08.2020. URL: <https://ria.ru/20200828/myvmeste-1576443819.html> (дата обращения: 01.09.2020).

Elements of nonsense in the modern English fairy-tale (based on “The BFG, the Big Friendly Giant” by Roald Dahl)

E. Y. Koltysheva¹, E. V. Novik¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-380-387

Research Article
Full text in Russian

In the paper the definition of the fairy-tale is given and the features of the English fairy-tale are discussed. Being a game in the first place nonsense is considered to be the hallmark of the English fairy-tale. Nonsense may be considered both as a genre and as a literary device. The study is based on “The BFG”, an example of the English fairy-tale, written by the famous English writer Roald Dahl, who is known for using nonsense a lot in his works. The results of the literary and linguistic (on phonological, morphological, lexical, syntactic, semantic and graphic levels) analysis of “The BFG” are presented in the article. The authors come to the conclusion that the fairy-tale by Roald Dahl cannot be considered an example of “pure nonsense” despite some features of the genre. It is found out that nonsense as a literary device in the fairy-tale is based on the principles of the language game on all language levels. The fact that the book is written for children is reflected in the language of “The BFG”. The main character’s speech reminds of children’s speech which is characterised by the language game.

Keywords: literary fairy-tale; English literary fairy-tale; Roald Dahl; “The BFG, the Big Friendly Giant”; nonsense; genre; literary device; language game

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Koltysheva, Elena Yu.	E-mail: ekoltyshev@mail.ru Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
Novik, Evgenia V.	E-mail: eugenianov@yandex.ru

For citation: Koltysheva E. Y., Novik E. V. Elements of nonsense in the modern English fairy-tale (based on “The BFG, the Big Friendly Giant” by Roald Dahl) // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 4. P. 380-387. (in Russ.)

Элементы нонсенса в современной английской литературной сказке (на примере сказки Роальда Даля «БДВ, или Большой и Добрый Великан»)

Е. Ю. Колтышева¹, Е. В. Новик¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-380-387
УДК 821.111:81`38

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье даётся определение литературной сказки, приводятся особенности английской литературной сказки, рассматривается понятие нонсенса. Нонсенс, представляющий собой прежде всего игру, считается чертой, отличающей английскую литературную сказку. Нонсенс может рассматриваться как жанр и как языковой приём. В качестве примера для анализа используется популярное произведение «БДВ, или Большой и Добрый Великан», являющееся примером современной литературной сказки, известного английского писателя-сказочника Роальда Даля, в творчестве которого часто встречается нонсенс. В статье приводятся результаты комплексного литературоведческого и лингвистического, проведённого на фонологическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, семантическом и графическом уровнях языка, анализа текста сказки «БДВ, или Большой и Добрый Великан». Авторы статьи приходят к выводу, что рассматриваемое произведение Р. Даля не является примером «чистого нонсенса», в сказке присутствуют только некоторые черты этого жанра. В ходе анализа определяется, что как приём нонсенс в произведении строится на приёмах языковой игры на всех уровнях языка. Язык сказки – речь главного героя напоминает детскую речь, для которой характерна языковая игра – свидетельствует о направленности произведения Роальда Даля на детскую аудиторию.

Ключевые слова: литературная сказка; английская литературная сказка; Роальд Даль; «БДВ, или Большой и Добрый Великан»; нонсенс; жанр; языковой приём; языковая игра

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колтышева, Елена Юрьевна	E-mail: ekoltyshev@mail.ru Кандидат филологических наук, доцент
Новик, Евгения Владимировна	Email: eugenianov@yandex.ru

Для цитирования: Колтышева Е. Ю., Новик Е. В. Элементы нонсенса в современной английской литературной сказке (на примере сказки Роальда Даля «БДВ, или Большой и Добрый Великан») // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 4. С. 380-387.

Для многих путешествие в мир литературы начинается со сказки. Этот жанр имеет долгую историю; с течением времени он изменялся, приобретал новые черты. Так, со временем появилась литературная сказка. Писатели и по сей день обращаются к этому жанру, поскольку сказка не ограничивает, в ней есть простор для воображения. В сказке можно всё перевернуть с ног на голову, другими словами, в ней может царить нонсенс, элементы которого содержат в себе и сказки британского писателя-сказочника, любимого автора как детей, так и взрослых, Роальда Даля. Особенно яркое использование нонсенса наблюдается в его сказке про большого и доброго великана «БДВ».

Нонсенс – уникальная черта, присущая английской сказке. Многие учёные проявляют большой интерес к изучению английской литературной сказки и нонсенса. Их работы посвящены:

- истории и особенностям жанра английской литературной сказки (М. А. Аксютченко, А. П. Лаврентьева, Н. Н. Мамаева);
- лингвостилистическому анализу текстов современной английской сказки (А. О. Тананыхина);
- анализу нонсенса как литературного жанра (С. З. Иткулов, Н. С. Лейтес, Н. В. Соболева);
- специфике нонсенса в детской литературе (Н. М. Демурова, И. Н. Ширяева);
- языковой игре, которую представляет собой нонсенс как литературный приём (О. Ю. Коновалова, И. Н. Ширяева).

Анализ элементов нонсенса в сказке «БДВ» позволяет определить, насколько нонсенс присущ данному произведению.

Новизна исследования заключается в комплексном анализе элементов нонсенса в пользующейся на сегодняшний день большой популярностью современной сказке Роальда Даля «БДВ».

Основной целью работы является анализ выбранного произведения и выявление в нём элементов нонсенса как жанра и как приёма.

В ходе исследования были использованы методы системно-структурного подхода, литературоведческого анализа текста, структурно-лингвистического анализа, позволяющие выявить элементы нонсенса в сказке Роальда Даля «БДВ».

Согласно Л. Ю. Брауде, литературной сказкой является «авторское художественное прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо сугубо оригинальное; произведение преимущественно фантастическое, волшебное, рисующее чудесные приключения сказочных героев и в некоторых случаях ориентированное на детей; произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, служит основной отправной точкой характеристики персонажей» [1, с. 234].

Литературные сказки каждого народа имеют, в свою очередь, собственные особенности. Вслед за А. П. Лаврентьевой, М. А. Аксютченко и Н. Н. Мамаевой можно выделить следующие черты, присущие английской литературной сказке:

- единство стиля;
- в основе лежат миф и эпос;
- главный герой произведения – ребёнок;
- противопоставление двух миров: детского и взрослого;
- наличие героя, совмещающего черты ребёнка и взрослого, помогающего главному герою исследовать «взрослый мир»;
- обращение как к детям, так и взрослым, многослойность произведения;

- чувство слова, владение языком и его всевозможные трансформации [2, с. 196–199];

- обращение к уже созданным ранее сказочным мирам [3, с. 97].

Ещё одной уникальной, по мнению большинства исследователей, присущей исключительно английской литературе, в том числе и сказке, чертой является нонсенс. Его появлением английская литература обязана Льюису Кэрроллу и Эдварду Лиру. Нонсенс можно рассматривать с двух позиций: как жанр и как приём [4].

И. Н. Ширяева выделяет следующие общие черты литературного нонсенса как жанра:

- сочетание хаоса и порядка; того, что невозможно в одной ситуации и контексте;

- организующее начало, позволяющее структурировать смысловое наполнение текста (деление на главы, визуальное деление (отступы в тексте), отдельные образы и мотивы. Очень часто организующее начало – игра, которая помогает авторам поместить абсурд, с первого взгляда бессмыслицу, в реальные, традиционные условия, знакомые читателю);

- баланс между значением и его отсутствием (когда за одним смысловым нарушением открываются или создаются новые смыслы; привычный ход мыслей нарушается, но создаётся новая философия, пусть и противоречащая здравому смыслу, но обладающая собственной логикой и стройностью);

- отсутствие чувства опасности (поскольку всё есть игра и, соответственно, нечего бояться);

- богатая стилистика, обилие приёмов языковой игры;

- две модели – норма и её оппозиция, то есть двоемирие;

- интертекстуальность [5, с. 57–60].

Один из авторов, в творчестве которого часто встречается нонсенс как жанр и как приём, – Роальд Даль – английский писатель норвежского происхождения, любимый сказочник и детей, и взрослых.

Безусловно, Роальд Даль оказал огромное влияние на детскую литературу. Но что же делает английского сказочника одним из самых популярных среди детей авторов? Писатель сам раскрывает составляющие, необходимые хорошему писателю для детей:

«He must like simple tricks and jokes and riddles and other childish things. He must be unconventional and inventive. He must have a really first-class plot. He must know what enthralls children and what bores them... They love suspense. They love action... They love chocolates and toys and money... They love being made to giggle. They love seeing the villain meet a grisly death. They love a hero and they love the hero to be a winner. But they hate descriptive passages and flowery prose... Many of them are sensitive to good writing and can spot a clumsy sentence» [6, с. 2].

То есть для того, чтобы быть «правильным» детским автором, писателю самому нужно быть ребёнком, думать, как ребёнок, быть с детьми на одной волне.

Произведения Р. Даля для детей – это особые миры, в которых писатель разговаривает с детьми на понятном им языке (с использованием каламбуров, окказионализмов, различных нарушений правил и т. д.), в которых есть место для игры, для бессмыслицы, для нонсенса. В то же время в его произведениях нашли отражение многие события из его нелёгкой жизни.

Писатели критикуют за его не всегда лестное изображение отношений в семье, правосудия, мести и многого другого. Мир взрослых очень часто представляется

в произведениях Роальда Даля жестокий, в нём царит несправедливость, от которой дети пытаются сбежать. Именно поэтому многие взрослые ставят под вопрос пригодность книг Даля для детей.

Однако произведения Даля должны рассматриваться как поучительные истории, где, конечно, есть место и жестокости, но при этом читающий должен знать, что эта история – лишь фантазия, выдумка, которая должна восприниматься с определённой «отчуждённостью», что детям, как никому другому, удаётся лучше всех.

Особый язык, безусловно, является отличительной чертой Роальда Даля. Писатель учит детей не только любить читать, но и наслаждаться языком и не бояться играть с ним. Как говорит БДВ в одноимённой сказке, автор постоянно *'gobblefunks'* с языком [7, с. 78].

Дэвид Радд делит характерные черты стиля автора на 5 групп:

- фонологические (аллитерация, ассонанс);
- лексические (окказионализмы, изменение идиом, спунеризмы);
- синтаксические (спряжение глаголов (только в «БДВ»));
- семантические (игра слов, сравнение, *adnominatio*);
- графические (комбинирование заглавных и строчных букв, разные шрифты, курсив, жирный шрифт, нарушение целостности текста).

Кроме того, Радд отмечает, что *'narrative voice'*, то есть голос автора, читатель слышит почти во всех произведениях сказочника – речь многих героев из разных книг похожа – в этом и прослеживается автор. Иногда Роальд Даль сам появляется в произведении в роли повествователя. Он может дать совет читателям, спросить его мнение или же попросить его посмотреть на картинку, что создаёт эффект того, что всё происходит здесь и сейчас.

Также для Роальда Даля характерно использование гиперболы, ономастопеических слов, восклицаний, повторов [8, с. 56–60].

Одним из самых известных на сегодняшний день произведений английского сказочника Роальда Даля является «БДВ, или Большой и Добрый Великан». Это чудесная сказка о двух одиноких созданиях из разных миров, нашедших друг друга и ставших самыми близкими друзьями. Софи – сирота, родители которой умерли, когда она была совсем маленькой, и БДВ – одинокий великан-вегетарианец, у которого совсем нет друзей в его мире.

Литературный анализ произведения Роальда Дала показал, что эта сказка соответствует всем вышеперечисленным критериям английской литературной сказки:

- сказка написана в едином стиле;
- в основе лежит английская сказка *'Jack and the Beanstalk'*, «Джек и бобовый стебель»: герои сказки – великаны; в «БДВ» есть аллюзия на эту сказку (в кошмаре, приснившемся самому свирепому из великанов, ему явился тот самый Джек – покоритель великанов);
- главный герой произведения – ребёнок, девочка-сирота Софи;
- в сказке противопоставляется мир детей и взрослых, среди взрослых также существует деление на «хороших» взрослых – королева Великобритании – и «плохих» взрослых – миссис Клонкерс – владелица приюта, где жила Софи; такое же деление существует и в мире великанов: БДВ – добрый великан, все остальные – злые и жестокие;
- наличие героя, совмещающего черты взрослого и ребёнка, помогающего главному герою, – БДВ, открывающий тайны существования Софи;
- обращение и к детям, и ко взрослым;

- владение языком, его трансформации – обилие приёмов языковой игры, которые будут рассмотрены ниже;
- обращение к уже созданным ранее сказочным мирам – сказочный мир великанов.

В ходе настоящего исследования было выявлено, что сказка «БДВ» не является примером чистого литературного нонсенса. Ей присущи лишь некоторые черты **нонсенса** как литературного жанра, и они имеют свои особенности:

1. Визуальное деление – разделение книги на главы. Всего в сказке 24 главы, они не пронумерованы, но каждая имеет название. Например, «Journey to Dream Country», «The Palace», «Capture» и так далее.

2. В конце произведения мы узнаём о том, что автором всей книги является сам Большой и Добрый Великан, которого Софи научила читать и грамотно писать, то есть организующим началом в произведении является БДВ.

3. Сочетание реального и нереального в сказке выражается следующим образом: в жизни обычной английской девочки-сироты Софи внезапно, в «ведьмин час», появляется БДВ, который похищает и уносит её в свою страну. В самом начале Софи, конечно, была напугана и не могла поверить в произошедшее с ней, однако очень скоро она воспринимала мир великанов как само собой разумеющееся. То есть само существование великанов в книге естественно вписывается в реальный мир, в котором живут самые обычные люди. Нонсенс заключается ещё и в том, что великаны-людоеды каждую ночь съедают людей (которые, в свою очередь, разные на вкус) из разных стран и этого никто не замечает до тех пор, пока Софи, придумав хитроумный план, не обращается за помощью к королеве [9].

4. Отсутствие смысла и его одновременное наличие, например, выражается в том, что «люди из Панамы имеют очень сильный шляпный вкус» («Human beans from Panama is tasting very strong of hats» [9, с. 19]) – здесь одновременно смысл отсутствует (как люди могут быть шляпного вкуса? Почему люди разные на вкус?), но в то же время он присутствует (панاما – шляпа, следовательно, панамцы обладают шляпным вкусом).

5. Кроме того, сон также является важной составляющей сказки. Чтобы Королева поверила в существование великанов, Большой и Добрый Великан – ловец снов – и Софи приготовили нужный для неё сон. Идея о том, что можно ловить и смешивать сны, существование возможности приготовить абсолютно любой сон, в котором может произойти всё, что угодно (например, в одном из них мальчик написал книгу, которой зачитывались все: прохожие и водители за рулём так, что на дорогах было много аварий, стоматологи и пациенты во время приёма, футболисты на поле, спортсмены на Олимпиаде во время забега – всем было безразлично, что происходило вокруг, все были увлечены книгой) являются собой нонсенс [9, с. 100–101].

Так как **нонсенс** – это прежде всего игра, то и на уровне языка нонсенс также представляет собой игру, языковую игру – определённую необычность, неправильность, сознательно допускаемую автором. Нонсенс как языковой приём реализуется на фонологическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, семантическом и графическом уровнях языка.

В ходе анализа сказки «БДВ» нами были выявлены и проанализированы приёмы на всех вышеперечисленных уровнях языка:

1. На фонологическом уровне языка Роальд Даль чаще всего использует такой приём, как аллитерация (18 случаев использования), «Mucky little midget!», «Squaggy little squib!». «Именно этот приём привлекает внимание читателя к предложению,

позволяет ему более эмоционально (в зависимости от цели высказывания) и ритмично звучать [9, с. 67];

2. На морфологическом уровне наиболее часто писатель нарушает правила образования форм множественного числа (5 случаев использования): «From now on, we is keeping as still as winky little micies» [9, с. 73] (вместо правильной формы 'little mice'), т. к. такие же ошибки совершают дети, когда учатся говорить, а сказка написана в первую очередь для детей.

3. Языковая игра Роальда Даля на лексическом уровне характеризуется:

- обилием *окказионализмов* (303 окказионализма и 10 окказиональных антропонимов), 'clumpety-clumpety-clump' (фонетический окказионализм); 'thingalingaling' (лексический окказионализм 'thing' – 'an object that one need not, cannot, or does not wish to give a specific name to', '-ling' – суффикс); 'snozzcumber' (лексический и фонетический окказионализм, 'snozz' – не зафиксировано в словаре, 'cumber' – часть слова 'cucumber', фонетический и лексический, 'snozzcumber' – единственный овощ, растущий в стране Великанов, и вегетарианцу БДВ приходится питаться только им);

- изменением идиом, устойчивых выражений и пословиц (43 случая использования) 'all in one lump' ('all in one piece' – «благополучно, без ущерба» – замена одной из частей выражения другой, при этом сохраняется смысл выражения, 'lump' – «кусочек»); 'make teeth stand on end' ('make one's hair stand on end' – «волосы встали дыбом» – замена одного из элементов идиомы другим с искажением смысла, трудно представить зубы, вставшие дыбом, поэтому, не зная исходной идиомы, догадаться о значении оказывается не так просто); 'absolutely out of the window' ('absolutely out of the question' – «об этом не может быть и речи» – замена одного из элементов идиомы, 'window' – «окно», 'question' – «вопрос», но о значении выражения можно догадаться – «что-то, что не вписывается в определённые рамки») [9].

Эти приёмы также показывают направленность сказки на детей, поскольку именно им свойственен процесс словотворчества и других преобразований языковых единиц.

4. На синтаксическом уровне английский сказочник нарушает ряд правил с целью позабавить читателя и создать иллюзию детской речи, ощущение абсолютного хаоса, характерного для нонсенса. Чаще всего Роальд Даль нарушает правила спряжения глаголов (607 случаев): «I is hungry» [9, с. 17], «Some [human beans] is scrumdiddlyumptious and some is uckyslush» [9, с. 18]. А также писатель использует глаголы чувственного восприятия, умственного процесса, эмоционального состояния в Present Continuous (120 случаев): «... human beans is not really believing in giants, is they?» [9, с. 23], «Secrets that nobody is ever hearing before» [9, с. 32].

5. На семантическом уровне автор использует множество приёмов, которые не позволяют читателю скучать, постоянно заставляют его думать и быть внимательным во время чтения. Наиболее частыми приёмами на семантическом уровне, встречающимся в «БДВ», являются *игра слов*, а именно *каламбур* (21 случай): «Turks from Turkey is tasting of Turkey» [9, с. 18] – «турки на вкус, как индейка», игра слов основана на омонимии 'Turkey' – название страны – и 'turkey' – вид птицы;

«Human beans from Jersey is tasting of cardigans» [9, с. 20] – «люди с острова Джерси имеют шерстяной вкус», в этом случае игра слов основана на омонимии – 'Jersey' – Джерси, название острова в проливе Ла-Манш, в составе Островной Нормандии – и 'jersey' – джерси, трикотажное полотно из шерстяных, хлопчатобумажных и других нитей; и сравнение (6 случаев): 'dotty as a dogswoggler' [9, с. 50], 'quacky as a duckhound' [9, с. 58].

6. Даже на графическом уровне Роальд Даль использует множество различных приёмов, позволяющих привлечь внимание читателя: *аббревиация* ('the BFG'), *тюрлюпинада* ('you is a norphan', 'a sistanse'), использование разных шрифтов (7 случаев), а также выделение важных слов курсивом (58 случаев) [9].

Таким образом, основываясь на результатах исследования, можно сделать следующие выводы:

- Сказку Роальда Даля «БДВ» нельзя отнести к произведениям «чистого нонсенса», в ней есть лишь некоторые черты этого жанра (визуальное деление, наличие организующего начала, сочетание реального и нереального, одновременное отсутствие и наличие смысла, богатство языковых и стилистических приёмов), которых, однако, оказывается недостаточно для того, чтобы признать нонсенс жанром этой сказки.

- В «БДВ» нонсенс как приём строится на языковой игре на всех существующих уровнях языка: фонологическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом, семантическом и графическом.

- Помимо того, что «БДВ» – сказка, направленность на детскую аудиторию показывает язык, с которым без ограничений играет Роальд Даль. Главный герой сказки, БДВ, странно разговаривает, поскольку именно так разговаривают дети, к которым и обращается автор, именно язык, помимо сюжета, привлекает внимание детей.

Проведённое исследование предполагает дальнейшее изучение и анализ нонсенса как жанра и как приёма в произведениях Роальда Даля, а также в произведениях других английских авторов.

Ссылки / References

1. Брауде Л. Ю. К истории понятия «Литературная сказка» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36. № 3. С. 234.
2. Лаврентьева А. П., Аксютенко М. А. Становление английской литературной сказки // Молодой ученый. 2015. № 22.1. С. 196–199.
3. Мамаева Н. Н. «Светлее алмазов горят в небе звезды»: (Английская литературная сказка как явление) // Известия Уральского государственного университета. 2000. № 15. С. 96-106.
4. Чарская-Бойко В. Ю. Нонсенс – искусство викторианской Англии, 2011. URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/charskaya-bojko-nonsens.htm> (дата обращения: 03.03.2020).
5. Ширяева И. Н. Специфика литературной нонсенс-сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. Вып. 8 (74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 56–60.
6. Dahl R. Writing children's books: An author of classics reflects on what it takes to succeed in this genre: giving young, readers what they want. Writer (Kalmbach Publishing Co.). Sep. 2009. Vol. 122. Issue 9. P. 2.
7. Srničková V. Translating Nonsense in Roald Dahl's Children's Books. 2014. 105 p.
8. Rudd D. Don't gobbelfunk around with words: Roald Dahl and Language. Macmillan, 2012. 224 p.
9. Dahl R. The BFG / Illustrations – Q. Blake. L.: Puffin Books, 2016. 214 p.

Advertising insert as a special genre of advertising text

S. N. Prokhorova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-388-397

Research Article
Full text in Russian

The article deals with the translation of feminine film titles on the example of English filmonyms of the last decade. The article is aimed at the study of the filmonyms' translation in the Russian film discourse, which leaves its specific imprint on the translator's decisions. The paper treats the translation of feminine-marked filmonyms as a topical problem of the linguistics of gender and the theory of translation – the study of the means of translation of feature film titles from English to Russian from the point of view of gender-marked translators' slant. The application of the method of typological synchronous comparison allows to compare translation from the point of view of the feminine-masculine balance and the presence of feminine markers. The comparison is based on the thesis of adaptation and deformation of the source English film title. If the adaptation focuses on the convergence of the translation to the source culture and its specifics and is oriented on the mutual cultural dialogue, then the deformation, on the contrary, prioritises the peculiarities of the accepting culture. The author of the article proves the thesis that in many cases the translation is not tolerant, the point of view of the translator affects the translation and therefore women are presented as nervous, obese, mentally different and emotionally unstable.

Keywords: filmonym; localization; gender; translation; transcreation; appropriation; domestication

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Prokhorova, Svetlana N. | E-mail: svnp@mail.ru
| Cand. Sc. (Culturology), associate Professor

For citation: Prokhorova S. N. Advertising insert as a special genre of advertising text // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 4. P. 388-397. (in Russ.)

Рекламный вкладыш как особый жанр рекламного текста

С. Н. Прохорова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-388-397
УДК 1751

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматривается рекламный вкладыш как особый жанровый феномен. Представлено определение рекламного вкладыша, анализируются тексты печатных рекламных вкладышей по комплексной модели описания, выделены жанровые особенности вкладышей по следующим конститутивным признакам: коммуникационная цель, образ автора, образ адресата, образ прошлого, образ будущего, тип диктумного (событийного) содержания, языковое воплощение. Автор считает, что вкладыш является текстом особого жанра, основные задачи которого – подтвердить правильный выбор торговой марки и продукта; предоставить инструкцию по эксплуатации товара, дать рекомендации по уходу за купленной вещью; получить обратную связь от покупателя; поддержать отношения с покупателем; в конечном итоге сформировать лояльность клиента и обеспечить повторные покупки. Проведенное исследование показало, что рекламный вкладыш представляет собой особый текстовый феномен, схожий с текстами рекламных жанров, но отличающийся такими жанрообразующими признаками, как цель, образ прошлого, образ будущего. Результаты исследования позволяют утверждать, что на сегодняшний день не сложилось единой модели текста рекламного вкладыша: производители ставят перед рекламным вкладышем разные задачи и используют разные стратегии реализации поставленных задач. Многие конститутивные признаки проанализированных рекламных вкладышей схожи, что позволяет выделить эту категорию сообщений в самостоятельный жанр.

Ключевые слова: текст; вкладыш; рекламный текст; рекламный вкладыш; жанр; маркетинговые коммуникации; рекламная коммуникация; рекламный дискурс

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Прохорова, Светлана Николаевна

Email: svnp@mail.ru

Кандидат культурологии, доцент кафедры теории и практики коммуникации

Для цитирования: Прохорова С. Н. Рекламный вкладыш как особый жанр рекламного текста // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 4. С. 388-397.

Обеспечение коммуникации с потребителями стало необходимым условием успешного функционирования производителей товаров и услуг в информационную эпоху. Исторически сложились различные формы рекламных сообщений, обеспечивающих эффективную маркетинговую коммуникацию производителя (или продавца) с потребителем.

Феномен рекламного текста достаточно изучен и описан. Л. Г. Фещенко определяет рекламный текст как «коммуникативную единицу, функционирующую в сфере маркетинговой коммуникации для неличного оплаченного продвижения товара, услуги, лица или субъекта, идеи, социальной ценности, имеющую в структуре формальный признак – сигнализирование о характере информации, обязательное по закону о рекламе (презентацию), один или несколько компонентов бренда и/или рекламные реквизиты и отличающуюся равной значимостью вербально и невербально выраженного смысла» [1, с. 27]. Любовь Георгиевна Фещенко, предлагая рабочее определение, берет во внимание определение феномена рекламы, приведенное в Федеральном законе о рекламе РФ от 1995 года, а также понимание рекламы, принятое в теории маркетинга.

А. Д. Кривоносов, определяя рекламный текст, также учитывает определение рекламы в законе РФ, исходит из типа информации, содержащейся в тексте: «рекламным можно признать текст, который:

- 1) содержит информацию о физическом или юридическом лице, товарах, идеях или начинаниях;
- 2) предназначен для неопределенного круга лиц;
- 3) призван формировать или поддерживать интерес к физическому, юридическому лицу, товарам, идеям, начинаниям;
- 4) способствует реализации товаров, идей, начинаний» [2, с. 8].

К рекламным текстам принято относить «продающие тексты»: те, что продвигают товар или услугу. Мы встречаемся с рекламными сообщениями постоянно: на улице, в общественном транспорте, в лифте, в торговых центрах, в интернете.

Достаточно распространены в наше время такие формы коммуникации с потребителем, как «рекламные вкладыши» – сообщения на бумажном носителе, которые вкладываются в упаковку с товаром. Подобного рода явление возникло не сегодня, о чем свидетельствуют примеры в литературе [3].

Многие жанры печатной рекламы достаточно изучены и подробно описаны: информационный лист, информационное письмо, листовка, буклет, проспект, каталог, плакат и так далее [4, с. 117]. В специальной литературе встречаются также упоминания о рекламном вкладыше и определения этого явления: «Вкладыш – небольшой рекламный листок, в котором описываются преимущества данного товара. Их обычно вкладывают в упаковку с тем, чтобы побуждать покупателей к повторным покупкам» [5, с. 411]. Однако, несмотря на распространенность такого рода рекламных форм, мы не встретили описаний рекламного вкладыша в учебной и научной литературе: жанровые особенности рекламных вкладышей, способы и средства оформления обращений к покупателю до последнего времени не были предметом изучения в теории рекламного дискурса.

Традиционная модель процесса покупки товара включает несколько стадий: осознание проблемы, поиск информации, оценка вариантов, решение о покупке, реакция на покупку [6, с. 160]. Потенциальный покупатель последовательно проходит подготовительные стадии, прежде чем принимает решение о покупке товара, после покупки товара следует стадия реакции на покупку (рис. 1).

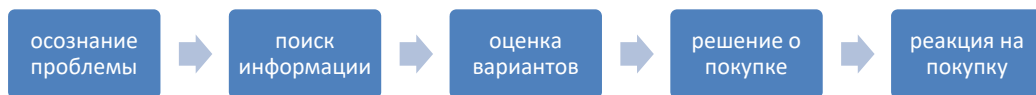

Рисунок 1. Стадии процесса покупки товара

С рекламным вкладышем покупатель встречается, когда товар уже куплен, на стадии «реакция на покупку». Следовательно, задачи такого типа сообщений отличаются от задач традиционных рекламных текстов: привлечь внимание к товару, заинтересовать, побудить потребителя сделать покупку.

Для выявления жанровых особенностей рекламного вкладыша было проанализировано 52 текста вкладышей, отобранных методом случайной выборки в период с сентября 2013 по май 2015 года. Отбирались сообщения, вложенные в упаковку с товаром и в пакет с покупкой.

Цель исследования – проанализировать жанровые особенности рекламных вкладышей. **Объектом исследования** стали тексты печатных рекламных вкладышей, вложенных в упаковку с товаром, а **предметом исследования** – жанровые особенности рекламных вкладышей.

Собранный материал распределился по товарным категориям следующим образом:

1. Косметические и парфюмерные средства – 22 шт.
2. Одежда, обувь и аксессуары – 14 шт.
3. Ювелирные украшения и бижутерия – 6 шт.
4. Продукты питания и напитки – 7 шт.
5. Лекарственные препараты – 1 шт.
6. Товары для творчества – 2 шт.

Мы выделили жанровые особенности собранных текстов по предложенной Т. В. Шмелёвой комплексной модели описания так называемого «паспорта жанра». Напомним, что исследователь предлагает изучать жанровые модели, анализируя поэтапно семь конститутивных признаков [7, с. 92]:

1. Коммуникационная цель.
2. Образ автора.
3. Образ адресата.
4. Образ прошлого.
5. Образ будущего.
6. Тип диктумного (событийного) содержания.
7. Языковое воплощение.

В данной статье ограничимся описанием шести первых признаков, седьмой признак (языковое воплощение) будет затронут при описании формы выражения первых шести конститутивных признаков. Рассмотрим рекламные вкладыши поэтапно по предложенным жанрообразующим признакам.

1. **Коммуникационная цель.** Первая жанровая особенность рассматриваемого типа сообщений заключается в особой коммуникационной цели: создать у покупателя уверенность в правильном выборе компании и продукта, предоставить инструкцию по эксплуатации товара, дать рекомендации по уходу за купленной вещью, чтобы она служила долго; получить обратную связь от покупателя; поддержать от-

ношения с покупателем; в конечном итоге обеспечить лояльность клиента и повторные покупки. Эти цели не всегда выражены открыто в тексте, а угадываются за содержанием и формой отдельных структурных элементов.

2. Образ автора. В большинстве рассматриваемых текстов образ автора скрыт: такая особенность характерна для рекламных текстов в целом. Внимание в текстах акцентируется на самом продукте:

«**Крем** питает и увлажняет»,

а также на производителе:

«**Косметика Natura Siberica** рассчитана на думающих потребителей, которым небезразлично собственное здоровье».

Но в некоторых случаях образ автора выражен грамматически местоимением множественного числа «мы»:

«Для большей эффективности средств и повышения результативности, **мы** рекомендуем использовать средство вместе с...» (перечисляются другие продукты серии);

«**Мы** ценим Вашу лояльность к **нашей торговой марке**»;

«... **Мы** используем натуральные производные сахаров и аминокислот»;

«**Мы** позволяем Вам оставаться в гармонии с собой и чувствовать себя великолепно»;

«... **нашей** задачей, прежде всего, было использовать всю накопленную многими поколениями мудрость жителей Сибири...».

Есть несколько примеров, где автор персонифицирован в лице коллектива или руководителя компании:

«**Нам** всегда было очень важно Ваше мнение... **С уважением, коллектив компании «Первое решение».**

«...И не сомневаемся, что льняная каша станет для Вас таким же любимым и необходимым продуктом, каким уже является для нас, наших детей и родителей. Будьте здоровы! **Коллектив ООО «ВиП Продукт».**

Особое место среди отобранных примеров занимают рекламные вкладыши, обнаруженные нами в упаковке зубной пасты «Сплат»: они созданы в форме писем директора компании к покупателю. В каждом письме затрагивается социально значимая проблема, письма носят личный доверительный характер и заканчиваются этикетной формулой, которой обычно завершается письмо, и личной подписью:

«С уважением, **генеральный директор Евгений Демин и команда SPLAT».**

Эти обращения выполнены в форме эпистолярного жанра, а задачи их близки к задачам PR-коммуникации: сформировать и поддержать лояльность покупателей, доверительное отношение к компании.

3. Образ адресата. Адресат рекламного вкладыша – покупатель, пользователь продукции. В рекламной коммуникации распространен термин «целевая аудитория» – «определенный в ходе выработки рекламной стратегии круг людей, которые по своим характеристикам наиболее склонны к покупке нашего брэнда» [8, с. 25]. Сложность составления текстов массовой коммуникации состоит в том, что, с одной стороны, адресат сообщения не является конкретным лицом, а с другой стороны, важно, чтобы сообщение было воспринято и понято каждым читателем лично.

Ирина Георгиевна Морозова отмечает, что указание на целевую аудиторию может иметь как прямую (номинативную) форму, так и описательную (контекстуальную) [6, с. 26]. Прямой способ указания на адресата – это называние его в тексте:

«Серия «Люкс» включает в себя продукцию улучшенного качества для учащихся художественных школ...»;

«Косметика Natura Siberica рассчитана на думающих потребителей, которым небезразлично собственное здоровье».

В первом случае целевая аудитория – учащиеся художественных школ – названа по увлечению, роду занятий. Во втором случае – категория людей, которые заботятся о своем здоровье. Такого рода выражение образа адресата – еще и своеобразный комплимент покупателю: продукция предназначена для учащихся художественных школ, будущих профессионалов, продукция улучшенного качества, сравнима с профессиональными материалами для художников. Ребенок может и не учиться в художественной школе, но пользоваться красками серии «Люкс». А покупателю косметики Natura Siberica будет лестно прочесть, что она предназначена для «думающих потребителей, которым небезразлично собственное здоровье».

Но прямое указание на адресата встречается довольно редко в рекламных вкладышах: лишь в одном примере мы нашли обращение к покупателю:

«**Дорогой покупатель!** Если Вы держите в руках эту книжечку...».

Часто адресат сообщения представлен в тексте грамматически с помощью местоимения второго лица, глагола повелительного наклонения, который имеет только форму второго лица:

«Благодарим **Вас** за покупку чая «Гармония природы».

«**Вы** сможете управлять своими желаниями, мечтами и окружающими **вас** явлениями...».

«**Попробуйте** коллекцию насыпных чаев «Гармония природы!».

«**Вы** сможете управлять.... 31 декабря **приготовьте**...».

Все эти примеры не содержат конкретного образа покупателя, в текстах лишь указывается адресат, содержится вежливое обращение к нему, в то же время не называются какие-либо признаки покупателя: возраст, гендерные характеристики, род занятий.

Таким образом, можем сделать вывод, что образ автора в рекламных вкладышах чаще всего обобщен и не выражен точно в тексте. Эта особенность характерна для текстов массовой коммуникации в целом.

4. Образ прошлого. В текстах рекламных вкладышей образ прошлого выражен контекстуально: если человек читает вкладыш, который был вложен в упаковку товара, значит, он купил или получил в подарок товар, стал владельцем этого товара. В отдельных случаях факт покупки и благодарность за покупку находит выражение в тексте:

«Thank you for your purchase of UGG Australia footwear. Your shoes are made from the finest materials available and will provide you with all of the comfort and luxury you've can to expect from UGG Australia» (Благодарим вас за покупку обуви UGG Australia. Ваша обувь сделана из лучших материалов и предоставит Вам весь комфорт и роскошь, которые вы можете ожидать от UGG Australia).

«Мы ценим лояльность к нашей торговой марке!»

«Оливин мягкого зеленого цвета и черный обсидиан – это кристаллические полудрагоценные камни вулканического происхождения, которые можно встретить на Канарских островах. Начиная с каменного века обсидиан использовался в качестве оружия и орудия труда, а в Древнем Египте его применяли как религиозное и магическое украшение».

В приведенных примерах подчеркивается высокое качество продукции, материалов, из которых она изготовлена, а также выражается признательность покупателю за выбор именно этой продукции.

5. Образ будущего. Категория «образ прошлого» перетекает в категорию «образ будущего». В этой категории находят выражение задачи коммуникации. Производитель ценит, что покупатель выбрал его товар, и спешит убедить его в том, что выбор сделан правильно, куплен товар высокого качества, впереди приятные моменты пользования продуктом:

«Дорогой покупатель! Если Вы держите в руках эту книжечку, значит, Вы уже близки к тому, чтобы совершить маленькое открытие, так же, как в свое время были и мы – производители этого нового на российском рынке продукта».

«Shafer – это компания с 30-летним опытом работы в области изготовления и продажи ювелирных изделий. Мы гарантируем, что все наши изделия содержат подлинный оливин-передот и изготовлены из золота 18 карат и серебра 925 пробы. Коллекция украшений с драгоценными камнями оригинального дизайна делает наши ювелирные изделия особым и эксклюзивным подарком».

Подтверждение качества:

«Что нового Вы найдете для себя в этом продукте? 1. На 25 % больше экстрактов сибирских трав. 2. В два раза увеличено содержание D пантенола и алантоина, которые способствуют омоложению и регенерации кожи...».

Подтверждение качества товара нередко выражено во вкладышах с помощью гарантийного сертификата, сертификата качества, перечисления наград товара, размещения отзывов потребителей.

На рекламном вкладыше часто размещают фотографии и описание других товаров производителя: при покупке чая покупатель находит в упаковке вкладыш с описанием других сортов чая того же производителя; при покупке косметики – другие средства по уходу за кожей этой же серии, в коробку с серебряным кольцом марки Shafer вложен вкладыш с фотографиями ювелирных изделий этого бренда: «Мы с гордостью представляем вам нашу коллекцию ювелирных изделий из серебра и золота с оливин-передотом и обсидианом».

В коробку с обувью Ессо вложен вкладыш с инструкцией по эксплуатации, а также фотографиями и описанием продукции по уходу за обувью этой же марки, телефоном информационной линии и адресом сайта. Такого рода информация, как и в предыдущем примере, – приглашение к последующей покупке. Желаемый образ будущего – повторные покупки товара, а также покупки других товаров этой торговой марки.

Желаемое в будущем действие покупателя часто напрямую сформулировано с помощью глаголов повелительного наклонения:

«Попробуйте зрелый сыр ДЖЮГАС® с капелькой натурального меда – будете приятно удивлены сочетанием...».

«Запишите каждое из трех желаний и опустите их в бутылку».

«Узнайте больше о наших принципах и кампаниях на сайте: ...».

«Обменяйте купон на миниатюру сыворотки Super Aqua-serum (3 мл) с 1 апреля 2014 года в магазинах ИЛЬ ДЕ БОТЕ».

Покупателю предлагается попробовать сыр с медом, причем в этом же вкладыше представлена и коллекция сыра в сувенирной подарочной упаковке, таким образом контекстуально предлагается купить сыр в подарок.

Производитель хочет получить обратную связь от покупателя, отзыв о качестве товара: с этой целью в рекламный листок добавляется анкета обратной связи либо предлагается зайти на сайт и оставить свой отзыв там, просьба присылать замечания по обслуживанию, предложение делиться своими рецептами с обещанием подарка за лучшие рецепты. Также встретился купон на скидку на последующие покупки, что также является приглашением сделать повторную покупку.

6. Тип диктумного (событийного) содержания. Анализ содержательной составляющей текстов показал, что больше всего в текстах вкладышей встречается информация с описанием уникальных свойств товара (20 примеров), историей и философией компании-производителя (15 примеров), демонстрацией и описанием других товаров этой фирмы (12 примеров). Реже – благодарность за покупку товара компании, рекомендации по уходу за товаром (по восемь примеров), инструкция по эксплуатации товара, гарантийный сертификат, полезная информация о товарах подобной категории, письма и отзывы потребителей, рецепты по приготовлению продукта (по три примера).

7. Языковое воплощение. Большинство примеров содержит иллюстрации, фотографии, графическую составляющую: это помогает привлечь внимание, продемонстрировать высокое качество продукта, создать привлекательный образ продукта и бренда. Использование заголовков, подзаголовков, «врезок» позволяет акцентировать внимание читателя на самых важных семантических составляющих текста.

Проведенное исследование показало, что рекламный вкладыш представляет собой особый текстовый феномен, схожий с текстами рекламных жанров, но отличающийся такими жанрообразующими признаками, как цель, образ прошлого, образ будущего. Результаты исследования показали, что на сегодняшний день не сложилось единой модели текста рекламного вкладыша: производители ставят разные задачи и используют разные стратегии реализации задач. Но многие конститутивные признаки проанализированных рекламных вкладышей схожи, что позволяет выделить эту категорию сообщений в самостоятельный жанр.

Ссылки / References

1. Феценко Л. Г. Структура рекламного текста: учебно-практическое пособие. СПб.: Петербургский институт печати, 2003. 232 с.
2. Кривоносов А. Д., Шевченко А. С. Копирайтинг и спичрайтинг: учебное пособие. СПб.: СПбГЭУ, 2018. 66 с.
3. Глинтерник Э. М. Реклама в России XVIII – первой половины XX века. М.: Аврора, 2007. 360 с.
4. Рекламная деятельность: учебник для студентов высших учебных заведений / Ф. Г. Панкратов, Ю. К. Баженов, Т. К. Серегина, В. Г. Шахурин. М.: Дашков и К°, 2003. 364 с.
5. Беляев В. И. Маркетинг: основы теории и практики: учебник. М.: Кнорус, 2005. 672 с.
6. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. М.: Вильямс, 2007. 656 с.
7. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского. 1997. № 1. С. 88–98.
8. Морозова И. Слагая слоганы. М.: РИП-холдинг, 2001. 172 с.

Concepts of linguistic expertise in the ordinary language consciousness

A. A. Talitskaya¹, I. I. Ananeva¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-396-406

Research Article
Full text in Russian

The article points out the need to study the vocabulary that is actively used in controversial texts submitted for research by linguistic experts. The objects of consideration are concepts of linguistic expertise (swearing, invective, slander) that have a verbal expression. The features of perception of these lexemes by ordinary language consciousness are revealed. The psycholinguistic description of the studied concepts is based on the results of a psycholinguistic experiment conducted using the method of free associative experiment. The authors have compiled associative fields of lexemes, identified semantic groups and formulated psycholinguistic meanings. A comparison of lexicographic descriptions of lexemes and the experimental information. Lexicographic description of lexemes is based on both the explanatory dictionary of the Russian language and legal dictionaries, dictionaries of literary concepts, the dictionary of argo, etc. The problems of distinguishing the meanings of legal concepts and improving the legal literacy of native speakers are raised. It is shown that the studied lexemes are generally well assimilated by the language consciousness of native speakers (except for invective) and their legal aspect is partially realized by respondents. Some conclusions about the importance of conducting psycholinguistic research in the practice of linguistic expertise are made, because they allow us to clarify the meaning of legal concepts and show the features of perception of such concepts by ordinary language consciousness.

Keywords: language consciousness; psycholinguistic experiment; associative field; semantic group; expletive; invective; slander; insult

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Talitskaya, Anna A. | E-mail: cliver_08@bk.ru
| Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

Ananeva, Irina I. | E-mail: yairina.ananeva@yandex.ru
| Student

For citation: Talitskaya A. A., Ananeva I. I. Concepts of linguistic expertise in the ordinary language consciousness // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2020. Vol. 6, No 4. P. 396-406. (in Russ.)

Понятия лингвистической экспертизы в обыденном языковом сознании

А. А. Талицкая¹, И. И. Ананьева¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-4-396-406
УДК 81

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье указывается на необходимость изучения лексики, активно используемой в спорных текстах, предоставленных на исследование лингвистам-экспертам. Объектом рассмотрения являются такие понятия лингвистической экспертизы, как брань, инвектива, клевета, имеющие словесное выражение. Выявляются особенности восприятия указанных лексем обыденным языковым сознанием. Психолингвистическое описание исследуемых понятий осуществляется на основе результатов психолингвистического эксперимента, проведенного с помощью метода свободного ассоциативного эксперимента. Авторами составлены ассоциативные поля данных лексем, выделены семантические группы, сформулированы психолингвистические значения. Проведено сопоставление лексикографического описания лексем и экспериментальных данных. Лексикографическое описание лексем осуществляется как на базе толкового словаря русского языка, так и с помощью юридических словарей, словарей литературоведческих понятий, словаря арго и т. д. Поднимаются проблемы разграничения значений юридических понятий и повышения юридической грамотности носителей языка. Показано, что исследуемые лексемы в целом хорошо усвоены языковым сознанием носителей языка (за исключением лексемы инвектива) и что их юридический аспект частично осознается испытуемыми. Делаются выводы о важности проведения психолингвистических исследований в практике лингвистической экспертизы, т. к. они позволяют уточнить значение юридических понятий и показать особенности восприятия таких понятий обыденным языковым сознанием.

Ключевые слова: языковое сознание; психолингвистический эксперимент; ассоциативное поле; семантическая группа; бранная лексика; инвективная лексика; клевета; оскорбление

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Талицкая, Анна Александровна | Email: cliver_08@bk.ru
Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры
общей и прикладной филологии

Ананьева, Ирина Ивановна | Email: yairina.ananeva@yandex.ru
Магистрант факультета филологии и коммуникации

Для цитирования: Талицкая А. А., Ананьева И. И. Понятия лингвистической экспертизы в обыденном языковом сознании // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 4. С. 396-406.

В последние десятилетия увеличивается количество учёных, проявляющих интерес к лингвистической экспертизе текстов. Ведущий российский специалист в области лингвистической экспертизы профессор А. Н. Баранов отмечает, что в широком смысле язык области права включает термины двух типов: «получающие определение в рамках соответствующих законов» и термины, «определения которых в нормативных и законодательных документах отсутствуют» [1, с. 20]. Значения последних, таким образом, можно определить, привлекая информацию о том, какие значения слова и выражения, включённые в термин, «имеют в современном русском литературном языке или в одном из его подъязыков» [1, с. 20].

Одним из объектов лингвистической экспертизы является лексика, включённая в так называемые эмоциональные тексты. Изучение такой лексики – серьёзная, а вместе с тем актуальная проблема современной лингвокриминалистики. Эмотивный компонент семантики языка рассматривается «в составе его культурологического аспекта, так как отражение эмоций в языке национально специфично». [2, с. 40]. Эмоциональное состояние может быть репрезентировано в языке различными способами. Один из них, по мнению Шаховского, – непосредственное выражение (междометия, инвективная лексика и пр.) [2, с. 34].

Важно понимать, как термины, применяемые в лингвистической экспертизе текстов, воспринимаются обыденным языковым сознанием носителей языка, так как вопросы, выносимые на заключение эксперта-лингвиста, часто обусловлены расхождением понимания значения в юридическом и обыденном смыслах. Под языковым сознанием И. А. Стернин понимает «часть сознания, обеспечивающую механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании» [3, с. 50]. Языковое сознание является предметом изучения психолингвистики, оно исследуется экспериментально.

В статье рассматриваются некоторые понятия лингвистической экспертизы, значения которых связаны со словесным выражением и которые воспринимаются в контексте оценочного речевого акта с негативной коннотацией в обыденном языковом сознании.

Целью статьи является психолингвистическое описание лексем *брань*, *инвектива*, *клевета* и их сопоставление с лексикографическим толкованием и юридической практикой их употребления.

Методом исследования выступает свободный ассоциативный эксперимент, методика проведения которого изложена в [4; с. 127].

В психолингвистическом эксперименте приняли участие 136 человек (36 мужчин и 100 женщин) – жителей Вологодской, Ленинградской и Ярославской областей. Из них 61 человек – в возрасте от 15 до 30 лет, 45 человек – в возрасте от 30 до 50 лет и 30 человек – в возрасте от 50 до 86 лет.

Испытуемым был предложен список слов-стимулов и инструкция: «Просим Вас принять участие в психолингвистическом эксперименте. Пожалуйста, прочитайте предлагаемый список слов и около каждого напишите первое слово, которое придёт Вам в голову. Не раздумывайте долго. Если ни одно слово не вспоминается, ставьте прочерк». В конце анкеты респонденты указывали свой возраст, пол и социальное положение.

Результаты ассоциативного эксперимента были обработаны по частотности и представлены в виде ассоциативного поля.

БРАНЬ

Ассоциативное поле

Брань 136 – ругань 42; мат 22; ругательство 10; ссора 7; срань 4; с*ка 3; б*я; б*ть; радость; ругательства; стол 2; бабушка; батарея; безобразное качество; больной; вздор; гаражи; грязь; дом; кактус; колье; крик; лень; любовь; магазин; мяч; невоспитанность; нос; окно; оскорбление; п*дец; плохие слова; подруга; поле брани; ппц; разговор; ругательство в сторону того, кто подвел или сделал что-то плохое, или случилось что-то не предвиденное и пошло по кривой; ругаться; скандал; снег; спор; сражение; Сызрань; ужас; унижение; хрень; Челябинск 1.

Отказы – 3 (реакции на стимул *брань* отсутствовали).

Всего 133 реакции. Из них различных – 47. Один респондент привёл полную словесную дефиницию.

Семантическая интерпретация результатов эксперимента

Ассоциативные реакции были распределены по семантическим группам (расположены в порядке убывания количества реакций в группе).

1. Синонимические обозначения: ругань 56 (ругань 42; ругательство 10; ругательства 2; ругательство в сторону того, кто подвел или сделал что-то плохое, или случилось что-то не предвиденное и пошло по кривой 1; ругаться 1); мат 22; плохие слова 1. Всего 79 реакций.

2. Конфликтная ситуация (во время которой можно услышать брань): ссора 8 (ссора 7; скандал 1); вздор; крик; спор 1. Всего 11 реакций.

3. Примеры бранных слов, по мнению респондентов: с*ка 3; б*я; б*ть 2; п*дец; ппц; хрень 1. Всего 10 реакций.

4. Неодобрительная оценка: срань 4; безобразное качество; грязь; невоспитанность; ужас 1. Всего 8 реакций.

5. Конкретное место, локация, где можно услышать брань: стол 2; гаражи; дом; магазин; Сызрань; Челябинск 1. Всего 7 реакций.

6. Воздействие на собеседника: оскорбление 1; унижение 1. Всего 2 реакции.

7. Человек, являющийся источником брани: бабушка; подруга 1. Всего 2 реакции.

8. Реакции к омониму, обозначающему битву, бой: поле брани; сражение 1. Всего 2 реакции.

Не интерпретируются следующие реакции, связанные с личным опытом испытуемых: радость 2; батарея; больной; кактус; колье; лень; любовь; мяч; нос; окно; разговор; снег 1. Всего 13 реакций.

Сформулируем психолингвистическое описание значения слова БРАНЬ (136 ии) по результатам эксперимента:

1. То же что ругань 56, мат 22, плохие слова 1, звучат в конфликтных ситуациях 11 (ссора 7; скандал 1; вздор; крик; спор 1), используется за столом 2, в гаражах 1, дома 1, в магазине 1, в Сызрани, в Челябинске 1 бабушкой 1, подружкой 1, например, с*ка 3, б*я 2, б*ть 2, п*дец 1, ппц 1, хрень 1, оценивается неодобрительно 8, воздействует на собеседника как оскорбление 1, унижение 1.

2. Поле брани 1; сражение 1.

Не интерпретируются – 13 реакций.

Отказы – 3 реакции.

С понятием лингвистической экспертизы соотносится первое из выделенных нами психолингвистических значений лексемы *брань*.

Для лексикографического описания лексемы мы использовали Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова:

Брань - оскорбительные, грубые слова; ругань [5].

Результаты психолингвистического эксперимента показывают, что большинство респондентов ассоциируют *брань* с синонимичными понятиями (самая объёмная семантическая группа), среди которых доминирующим является 'ругань'. Лексикографическое описание лексемы также содержит этот синоним. *Брань* с руганью ассоциируют респонденты всех возрастов, что говорит о том, что значение лексемы закреплено в языковом сознании испытуемых.

Ассоциация 'мат' из первой семантической группы также частотна в анкетах респондентов, причём превалирует в возрастной группе испытуемых до 35 лет. Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова содержит следующее определение лексемы:

Мат - разг. Неприличная, оскорбительная брань; сквернословие [5].

Соответственно, в разговорном стиле бранная лексика и мат синонимичны. Это подтверждают примеры слов-ассоциаций из третьей семантической группы: *б*я, б*ть 2; ни*дец 1*.

В списке основных понятий лингвокриминалистической экспертизы из справочного пособия под редакцией И. А. Стернина бранная лексика определяется как «слова и выражения, содержащие резкую обобщенную неодобрительную оценку объекта номинации – лица, явления, предмета (мерзавец, дерьмо, говно, засранец, козел, сволоочь, сука, тварь, гнида и под.)» [6, с. 5]. Синонимом слова *бранный* в словарной статье выступает слово *инвективный*. В словарной статье содержится информация о функционировании бранной лексики в речи: «применительно к человеку она может употребляться с намерением оскорбить или унижить адресата, а может использоваться и без такого намерения, безадресно, для спонтанного выброса эмоций» [6, С. 5].

Семантическая группа, содержащая конкретные примеры бранных слов, которые привели респонденты, содержит слово, которое можно отнести к бранному – с*ка (причём ассоциация не единична). Неодобрительная оценка, с которой испытуемые ассоциируют брань, выражена в 4-й семантической группе. Ассоциация 'срань' зафиксирована как лексема в словаре русского арго под редакцией В. С. Елистратова («что-то плохое, дурное» [7]).

Один испытуемый ассоциировал брань с оскорблением. Таким пониманием значения *брани* обусловлены экспертизы, в которых лингвисту необходимо разграничить диагностические признаки *оскорбления* и *брани*. Авторы пособия отмечают, что «использование бранной лексики осуждается общественным сознанием с морально-этической точки зрения» [6, с. 5]. Вторая семантическая группа, выделенная по результатам эксперимента, содержит примеры ситуаций, в которых может быть употреблена бранная лексика, пятая – описывает локации (в том числе – общественные места), где также, по мнению испытуемых, можно столкнуться с употреблением *брани*. В бытовом смысле слова человек, в адрес которого употреблено бранное слово, может обидеться, поэтому с точки зрения культуры речи это считается речевым оскорблением (правовому регулированию факт такого оскорбления не подлежит).

Единая ассоциация 'оскорбление', выявленная в ходе обработки результатов психолингвистического эксперимента, показывает, что понимание об оскорблении человека бранными словами присутствует в обыденном языковом сознании носителей языка.

Психолингвистическое значение лексемы выявило не зафиксированные в её лексикографических описаниях семантические компоненты: респонденты приводят ассоциации, связанные с людьми, являющимися источником *браны*. Однако эти реакции единичны (*бабушка; подруга 1*) и, скорее всего, связаны со стереотипами (*бабушка бранит внука*) или конкретной коммуникативной ситуацией.

Реакции, обозначающие битву, также единичны – их наличие объясняется омонимичностью лексемы.

Таким образом, в обыденном сознании *брань* – это прежде всего ругань 56 и мат 22, которые возникают в конфликтных ситуациях 11. Это доминантные семантические компоненты лексемы *брань* в языковом сознании рядового носителя языка.

Лексикографическое значение – это *ругань, грубые слова*.

Психолингвистическое и лексикографическое значение в целом совпадают, они толкуются через синоним *ругань*, но в реальном языковом сознании *брань* дополнительно связывается с конфликтными ситуациями, в которых она возникает, а также отождествляется с матом. *Брань* оценивается неодобрительно 9, рассматривается как оскорбление 1 и унижение 1 собеседника. Для обыденного сознания также оказывается важным место, где можно услышать *брань* и лица, которые могут браниться. Психолингвистическое значение шире и глубже лексикографического.

Юридического определения слова *брань* нет.

ИНВЕКТИВА

Ассоциативное поле

Инвектива 136 – оскорбление; что это? 5; инъекция; обвинение; перспектива; снег 3; мысль; неизвестность; памфлет 2; бидон; боль; брань; буквы; гнев; деньги; доброта; дом; дрянь; дурачина; земля; канал а-опе; ковёр; концерт; критика; литература; мост; наезд; небо; несправедливость; обед; обличение; осмеивание; осмеять; очки; послесловие; прочерк; размышление; ругательство; сарказм; слабак; собака; счастье; теория; укол; хорошее слово; чиновники; что такое? 1.

Отказы – 71 (реакции на стимул *инвектива* отсутствовали).

Всего 66 реакций. Из них различных – 48.

Семантическая интерпретация результатов эксперимента

1. Форма высказывания (в основном критического), форма литературного произведения: мысль 3 (мысль 2; размышление 1); осмеивание 3 (осмеивание 1; осмеять 1; сарказм 1); памфлет 2; критика; литература; послесловие 1. Всего 11 реакций.

2. Воздействие на собеседника: оскорбление 5; обвинение 3; обличение; наезд 1. Всего 10 реакций.

3. Примеры инвективных слов, по мнению респондентов: дрянь; дурачина; слабак; собака 1. Всего 4 реакции.

4. Чувства: боль; гнев; несправедливость 1. Всего 3 реакции.

5. Синонимические обозначения: брань; ругательство 1. Всего 2 реакции.

Не интерпретируются следующие реакции, связанные с личным опытом испытуемых, а также реакции, содержащие вопрос типа «что это?»: что это? 5; инъекция; перспектива; снег 3; неизвестность 2; бидон; буквы; деньги; доброта; дом; земля; канал а-опе; ковёр; концерт; мост; небо; обед; очки; прочерк; счастье; теория; укол; хорошее слово; чиновники; что такое? 1. Всего 36 реакций.

Сформулируем психолингвистическое описание значения слова ИНВЕКТИВА (136 ии) по результатам эксперимента:

1. То же, что брань 1, ругательство 1, воздействующие на собеседника посредством оскорбления 5, обвинения 3, обличения 1, наезда 1, например, дрянь 1, дурачина 1, слабак 1, собака 1, связано с чувством боли 1, гнева 1, несправедливости 1.

2. Форма критического 1 высказывания в виде мысли 3 (мысль 2; размышление 1), осмеивания 3 (осмеивание 1; осмеять 1; сарказм 1), форма литературного произведения в виде памфлета 2, послесловия 1.

Не интерпретируются – 36 реакций.

Отказы – 71 реакция.

С понятием лингвистической экспертизы связано первое из выделенных нами психолингвистических значений лексемы *инвектива*.

Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова предлагает следующее значение лексемы:

Инвектива – резкое выступление против кого-, чего-л.; оскорбительная речь [5].

Вторая по объёму семантическая группа, выявленная в ходе обработки анкет, содержит сему 'оскорбление', которая также присутствует в лексикографическом описании.

Обратимся к списку понятий лингвокриминалистической экспертизы:

Инвектива – речевое высказывание, содержащее бранную (сволочь, мерзавец, подлец, дерьмо, говно, засранец, козел, сука, урод, тварь, гнида и под.) или нецензурную лексику, используемое для резкой обобщенной неодобрительной оценки объекта номинации – лица, явления, предмета, для понижения его общественного статуса [6, с. 14].

Данное значение лексемы находит отражение в пятой (респонденты ассоциируют инвективную лексику с бранной), а также в третьей (содержит слова, которые, по мнению испытуемых, можно считать инвективными) семантических группах.

Применительно к человеку инвектива «может употребляться с намерением оскорбить, унижить адресата, а может использоваться и без такого намерения, безадресно» [Там же. С. 14]. Этот аспект значения лексемы выявлен во второй семантической группе.

В целом можно говорить о слабой степени закреплённости значения лексемы *инвектива* в языковом сознании респондентов: менее половины испытуемых дали реакции на слово-стимул, при этом 36 были отнесены к неинтерпретируемым. В основном реакции на исследуемый стимул привели респонденты с возрастным показателем 30+.

Самая объёмная семантическая группа содержит ассоциации, связанные с формой литературного произведения. Литературный энциклопедический словарь под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева содержит значение, не актуальное для Большого толкового словаря русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, –

«бранная речь, резкое обличение (в частности, сатирическое осмеяние) реального лица или группы лиц; противопоставит панегирику (в широком значении)» [8]. Такое значение содержится и в словаре литературоведческих терминов под редакцией И. А. Книгина [9].

Толковый словарь под редакцией Т. Ф. Ефремовой определяет инвективу как многозначное слово:

1. Гневное, резкое – устное или письменное – выступление против кого-либо или чего-либо; обвинение, обличение, оскорбление, брань.

2. Разновидность сатиры; памфлет [10].

Лексикографические описания показывают, что второе значение лексемы связано с формой литературного произведения. На связь с литературой указали испытуемые в возрастном диапазоне в основном от 20 до 30 лет, преимущественно – студенты (причём как гуманитарных (юриспруденция, история), так и технических (механизация, инженерия) специальностей).

В ходе психолингвистического эксперимента также выделена группа слов, обозначающих чувства, не зафиксированная в лексикографических описаниях лексемы.

Таким образом, в языковом сознании испытуемых лексема *инвектива* оказывается многозначной. То же зафиксировано и в лексикографическом описании слова. В основном испытуемые связывают инвективу с формой высказывания и литературного произведения 11, однако ими также признаётся факт воздействия на собеседника 10.

Юридического толкования лексемы *инвектива* нет.

КЛЕВЕТА

Ассоциативное поле

Клевета 136 – ложь 49; враньё 16; обман 10; наговор; поклёп 5; суд 3; дверь; неправда; оговор; оскорбление 2; балабол; благополучие; блеф; брехня; бывает; вокзал; глаз; добро; дом; донос; заговор; квартира; кровать; лгун; лебеда; ложные обвинения в сторону невиновного; люди; маета; метель; мухомор; непорядочность; низость; обзывательство; оболгать; окно; осквернение; п*дёр; плохой; предательство; привет; радость; ругань; сестра; снег; сплетни; уважение; с*ка; часы 1.

Отказы – 2 (реакции на стимул *клевета* отсутствовали).

Всего 134 реакции. Из них различных – 48. Один испытуемый дал полную словесную дефиницию на слово-стимул.

Семантическая интерпретация результатов эксперимента

1. Намеренное искажение правды, истины: ложь 72 (ложь 49; враньё 16; неправда 2; брехня; донос; оболгать; п*дёр; сплетни 1); обман 23 (обман 10; наговор; поклёп 5; оговор 2; блеф 1). Всего 95 реакций.

2. Неодобрительная оценка: балабол; непорядочность; лгун; низость; обзывательство; плохой; ругань; с*ка 1. Всего 8 реакций.

3. Неучтивый поступок: оскорбление 2; осквернение; предательство 1. Всего 4 реакции.

4. Связь с судебным процессом: суд 3; ложные обвинения в сторону невиновного 1. Всего 4 реакции.

5. Ситуация: маета; заговор 1. Всего 2 реакции.

Не интерпретируются следующие реакции, связанные с личным опытом испытуемых: дверь 2; благополучие; бывает; вокзал; глаз; добро; дом; квартира; кровать; лебеда; люди; метель; мухомор; окно; привет; радость; сестра; снег; уважение; часы 1. Всего 21 реакция.

Сформулируем психолингвистическое описание значения слова КЛЕВЕТА (136 ии) по результатам эксперимента:

Намеренное искажение правды 95 (ложь 72; обман 23), неучтивый поступок в виде оскорбления 2, осквернения 1, предательства 1 в ситуации маеты 1, заговора 1, оценивается неодобрительно 8, рассматривается судом как ложное обвинение в сторону невиновного 1.

Не интерпретируются – 21 реакция.

Отказы – 2 реакции.

В Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова зафиксировано следующее значение лексемы:

Клевета – ложное обвинение; заведомо ложный слух, позорящий кого-л.; распространение таких слухов [5].

Самая объёмная по результатам эксперимента семантическая группа содержит доминирующую сему 'ложь', которая актуальная и для словарного значения слова-стимула.

Также для лексикографического описания был использован Большой юридический словарь, поскольку понятие клеветы активно применяется в юриспруденции, в частности – в теории и практике лингвистической экспертизы:

Клевета – по уголовному праву РФ распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию (ст. 129 УК РФ) [11].

Некоторые респонденты указали на связь с судебным процессом (четвертая семантическая группа), что говорит о понимании испытуемыми юридического контекста, в рамках которого может быть рассмотрено понятие клеветы.

Авторы пособия «Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы» приводят такое же определение лексемы, ссылаясь на 129 статью УК РФ, однако добавляя диагностические признаки клеветы: «Тот, кто сообщает не соответствующие действительности порочащие сведения, знает, что они ложны и намеренно их распространяет. Если лицо, которое распространяло не соответствующие действительности сведения, было уверено в их истинности, то действия этого лица не образуют состав преступления клеветы» [6, с. 15].

Две ассоциативные реакции 'оскорбление', которые дали испытуемые, наводят на мысль о том, что не всеми гражданами усваивается различие в толковании юридических терминов *оскорбление* и *клеветы*. Оскорбление не обязательно содержит диагностический признак заведомо ложного характера распространяемых сведений, что для диагностирования клеветы в тексте обязательно, а клевета, к примеру, не обязательно может быть выражена в неприличной языковой форме (оклеветать можно и нормативной лексикой), чего нельзя сказать об оскорблении, для которого диагностический признак сообщения негативной информации, выраженной в неприличной языковой форме, обязателен.

Психолингвистическое значение выявило семы, связанные с ситуацией и неодобрительной оценкой, которые не нашли отражения в лексикографических описаниях лексемы.

Таким образом, в языковом сознании испытуемых клевета – это в первую очередь намеренное искажение правды 95, которое оценивается неодобрительно 8. Лексикографическое описание слова дополняется обозначением процесса распространения заведомо ложных сведений, а юридическое толкование указывает на то, что такие сведения будут считаться клеветой, если порочат честь и достоинство человека или подрывают его репутацию.

Проанализировав три лексемы, связанные со словесным выражением в контексте речевого акта с (как правило) негативной коннотацией, можно сделать вывод о значимости использования результатов психолингвистических исследований в области лингвокриминалистической экспертизы. Не все аспекты юридических компонентов значений лексем находят отражение в языковом сознании граждан: так, некоторые пары понятий (к примеру, *клевета* и *оскорбление*, *брань* и *оскорбление*) воспринимаются как синонимы или воспринимаются в значении «то же», что является ошибочным. А, к примеру, на реальную синонимическую связь *брани* и *инвективы* указал лишь один респондент, дав реакцию на стимул *инвектива*. В психолингвистическом значении лексемы *брань* указание на синонимичные отношения с понятием *инвективы* отсутствует.

В целом можно сказать о том, что значения лексем *брань* и *клевета* закреплены в языковом сознании респондентов всех возрастов. На это указывает количество откликов (три и два соответственно), количество различных реакций (47 и 48), а также ядерные семы, входящие в самые объёмные семантические группы, выделенные при интерпретации результатов эксперимента. Причём ядерные реакции, представленные через множество синонимичных понятий, не единичны. Эти показатели позволяют сделать вывод о наличии юридической грамотности у представителей всех возрастных групп.

Значение лексемы *инвектива* слабо освоено носителями языка: в числе неинтерпретируемых реакций большое число составляют реакции типа «что это?».

Также стоит отметить, что семантическая интерпретация результатов эксперимента включает семантические группы, связанные с чувствами, оценками, качествами личности при описании всех исследуемых лексем, что говорит о связи с конкретным коммуникативным актом. Закон такие субъективные понятия и связи не рассматривает.

Сопоставление значений, выявленных в ходе психолингвистического эксперимента, с лексикографическим и юридическим толкованием этих лексем показывает, что психолингвистические и лексикографические значения ближе друг к другу, но психолингвистическое значение объёмней лексикографического и содержит больше дифференциальных сем, оно ближе к обыденному сознанию.

Юридическое толкование, если оно есть (например, у слова *клевета*), содержит меньше компонентов и более точно. При оценке наличия в тексте клеветы важно, чтобы эксперт опирался на юридическое понимание термина. Если слова не определены в юриспруденции, опираться следует на научные определения лингвистов (*инвектива*). Если научного определения нет, следует опираться на обыденное значение в языковом сознании.

Исследование лексем с бытовым и юридическим значением важно для теории и практики лингвокриминалистической экспертизы, так как позволяет экспертам-

лингвистам не только рассмотреть смысл того или иного слова или выражения в понимании закона, но и наметить пути повышения юридической грамотности носителей языка и сформулировать более точные, конкретные диагностирующие признаки, на предмет наличия/отсутствия которых текст может быть проанализирован не только профессиональным языковым сознанием.

Ссылки / References

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
2. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики / Глав. ред. Е. Ф. Тарасов. М.: Ин-т языкознания РАН, 2009. С. 29–43.
3. Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку / Отв. ред. В. А. Виноградов. М.: Ин-т языкознания РАН, 2002. С. 44–51.
4. Стернин И. А., Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Воронеж: Ламберт, 2011. 192 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
6. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова; под науч. ред. проф. И. А. Стернина. Ярославль, 2013. 35 с.
7. Елистратов В. С. Словарь русского аргю. URL: http://endic.ru/russian_argo/Sran-1645.html (дата обращения: 28.08.2020).
8. Литературный энциклопедический словарь / [подгот. Е. И. Бонч-Бруевич и др.]; под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Сов. энцикл., 1987. 75 с. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/literature/index.htm> (дата обращения: 28.08.2020).
9. Словарь литературоведческих терминов / Сост. И. А. Книгин. Саратов: Лицей, 2006. 270 с.
10. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: около 160000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2006. 636 с. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%B0> (дата обращения: 28.08.2020).
11. Большой юридический словарь / Под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2003. 703 с. URL: <http://law.niv.ru/doc/dictionary/big-legal/fc/slovar-202-2.htm#zag-2778> (дата обращения: 28.08.2020).